

Федеральное агентство научных организаций
Российская академия наук

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

Проблемы эффективности
государственного управления

Социальная консолидация регионального сообщества

Вологда
2017

УДК 316.42
ББК 60.524.126
С 69

Публикуется по решению
Ученого совета ВолНЦ РАН

С 69 **Социальная консолидация регионального сообщества** [Текст]: монография / М.В. Морев, Е.О. Смолева, И.Н. Дементьева, В.С. Каминский, О.Б. Молодов, Т.П. Кожина; под науч. рук. д.э.н. А.А. Шабуновой. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2017. – 164 с. (Проблемы эффективности государственного управления).

ISBN 978-5-93299-387-3

**Под научным руководством
доктора экономических наук А.А. Шабуновой**

В монографии анализируются процессы социальной консолидации в России на федеральном и региональном уровнях. Научно обоснованы ключевые индикаторы социальной консолидации, определены факторы, препятствующие повышению консолидационного потенциала на территории региона. На примере конкретного региона (Вологодской области) представлена динамика общественного мнения по ключевым вопросам, связанным с восприятием социально-экономической и общественно-политической ситуации в стране, другими аспектами, характеризующими специфику социальной консолидации. Выявлены основные тенденции, особенности социального здоровья населения Российской Федерации и Вологодской области. Подробно рассмотрены проблемы гражданского общества, описана специфика протестного потенциала региона (в том числе в различных категориях населения).

Книга предназначена научным работникам, преподавателям высших учебных заведений, студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами социальной консолидации, гражданского общества и социального здоровья. Материалы исследования могут использоваться органами местного самоуправления в информационно-управленческих целях.

**УДК 316.42
ББК 60.524.126**

Рецензент:

Асташов Владимир Николаевич,
к.филос.н., доц., заведующий кафедрой социологии
Вологодского государственного университета

ISBN 978-5-93299-387-3

© Шабунова А.А., Морев М.В.,
Смолева Е.О., Дементьева И.Н.,
Каминский В.С., Молодов О.Б.,
Кожина Т.П., 2017
© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2017

Введение

Развитие научно-технического прогресса и информационных технологий, усложнение социальной структуры и социальных отношений, процессы глобализации, происходящие вследствие естественной эволюции мировой цивилизации, актуализируют вопросы социальной адаптации людей к стремительно меняющимся политическим, экономическим, культурно-ценностным условиям современного мира. В этом контексте задача достижения устойчивости процессов социальной консолидации представляет особую значимость для Российской Федерации, отличающейся комплексной поляризацией территорий по самым разным признакам.

Изучение процессов социальной консолидации предполагает анализ факторов социальной разобщенности, одним из которых является восприятие различными слоями общества основных социально-экономических и политических процессов в стране и регионе. Именно сегодня, на фоне роста влияния неэкономических факторов, о чем говорят ведущие отечественные ученые (М.К. Горшков, Ж.Т. Тощенко и др.), изучение социальных процессов в зеркале субъективного восприятия населения представляется особенно важным и перспективным. Не случайно Президент РФ В. Путин в своих публичных выступлениях неоднократно подчеркивал, что именно оценка общества является главным критерием эффективности работы органов государственной власти.

Однако, ведя речь об угрозе, которую несет обществу разобщенность его членов, не следует забывать и еще об одном виде риска – ухудшении общественного здоровья. Со вступлением общества в эпоху постиндустриализма социальное нездоровье приобретает глобальный характер, актуализируется проблема отчуждения. Следствием этого становится рост

социальных патологий (убийств, самоубийств, заболеваемости психическими расстройствами, алкогольными психозами и т.д.), по распространенности которых Российская Федерация ежегодно входит в число стран-лидеров. Социальное здоровье служит индикатором трансформационных процессов, происходящих в обществе. Его научное осмысление и измерение позволяет увидеть глубинные, скрытые от официальных статистических источников закономерности и особенности адаптации людей к существующим и меняющимся условиям бытия. Эти особенности выражаются в конкретных формах отношения (к власти, стране, условиям жизни) и поведения (участие в выборах и различных общественных мероприятиях, потребительское поведение и т.д.).

Следует также отметить, что за последние 25–30 лет российское общество пережило ряд глобальных кризисов, оказавших комплексное влияние на все сферы общественной жизни. По оценкам многих экспертов распад Советского Союза и период «лихих 1990-х» поставили страну фактически на грань исчезновения. И если падение экономики удалось преодолеть в 2000-х гг., то на ликвидацию психологических последствий требовались десятилетия, которых у российского общества просто не было. С этим «багажом» Россия вступает в новую эпоху, характеризующуюся турбулентностью развития мировых процессов, остротой геополитической конкуренции и обоснованными претензиями нашей страны на то, чтобы быть одним из центров многополярного мира.

В условиях напряженных международных отношений фундаментом дальнейшего развития и обеспечения национальной безопасности становится внутренняя жизнь в стране. В широком смысле этого слова – не только экономическая повестка дня, но и связанный с ней характер отношений между ключевыми субъектами развития – обществом, властью, средствами массовой информации, наукой.

Таким образом, взаимоотношения, складывающиеся между обществом и властью, восприятие населением основных тенденций социально-экономической и политической жизни в стране, динамика и перспективы развития гражданского общества становятся ключевыми вопросами устойчивости процессов социальной консолидации, а индикатором этих процессов выступают показатели социального здоровья, свидетельствующие о степени адаптации людей к существующим условиям жизни. Вышеперечисленным аспектам посвящена данная монография, подготовленная

научным коллективом ВолНЦ РАН по итогам многолетних мониторинговых исследований российского общества на примере типичного российского региона – Вологодской области.

Подготовка материалов монографии выполнена рабочей группой в составе: А.А. Шабунова (научное руководство; общая редакция), М.В. Морев (введение, §1.2., §1.3., §3.1., заключение), О.Б. Молодов (§1.1), Т.П. Кожина (§2.1), В.С. Каминский (§2.2), И.Н. Дементьева (§2.3), Е.О. Смолева (§3.2).

ГЛАВА 1

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

1.1. Понятие консолидации в различных сферах общественной жизни

В конце XX века на постсоветском пространстве прошли масштабные дезинтеграционные процессы, вызванные распадом идеологии, системы ценностей и государства. Эксперты отмечают, что «некогда консолидированное общество на глазах стало рассыпаться, люди утратили доверие и интерес друг к другу, замкнулись в собственном мирке, состоящем в основном из материальных ценностей» [Аргунова, 2004: 10]. Сложившаяся в российском социуме ситуация обусловлена рядом причин:

1) масштабной трансформационной «ломкой» в социально-экономической сфере, повлекшей снижение уровня жизни большинства населения;

2) изменением модели развития страны, что привело к образованию значительных социальных неравенств, нелегитимных в общественном сознании;

3) трансформацией системы управления обществом, ослабившей «обратную связь» россиян с властью, ликвидировавшей традиционные и привычные для них институциональные способы смягчения недовольства.

Все это привело к дестабилизации в обществе и нарастанию социальных противоречий, обострившихся вследствие экономического кризиса 2008–2009 гг. [Социальные факторы..., 2010: 3-4]. Поэтому проблема консолидации стала весьма значимой для российского социума, который характеризуется преобладанием процессов дифференциации над процессами социальной интеграции и политической консолидации [Лапкин, 2000: 60]. Кроме того, консолидация выступает одним из путей достижения соци-

ального согласия в обществе, а также она важна для федеративного государства, особенно такого асимметричного, как Россия [Великая, 2005: 60].

Президент РФ В.В. Путин называет консолидацию общества на основе понятных и четких целей, вокруг базовых общенациональных ценностей и задач одним из главных приоритетов развития страны, без которых противостоять имеющимся угрозам будет невозможно [Персональный сайт...].

Само понятие «консолидация» еще не стало традиционным и активно используемым в социологии и, как отмечается, заимствовано из этнографических и этносоциальных исследований [Кривоусков, 2012]. Там оно отражает межэтнический характер консолидации общества (процесс слияния близких по языку и культуре этносов в более крупные общности и т.п.), не учитывая иных аспектов функционирования социума.

В общественных науках под «консолидацией» (от лат. «*consolido*» – укрепляю) понимается упрочение, укрепление чего-либо; объединение, сплочение отдельных лиц, групп, организаций для усиления борьбы за общие цели [Большой энциклопедический словарь, 1991: 621]. В общественных науках консолидационные процессы наиболее часто рассматриваются в политологических исследованиях, где они связываются со взаимодействием институтов государства и гражданского общества [Васильева, 2009; Галкина, 2010; Матвеев, 2002; Шмиттер, 1996]. Понятием «консолидация», как отмечает В.В. Кривоусков, можно смело обозначать разновидность объединительных процессов в обществе [Кривоусков, 2013: 24].

М.Н. Руткевич связывает данное понятие с согласием, основанным на многообразии и доверии к действующим политическим персоналиям. Он включает в него и такие компоненты, как сотрудничество и взаимопомощь сторон и патриотических сил, участвующих в модернизации, солидарность взглядов, позиций российских граждан, направленных на становление и укрепление сильного российского государства, опирающегося в своей деятельности прежде всего на демократию, высокую духовность и поддержку граждан [Руткевич, 2001: 28-29].

Трудности изучения проблемы сплоченности общества усугубляются ее многослойностью, поскольку можно говорить о социальной, межпоколенной, межнациональной, гендерной, профессиональной, межрегиональной консолидации [Социально-структурные факторы..., 2012: 5].

В социологии XIX–XX вв. чаще встречается понятие социальной интеграции (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс и др.). Следует разграничивать понятия социальной интеграции и социальной консолидации.

Интеграция в целом (от лат. «integratio» – восстановление, восполнение) – это «состояние связанности отдельных дифференцированных частей и функций системы, организма в целом, также процесс, ведущий к такому состоянию» [Большой энциклопедический словарь, 1991: 495]. Социальная интеграция характеризует совокупность процессов, благодаря которым происходит сцепление разнородных взаимодействующих элементов в социальную общность, целое, систему; формы поддержания социальными группами определенной устойчивости и равновесия общественных отношений; способности социальной системы или ее частей к сопротивлению разрушительным факторам, к самосохранению перед лицом внутренних и внешних напряжений, затруднений, противоречий [Современная западная социология, 1990: 120].

Как отмечает В.В. Кривоусков, интеграция определяет бóльшую степень взаимопроникновения элементов социальной системы с возможным ассимиляционным исходом для одной из включенных в этот процесс сторон. Консолидация в значительной степени акцентирована на единении с целью достижения общих для консолидационной группировки целей, при сохранении самобытности, уникальности и определенной автономности включенных в нее субъектов [Кривоусков, 2012].

В современном научном сообществе политологи и социологи в основном обращаются к проблеме консолидации демократии, в целом полагая, что демократия уже состоявшийся факт и ее следует укреплять, то есть консолидировать. Что касается современного политического режима постсоветских государств (в том числе и России), то наиболее точно сформулирована позиция у Е.В. Галкиной, отмечающей, что постсоциалистическое общество не может ускоренно перейти к консолидированной демократии, перешагнув стадию либерализации и разновидностей переходных (гибридных) режимов [Галкина, 2010: 7].

Как политический феномен консолидация общества представляет собой сплочение граждан страны, основанное на внутреннем (ментальном, ценностном) согласии, по поводу понимания назревших общезначимых проблем и целей, связанных с их решением [Агеева, 2004: 10].

Исследователи разграничивают процессы консолидации общества и консолидации власти, хотя отмечают их тесную взаимосвязь. Консолидация власти в понимании современной российской элиты представляет собой процесс создания «вертикали власти», формирования устойчивого политического большинства и «партии власти», повышение управляемости регионами [Великая, 2005: 61].

Кроме того, консолидация рассматривается и в качестве идеологии. Любая идеология является организующей формой общественной жизни, она побуждает действовать, определяет преобразование, функционирование и развитие общества в истории человечества [Волков, 2000: 81-86]. Идея деидеологизации, взятая на вооружение руководством России в начале 1990-х годов, в социальном смысле выступает утопией и фактически трансформируется в проблему поиска и развития оптимальных форм сочетания и сосуществования разных идеологий [Социальная философия, 2003: 166].

Идеологический плюрализм установлен в статье 13 Конституции России и «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». В то же время современное российское общество (как и население постсоветского пространства в целом) нуждается в национальной идее и внятно сформулированных общих ценностях, о чем говорят многие исследователи [Иманалиев, 2002; Нугаев, 2003]. Дальнейшие перемены в России, по утверждению М.Ю. Попова, следует связывать с формированием государственной идеологии гуманизма и согласия, консолидирующей все слои населения в направлении развития российской цивилизации по пути общественного прогресса [Современная западная социология, 1990: 129].

Принципы консолидации были сформулированы группой ученых-гуманитариев в ходе дискуссии «Формирование объединяющей российской идеологии XXI века как научная проблема». Они отметили, что такая идеология должна представлять собой относительно устойчивую артикулированную совокупность принятых людьми личных, общественных, государственных и цивилизационных целей, идеалов, ценностей, интересов, которые содействуют каждому человеку: в формировании и конструктивном функционировании исторической памяти, российской мечты и смысла жизни на основе уважительного диалога, культуры мира и патриотизма; в достижении им достойного качества и уровня благополучия, надежной безопасности; в интерпретации прошлого, осмыслении настоящего и понимании будущего [Кузнецов, 2003: 38]. В условиях современной России общество характеризуется крайней атомизацией, слабостью межгрупповых и межрегиональных связей, перспективы формирования общегосударственной идеологии выглядят малообещающими и в основном остаются предметом научных дискуссий [Галкина, 2010: 38; Великая, 2005: 68].

Основным препятствием для консолидации общества являются фундаментальные противоречия в вопросах собственности и распределения доходов [Кривопусков, 2012]. Итоги прошедшей приватизации так и не стали легитимными в сознании социума. При этом возрастает роль государства, заинтересованного в консолидации общества и легитимации сложившейся ситуации. Однако приоритеты и практика реализации государственной политики часто не совпадают с жизненно важными интересами населения, власть и общество не слышат друг друга. По-прежнему низок уровень доверия граждан к государственным и общественным институтам, бизнес-сообществу. В массовом сознании сохраняется противоречивая ситуация, когда у населения имеется, с одной стороны, стремление к стабильности и устойчивости, а с другой – высокий потенциал протеста.

Как отмечает Н.М. Великая, мы находимся на первом из трех этапов политической консолидации социума – консолидации-адаптации, связанной с осознанием обществом невозможности реставрации прежней социальной системы [Великая, 2005: 69]. То есть российское общество как бы смирилось с этой мыслью, адаптировалось, но явно не согласилось с предложенным ему уровнем и качеством жизни.

Таким образом, понятие «консолидация» используется в различных сферах и понимается по-разному в зависимости от контекста. В последние годы сплочение российского общества стало одним из приоритетных направлений его развития. Важная роль в этом процессе сохраняется за государством. В связи с этим центральную проблему представляет исследование факторов консолидации населения.

Успех консолидации общества определяется тем, насколько комплексным, то есть охватывающим все сферы общественного бытия и общественных отношений, является этот процесс [Кривопусков, 2013: 25]. В науке исследуется множество факторов сплочения населения: политические, экономические, духовные, этнические, социокультурные, аксиологические.

Социологами выделяются факторы конструктивной (позитивной) и деструктивной (негативной) консолидации, а также детерминанты многовариантные по своим последствиям. Если конструктивные факторы служат предпосылками сплочения населения с целью достижения позитивного результата для общества в целом, то деструктивные – лежат в основе консолидации людей для каких-либо разрушительных действий. Последствия воздействия многовариантных факторов зависят от того, куда будет направлен «вектор силы» сплотившейся группы людей – на достижение позитивного или негативного результата.

Наиболее значимые факторы конструктивной (позитивной) консолидации, выявленные В.В. Локосовым и В.Л. Шульцем в 2007–2008 гг., анализировавшими результаты опросов в докризисный период, были следующими [Локосов, 2008]:

- установка населения на социальное взаимодействие (главное в жизни – отношения между людьми);
- толерантное отношение к различным социальным группам;
- легитимация политической системы.

Действительно, в середине 2000-х гг. начали складываться определенные предпосылки для сплочения населения, связанные с ростом уровня доходов, стабилизацией политической ситуации и высоким уровнем доверия к Президенту РФ В.В. Путину. В 2008 г. ему доверяло 65% жителей Вологодской области.

Однако последствия кризиса показали, что стратегическое планирование пока декларативно и что сейчас, вместо удвоения ВВП, ставится задача борьбы с рецессией (стагнацией) в экономике. Граждане до сих пор не ощутили реальной отдачи от долгосрочных планов и программ, но постоянно слышат о хищениях средств, выделенных на их реализацию (наиболее известным стало дело «Рособоронэкспорта», количество обвиняемых по которому постоянно увеличивается).

Консолидация общества в первом десятилетии XXI века происходила на основе государственно-патриотической ориентации абсолютного большинства граждан отчасти благодаря проводимому курсу на историческую преемственность. Именно в тот период были официально заявлены амбициозные стратегические планы развития страны до 2020 года. Среди россиян преобладала уверенность в способности страны совершить прорыв в своем развитии [Локосов, 2008].

Объективным фактором сплочения социума становится и рост глобальных угроз: изменение климата, перенаселение планеты, истощение природных ресурсов и даже ожидание грядущего «конца света». Стимулом для граждан в данном случае становится защита ресурсов и территории страны.

К факторам деструктивной (негативной) консолидации относятся [Локосов, 2008]:

- отсутствие доверия к политическим и социальным институтам;
- низкий уровень удовлетворенности условиями жизни и проводимой социальной политикой;

- дискредитация честности и значимости выборов в органы государственной власти и местного самоуправления;
- недостаток уровня общегражданской идентичности («нация сограждан» пока отсутствует);
- широкая прожективная поддержка массовых выступлений.

Существуют и факторы многовариантные по своим последствиям.

Во-первых, заметна локализация политических противоречий и смещение их остроты на местный уровень. Это, с одной стороны, укрепляет консолидацию, стимулирует самоорганизацию населения, а с другой – обостряет ситуацию, поскольку «виновники» всех бед оказываются рядом.

Во-вторых, рост социальной активности людей может стать предпосылкой развития институтов гражданского общества, но способен вызвать и массовые акции протеста.

В.В. Кривоусков выделяет следующие факторы, выступающие в качестве рисков и угроз для консолидации.

1. Исторически сложившийся патернализм, который выступает основой для укрепления в системе государственного управления позиций авторитаризма, не сочетающегося с провозглашенным переходом к демократии. К.Г. Холодковский, в частности, говорит о размежевании между сторонниками рыночных реформ, индивидуальной предприимчивости и приверженцами традиционалистских, государственно-патерналистских начал в экономике и социальной жизни [Холодковский, 1998].

2. Отсутствие социальной справедливости – фактор разрушительного влияния на функционирование социальных институтов, поскольку молодое поколение воспроизводит негативные проявления современной российской действительности: низкий уровень социальной ответственности, коррупцию и взяточничество, право сильного и приоритет материального над духовным.

3. Средства массовой информации – фактор институциональной угрозы, формирующий массовое сознание и управляющий им. Результатом стал разрыв между поколениями и приоритет сетевых коммуникаций для многих молодых людей.

4. Кризис института семьи как агента социализации и его слабая адаптивная способность в условиях информационной динамичной реальности [Кривоусков, 2013: 37].

В силу разрушения традиционных оснований брака всё более разнообразными становятся варианты брачно-партнерских отношений. Как показывают исследования, более половины молодых людей живут со сво-

ими партнерами, не оформляя официально отношений. Весьма распространены пробные браки, в которых рождается гораздо меньше детей [Социальные факторы, 2010: 81].

Реализация консолидирующих возможностей семьи требует осуществления специальных программ по пропаганде семейных ценностей, повышению статуса семейной педагогики, усилению внимания к нравственному воспитанию подрастающего поколения.

5. Социальная поляризация российского общества. Высокий уровень социального неравенства делает для большинства россиян недоступными те социальные блага и услуги, которые на официальном, правовом уровне провозглашены как равнодоступные для всех.

Характеризуя электоральные размежевания, Ю.Г. Коргунюк отмечает доминирование в России противостояния власти и «невласти», бюрократии и общественности (под ней понимаются прежде всего представители «образованного класса», интеллигенции, оттесненные от принятия политических решений) [Коргунюк, 2012: 10].

В целом факторы и риски складываются в сложную и противоречивую разновекторную конструкцию. Задача государства – адресно стимулировать позитивные факторы, блокировать негативные, а многовариантные направлять в «позитивное русло». Знание о них имеет и практическое значение для формирования системы социального контроля процесса консолидации на уровне региона, придания ему научно выверенного характера.

В современной литературе проблема консолидации чаще всего сопрягается с социальной стратификацией и рассматривается как ответ на усиление неравенства. Социальная стратификация проявляется не только в разрыве бедных с богатыми, но и в отделении власти от общества, разрыве между поколениями [Социально-структурные факторы, 2012]. О ключевой роли социальных неравенств для консолидации российского общества говорят многие ведущие социологи [Левашов, 2004; Локосов, 2008; Руткевич, 2001; Социальные факторы, 2010 и др.]. Наряду с неравенством важное место в исследованиях социальных процессов в последние годы занимает проблема институционального доверия и его консолидационного потенциала [Бойцова, 2012; Вахтина, 2011; Веселов, 2011; Жбанков, 2010; Расадина, 2011; Рукавишников, 2008; Селигмен, 2002 и др.].

Методологические особенности исследования социальной консолидации

Широкое многообразие подходов к пониманию консолидации в различных сферах общественной жизни актуализирует задачу разработки новых методологических подходов к ее изучению. В конечном итоге

цель исследования консолидационных процессов, происходящих в обществе, заключается в том, чтобы правильно определить основные векторы общественного развития, выявить его факторы, препятствия и потенциальные «точки роста». При этом важно отметить, что консолидационные процессы имеют комплексный характер, они происходят десятилетиями и отражаются на всех сферах общественной жизни. Поэтому и методологический подход, выбранный для изучения социальной консолидации, также должен базироваться на максимально комплексных индикаторах, агрегированно отражающих тенденции общественного развития.

Методологический подход, выбранный нами для изучения консолидационных процессов, имеет следующие особенности.

1. Как уже отмечалось, проблема консолидации важна для федеративного государства, когда интеграция осложняется различиями регионального характера [Великая, 2005]. В связи с этим мы считаем важным изучение консолидационных процессов именно на региональном уровне.

Кроме того на этом уровне существуют специфические условия, которые могут быть использованы для повышения эффективности консолидационных процессов в обществе. Например, с одной стороны, органы государственного управления субъектом федерации наиболее близки к реальным потребностям жителей и к специфике социально-экономического развития территории, находящейся в их ведении. С другой стороны, жители муниципальных образований региона имеют больше возможностей для взаимодействия именно с региональной, а не федеральной властью посредством СМИ, общественных организаций и т.д.

2. Важным элементом социальной и экономической политики выступает анализ региональной специфики социальной стратификации. Однако изучение социальной консолидации предполагает более глубокое научное исследование, целью которого служит не только анализ социального и экономического неравенства населения, но и факторов социальной разобщенности, одним из которых является восприятие различными слоями общества основных социально-экономических и политических процессов в стране и регионе.

В управленческой практике широко применяется анализ социальной ситуации на основе статистических данных, представляемых органами государственной статистики. Они обладают рядом достоинств (сопоставимость, оперативность, достаточно высокая степень достоверности измеряемых показателей и др.), однако без внимания остается такой важный аспект, как настроения людей, их отношение к различным сферам личной

и общественной жизни, к деятельности властных структур. Такие сведения можно получить только посредством опросов общественного мнения, поэтому в качестве основной информационной базы для изучения процессов и факторов социальной консолидации мы считаем целесообразным использовать результаты социологических исследований.

Социологические исследования в ВолНЦ РАН проводятся в мониторинговом режиме, что позволяет увидеть динамику общественных настроений в различные исторические периоды, ведь «очень важно придать исследованиям регулярный характер, уйти от случайности во времени, в предмете, в пространстве» [Заславская, 1993: 12].

Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН осуществляется с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Таким образом, общий объем выборки в год составляет 9 тысяч респондентов. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

3. Важнейшими индикаторами состояния процессов социальной консолидации в стране, на наш взгляд, являются динамика социального здоровья населения и уровень развития гражданского общества.

Показатели *социального здоровья* отражают уровень социальной адаптации личности в социуме. Несмотря на то, что социальное здоровье выражается преимущественно через распространение конкретных социальных патологий, данное понятие, по нашему мнению, имеет глубоко личностную психологическую основу, поскольку отражает способность каждого конкретного члена общества адаптироваться к социуму, причем не только «уживаться» с ним, но и реализовывать свой потенциал, свои потребности, достигать своих целей и, таким образом, изменять социальную реальность. Важно при этом подчеркнуть актуальность изучения социального здоровья в настоящее время. «В пореформенной России, – как отмечает М.К. Горшков, – концентрируется огромный социально-психологический ресурс, выступающий основой осуществления модернизационного прорыва, в котором столь остро нуждается сегодня российский

социум» [Горшков, 2010: 6]. Именно «социально-психологический ресурс» является ключевой потребностью общества и ключевым фактором развития в условиях духовно-нравственных, идеологических преобразований, на пороге которых Россия стоит уже с 2014 года. И именно «субъективный» фактор, как называет его Ж.Т. Тощенко, «играет существенную и все возрастающую роль среди факторов, определяющих содержание и вектор происходящих изменений во всем мире и в нашей стране» [Тощенко, 1998: 32].

Кроме того, новое понимание роли и места человека в системе общественных отношений требует и трансформации подхода к государственному управлению. Эта трансформация заключается в переходе от традиционных форм и методов управления к человекоориентированной модели экономики, социальной сферы, политики, основанной на повышении качества жизни населения [Тощенко, 1998: 4]. Такая трансформация предполагает необходимость внесения коррективов в систему индикаторов, отражающих эффективность государственного управления, выявления новых показателей, характеризующих государственное управление в соответствии с веяниями времени. Социальное здоровье является одним из таких показателей. Это комплексное понятие находит свое отражение и в зеркале официальной статистики, и в субъективных оценках населения. Исследование социального здоровья позволяет увидеть тенденции развития общества, уровень адаптации людей к существующим условиям бытия, проблемы и возможности реализации человеческого потенциала в конкретном социуме с его уникальной социально-экономической, политической и культурно-нравственной ситуацией; найти «болевы́е точки» общественного развития, в том числе и те из них, которые «скрыты» от официальной статистики; и, наконец, позволяет увидеть те нюансы, которые являются перспективными для управления в плане осуществления любых (особенно глобальных) преобразований, для того чтобы этот процесс происходил максимально эффективно, без таких тяжелых для общества потерь, которые наблюдались после развала СССР.

Уровень развития гражданского общества, а точнее гражданскую активность населения, мы рассматриваем в качестве индикатора консолидационных процессов потому, что социальная консолидация в широком смысле представляет собой динамический процесс объединения людей по определенным критериям (проблемы, интересы и т.д.). При этом объектом нашего изучения выступает не консолидация отдельных социальных групп (профессиональных и др.), а консолидационные про-

цессы, происходящие во всем российском обществе, среди широких слоев населения. На этом уровне основным объединяющим фактором являются вопросы общенационального масштаба – возможность влияния на положение дел в стране, достижение социальной справедливости, отношение к правительственным реформам и т.д. Проблемы именно такого уровня заставляют людей объединяться для достижения общих целей, выходить на демонстрации и митинги, участвовать (или не участвовать) в голосовании. И именно на этом уровне могут нивелироваться такие характеристики людей, как их профессиональная занятость, состояние здоровья, индивидуальные предпочтения, круг общения и др.

Гражданское общество с нашей точки зрения – это не только участие населения в общественно полезных мероприятиях, готовность идти на выборы или волонтерская работа в некоммерческих организациях. Мы смотрим на гражданское общество с более широких позиций, которые коррелируют скорее с вопросами национальной идентичности, чем с реальным участием в общественной жизни. Насколько современный среднестатистический россиянин чувствует свою общность с жителями своего города (села, района), области, страны? Как он оценивает уровень сплоченности людей в рамках своего ближайшего окружения? Насколько люди обеспокоены теми вопросами, которые, гипотетически, должны объединять их (например, вопросы политики)? Что готовы они сделать для защиты своих интересов и насколько значима для них возможность взаимодействия с представителями государственной власти? Все эти вопросы, на наш взгляд, являются неотъемлемой и, пожалуй, основной составляющей гражданского общества. Это – вопросы общественного сознания, которые уже впоследствии формируют определенный тип социального поведения, конкретные формы выражения гражданской активности.

Таким образом, мы считаем уровень развития гражданского общества одним из индикаторов социальной консолидации по двум причинам: во-первых, объединение (консолидация) людей в конечном итоге имеет свою форму выражения, и эта форма – гражданские инициативы, участие в общественно значимой деятельности. Во-вторых, в характеристику и социальной консолидации, и гражданского общества включены общие индикаторы, которые относятся к сфере общественного сознания и отражают межличностное доверие и оценку уровня сплоченности.

Уровень развития гражданского общества и показатели социального здоровья, по нашему мнению, представляют интегральные индикаторы интенсивности и качества процессов социальной консолидации. Кроме

того, комплексное изучение социальной консолидации требует анализа факторов, влияющих на желание и готовность людей объединяться друг с другом ради достижения общих целей. Учитывая тот факт, что это желание и готовность по сути своей служат внутренними психологическими характеристиками, можно сказать, что ключевыми факторами социальной консолидации являются особенности восприятия членами общества социально-экономических и общественно-политических событий, происходящих в стране и регионе, а также социальное самочувствие населения, то есть то психологическое состояние, которое формируется у людей в результате особенностей их социального восприятия.

Итак, под консолидацией мы понимаем разновидность объединительного процесса в обществе, направленного на достижение общих для консолидационной группировки целей, при сохранении уникальности и определенной автономности включенных в нее субъектов. Данный процесс связан прежде всего со взаимодействием институтов государства и гражданского общества. К субъектам консолидации относятся отдельные группы, организации, институты гражданского общества и правового, социального государства, а также отдельные личности.

Сущность консолидации общества – взаимное доверие, сотрудничество различных социальных субъектов, их интеграция в социально-политической, экономической, культурной жизни. В качестве оснований успешной консолидации общества могут выступать: общность целевых установок социальных групп; схожесть ценностных ориентаций; экономические интересы общества; социальные, в том числе этнические, основания; политические, исторические и социокультурные факторы (идеология, религия, язык, культура).

Эффективность социальной консолидации зависит и от многих других факторов, в частности от управленческих решений, связанных с созданием соответствующей социальной инфраструктуры, материальной поддержкой гражданских инициатив и общественных объединений и т.д. Их изучение является задачей дальнейших этапов исследования.

1.2. Общество и власть: специфика взаимодействия на современном историческом этапе

Последние 25 лет можно охарактеризовать как период стремительной социально-экономической и политической трансформации в России. За это время на долю россиян выпали тяжелейшие испытания: общество пере-

жило смену идеологического курса, три экономических кризиса, несколько национальных вооруженных конфликтов, практически полную смену законодательной базы и, наконец, реальную угрозу втягивания страны в «большую» войну. Осложнение международной политической обстановки вокруг России вызывает тревогу и опасения, однако как никогда актуализирует задачу консолидации общества; требует активизации деятельности научного сообщества, власти и общественных объединений в целях сплочения социума для решения задач экономического и социального развития страны, обеспечения её национальной безопасности.

Изменение модели развития страны после распада СССР привело к образованию значительных социальных неравенств, глубина которых возросла в десятки раз по сравнению с советским периодом. В условиях своей нелегитимности в общественном сознании подобные неравенства оказали серьезное воздействие на дестабилизацию российского общества и нарастание в нем социальных противоречий. Кроме того, за годы реформ изменилась система управления обществом, что не могло не привести к ослаблению «обратной связи» между рядовыми россиянами и властью, изменению функций одних традиционных форм фиксации «болевых точек» общественной жизни, которыми в советское время выступали, например, СМИ, и к исчезновению других, в частности, тех структур, куда десятилетиями было принято обращаться с жалобами для устранения соответствующих проблем [Социальные факторы, 2010: 3].

На этом фоне протекает процесс изменений общественных норм морали и нравственности, вызванный процессом глобализации и стремительным развитием информационных технологий.

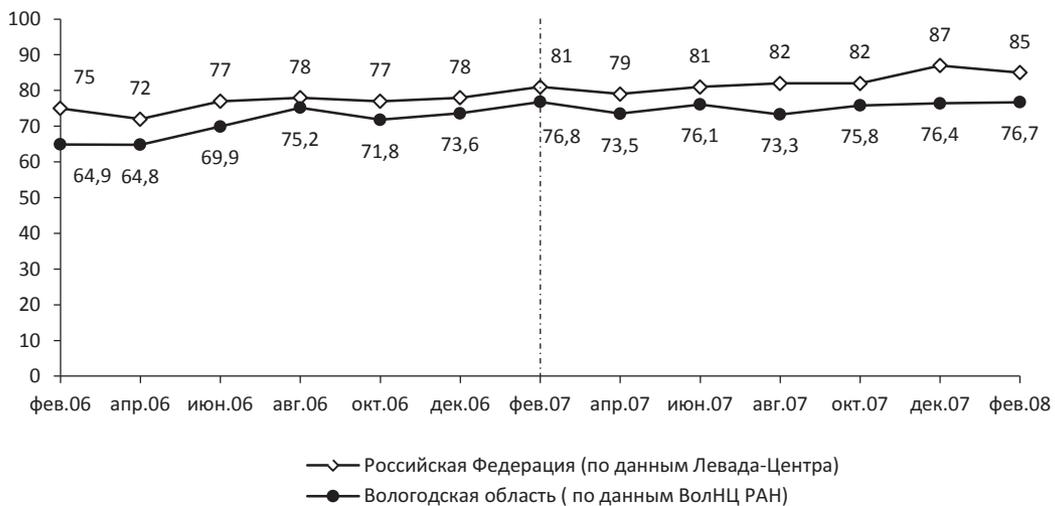
С того времени как российское общество пережило период «лихих 90-х» и в отечественной истории началась эпоха «стабилизации», связанная с постепенной адаптацией экономики, социальной и духовной жизни к изменившимся, постсоветским, условиям существования, прошло более 10 лет.

В феврале 2007 г. на мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности В. Путин произносит речь, в которой озвучивает свой взгляд на место и роль России в современном мире с учётом реалий и угроз. Это выступление Президента РФ стало «прологом к проведению Россией самостоятельной внешней политики» [Степанов, 2013]. «Ее [речь] можно без преувеличения назвать исторической. Потому что никогда до этого за последние десятилетия лидер России не высказывал столь ясной и категоричной позиции относительно образа будущего в международ-

ной политике. Все высказывания на этот счёт были очень двусмысленны. В этот раз В. Путин высказал не просто комментарий к текущим событиям или мнение России по какому-то конкретному вопросу, но продемонстрировал принципиальную волю России как планетарной геополитической силы участвовать в формировании будущего мироустройства» [Дугин (электронный ресурс)].

Однако какой бы концептуальностью ни обладали тезисы, высказанные лидером страны, они никогда не станут поворотным моментом до тех пор, пока не найдут отклик в сердцах и умах представителей самого общества или, по крайней мере, наиболее представительных социально-демографических групп [Ильин, Морев, 2015: 48].

Результаты проведенных социологических исследований свидетельствуют о том, что концептуальные положения, озвученные Президентом РФ в Мюнхене, не отразились на уровне его поддержки в обществе (рис. 1.1).

Рис. 1.1. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ жителями Российской Федерации и Вологодской области (в % от числа опрошенных)*

* На графике представлены данные за периоды: февраль 2006 – февраль 2007 г. и февраль 2007 – февраль 2008 г., то есть за 6 опросов до и после мюнхенской речи В. Путина.

Мюнхенская речь так и не стала точкой отсчета нового этапа в жизни страны. Отчасти из-за того, что с мая 2008 г. пост Президента РФ занял Д.А. Медведев; отчасти потому, что в выступлении В. Путина в Мюнхене было «достаточно много политической риторики...» [Холмогоров (электронный ресурс)]. Главным же фактором, на наш взгляд, стало то, что

для широких слоев населения суть мюнхенской речи Президента осталась «за кадром» проблем, которые принес мировой финансовый кризис. Возможно, так могло случиться в советский период¹, но мюнхенская речь Путина показала, что **по прошествии 10 лет российское общество изменилось: оно заявило о себе как активном субъекте построения социальной реальности, без которого дальнейшее развитие страны невозможно.** Если общество волнуют экономические проблемы, то идеология для него отходит на второй план, а если так, то новый этап в жизни страны еще не настал.

Однако перемены назревали... В 2010 г. отечественный социолог М.К. Горшков отметил, что «российское общество находится в состоянии постоянного перехода. При этом никто точно не знает, куда оно идет и с какой социальной скоростью движется. Как следствие, вопрос о будущем России остается во многом открытым» [Горшков, 2010: 6]. Значимость и масштабность глобальных изменений в обществе во второй половине 2000-х гг. отмечал в своих выступлениях и Президент РФ В.В. Путин, и многие ведущие российские учёные [С.С. Сулакшин, 2011; М.К. Горшков, 2012; В.К. Левашов, 2011].

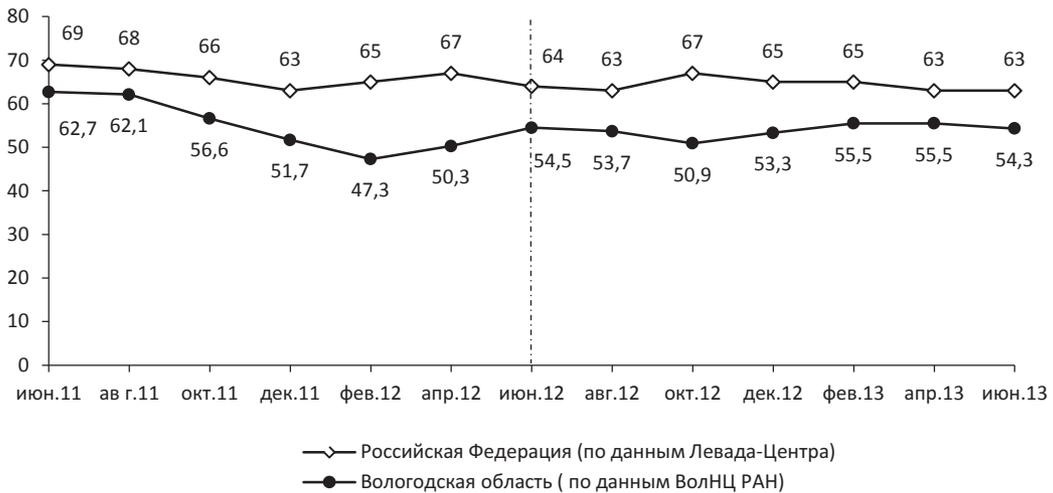
Новая возможность для качественного перехода появилась в 2012 году, ознаменовавшемся началом третьего президентского срока В. Путина и серией его майских указов, сама идея которых была, безусловно, воспринята населением с оптимизмом, поскольку касалась самых острых социальных и экономических проблем.

Однако и это не стало точкой отсчета «нового этапа». Как пишет Г.В. Осипов, «после избрания Президентом РФ В.В. Путина Россия все еще ждала нового века и сосредотачивалась, чтобы ускорить этот процесс» [Осипов, 2013: 17]. Причина в том, что люди ждали начала третьего президентского срока В. Путина. Пожалуй, многие ждали еще с момента окончания его второго президентского срока, и чем ближе подходил этот момент, тем сильнее были надежды общества на существенное, реально ощущаемое улучшение материального положения и функционирования социальной сферы. Но, как оказалось, реализация майских указов Президента не принесла должного эффекта. При их выполнении возникли проблемы, которые окончательно не решены до сих пор. По различным (преиму-

---

¹ В частности, комментируя валдайскую речь В. Путина, В. Третьяков, один из авторов сборника «Перелом», отметил: «Выступление президента все-таки не доклад генсека КПСС. В советское время каждый такой доклад рассматривался как жизнеобразующий документ, под него «подверстывалась» и работа партии, и жизнь страны. Но ведь у нас демократия, которая, правда, больше похожа на анархию».

щественно внутренним социально-экономическим) причинам надежды россиян на качественный скачок вперед вновь свелись к вопросу о том, насколько эффективно или неэффективно решаются существующие в стране проблемы (рис. 1.2).

Рис. 1.2. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ жителями Российской Федерации и Вологодской области (в % от числа опрошенных)*

* На графике представлены данные за периоды: июнь 2011 – июнь 2012 г. и июнь 2012 – июнь 2013 г., то есть за 6 опросов до и после «майских указов» В. Путина.

Рис. 1.3. Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ жителями Российской Федерации и Вологодской области (в % от числа опрошенных)*

* На графике представлены данные за периоды: октябрь 2012 – октябрь 2013 г. и октябрь 2013 – октябрь 2014 г., то есть за 6 опросов до и после валдайской речи В. Путина.

Переломным для России стал даже не 2014-й, а 2013 год, когда Президент РФ предпринял вторую после мюнхенской речи попытку сформулировать основные положения новой государственной идеологии (рис. 1.3). Это произошло в сентябре 2013 г. на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай». Именно в этой речи лидером страны была сформулирована идеологическая парадигма развития, которой планирует придерживаться государство: «Наше движение вперёд невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам, не сможем добиться успеха в условиях глобальной конкуренции» [Путин, 2013].

Валдайская речь Путина была воспринята в обществе как «первая масштабная попытка властей РФ сформулировать новую политическую идеологию для России после распада Советского Союза, а также рассмотреть в критическом ключе вопрос о ценностях, которые должны лечь в основание новой российской идентичности, Евразийского мира и международных отношений» [Махмудов, 2013]. Сам же Президент показал себя как «наследник русской консервативной политической традиции» [Степанов, 2013] и «критик всей современной модели развития западной цивилизации» [Акопов, 2013]. Причем концептуальный характер валдайского выступления Президента РФ был отмечен не только в России, но и за рубежом.

В первый раз сработал фактор времени, который, как оказалось, решает если не всё, то, по крайней мере, очень многое: если за выступлением Президента РФ в Мюнхене в 2007 г. последовал мировой финансовый кризис, то после валдайской речи В. Путина внимание общественности было приковано к успехам страны на Олимпийских играх в Сочи, к присоединению Крыма и Севастополя, к притеснению русскоязычного населения на территории Украины, и даже политика США и дружественных им стран органично вписывалась в то виденье мироустройства, которое было обозначено В. Путиным в сентябре 2013 года.

В научном и политическом сообществе концептуальный характер выступления В. Путина на Валдае был отмечен сразу же. Широким слоям российского общества для этого потребовалось некоторое время и «катализатор», в роли которого выступил ряд последовательно происходивших друг за другом событий 2014 года. **Тем не менее суть «нового этапа» российской истории, ее фундамент были заложены именно в сентябре 2013 года.**

С этого момента начался период, который стал для России одним из самых богатых и, возможно, самых судьбоносных за всю 25-летнюю историю постсоветской эпохи. Позиция В.В. Путина и россиян в целом нашла своё отражение в его выступлении в Кремле 18 марта 2014 г.: **«Россия – самостоятельный, активный участник международной жизни, у неё, как и у других стран, есть национальные интересы, которые нужно учитывать и уважать... Твёрдость внешнеполитической позиции России основывалась на воле миллионов людей, на общенациональном единении, на поддержке ведущих политических и общественных сил... Мы явно столкнёмся и с внешним противодействием, но мы должны для себя решить, готовы ли мы последовательно отстаивать свои национальные интересы или будем вечно их сдавать, отступать неизвестно куда»** [Обращение Президента РФ, 2014].

События 2014 г., важнейшим из которых, без сомнения, является вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации, показали, что «идентичность с россиянами, предполагающая отождествление себя со страной и её народом и лежащая в основе русского цивилизационного проекта, глубоко укоренилась и получила широкое распространение в сознании населения, хотя и находилась как бы в «спящем», латентном состоянии» [Горшков, 2012: 10].

В 2014 г. академик Г.В. Осипов пишет, что «после долгого, почти 15-летнего периода ожидания “новая возрождающаяся” Россия наконец-то осуществила переход в свой новый век – светлый и жизнеутверждающий...» [Осипов, 2014: 17].

Идея возрождения «русского мира» и восстановления статуса России как одного из главных центров многополярного мироустройства нашла широкую поддержку в российском обществе не только потому, что за валдайским выступлением Президента последовали события, сплотившие самые разные слои населения, объединившие вокруг фигуры главы государства представителей самых разных точек зрения. В не меньшей степени на это повлияло прошлое российской истории, а именно:

а) факт существования Советского Союза (периода, который дал людям воспоминания о государственных гарантиях, о социальной защите, а также о духовно-нравственной сплоченности, национальной идентичности);

б) факт его распада, за которым последовал период «лихих 90-х» (когда как на контрасте российский народ в полной мере ощутил, что такое индивидуализм и «волчьи» законы рыночной экономики);

в) факт почти 10-летнего периода «стабилизации» (когда общество восстанавливалось после коренной ломки идеологического вектора развития и социально-экономических преобразований). Этот период дал возможность российскому обществу адаптироваться к изменившимся условиям, осознать их, понять то, что оно на самом деле хочет, и, наконец, накопить критическую массу в ожидании перемен, в готовности к пересмотру сложившейся в 90-е гг. системы ценностей.

В 2000-х гг. стабилизация политической и экономической ситуации в стране, прекращение катастрофических тенденций в демографической ситуации блокировали самые острые проблемы, угрожающие национальной безопасности. За удовлетворением витальных потребностей последовал рост потребностей более высокого уровня: в повышении качества жизни, в социальной справедливости, в национальной идентичности, уверенности в будущем.

В совокупности три вышеперечисленных обстоятельства, три эпохи в истории постсоветской России привели к тому, что в жизни российского общества к концу 2000-х гг. «созрела»:

- а) потребность в сильной государственной власти,
- б) потребность в ощущении гордости за свою страну,
- в) потребность в нематериальных, духовных ценностях.

Механизм реализации именно этих трех потребностей и был заложен в валдайской речи В. Путина. Таким образом, мы видим, что качественно новый этап российской истории прошел многолетний путь своего созревания и становления. Он не был следствием «украинского конфликта» или обострения отношений с США. Поэтому он носит не революционный, а эволюционный характер.

Исследуя особенности «русской мечты», специалисты Института социологии РАН пришли к выводу, что идеальная модель государственного устройства, по мнению россиян, базируется на таких трёх «китах», как **социальная справедливость, равные права для всех и сильное государство, заботящееся о своих гражданах** [Горшков, 2012: 7]. В российской мечте отчетливо выражено представление о том, что есть общественное благо и какая должна быть модель демократии, чтобы реализовать её практически.

Ряд учёных (Ю.В. Косов, А.Л. Андреев и др.) полагает, что склонность к авторитарному стилю руководства является особенностью русского менталитета. Отчасти мы с этим согласны. **Исторически Россия всегда тяготела к самодержавию, в связи с чем в самом институте президентства**

есть элемент традиционный, некоторая схожесть с монархической формой власти. Эта особенность российской системы власти не похожа ни на восточную деспотию, ни на западную демократию [Зуйков, 2008]. Более того, в политическом сознании народа доминирующее значение имеет не то обстоятельство, как управляется страна, а то, кем она управляется. То есть не лидер встраивается в систему, а система подстраивается под лидера. Это русская система демократии, не похожая на то, что происходит в Вашингтоне или Берлине, но, как это ни парадоксально, она оказывается единственным действующим и реальным институтом для современной России [Третьяков, 2011].

В триаде «Президент–Правительство–Государственная Дума» глава государства оказывается сильнее, чем отдельные государственные органы. Мы можем сколь угодно долго дискутировать о разделении властей, обсуждая нюансы их взаимного сдерживания и балансирования, но при этом всегда будем иметь в виду, что в нашей стране есть конституционный институт, стоящий над этими демократическими «играми», который, по сути, и определяет вектор развития современной России [Сильверстов, 2011]. К тому же, по оценкам некоторых экспертов, в частности А. Привалова, в России существует не реальное разделение властей, а лишь его имитация: формально законы принимает Госдума, а Правительство их исполняет, на деле больше половины законов, принимаемых Госдумой, пишутся в Правительстве, а депутаты вносят лишь косметические изменения. Вместо того чтобы решать проблемы в заданных рамках, министерства сочиняют новые акты, в рамках которых им будет удобно доказывать, как правильно всё идёт [Привалов, 2016: 10].

Наши результаты наглядно демонстрируют, что **ментальные особенности российского общества, выражающиеся в высоком доверии «традиционным» для русского менталитета институтам – власти и церкви (в первую очередь – главе государства), за последние 20–25 лет никуда не исчезли, хотя после распада Советского Союза для этого имелись все предпосылки.** При этом личность В. Путина, конечно, играет важную роль в отношении населения к главе государства, что видно по снижению доверия Президенту в период, когда данный пост занимал Д.А. Медведев (с мая 2008 по май 2012 г.). Однако даже в это время доверие лидеру страны среди населения было выше, чем всем остальным государственным и общественным институтам.

Возрождение ментальных основ российского общества, базирующихся на духовно-нравственных аспектах восприятия и осмысления

бытия, является одной из главных характеристик нового этапа российской истории. Не случайно именно на «духовных скрепах» делался акцент в валдайской речи Президента, и не случайно именно это выступление нашло широкий отклик в сердцах россиян. Однако менталитет не единственная причина востребованности в российском обществе сильной государственной власти. Именно как атрибут нового этапа российской истории она возникла благодаря, мягко говоря, неудачным действиям российских реформаторов 1990-х гг., главным общественно-политическим итогом деятельности которых стала дискредитация демократии и создание реальных предпосылок к авторитаризму [Симонян, 2013: 143].

Процесс демократизации, развернувшийся на неподготовленной почве, вызвал, как этого и следовало ожидать исходя из опыта ряда стран в прошлом, резкие диспропорции во всех сферах общества. В сложившихся условиях принцип «разрешено все, что не запрещено законом» сыграл ту же роль, какую он сыграл в годы Великой французской революции. В руках государства не оказалось достаточной правовой базы, чтобы поставить препятствие на пути активизации коррупции и бытовой преступности [Калина, 2003].

Капиталистическая система ценностей, по сути, превратила пять из семи смертных грехов христианства – гордыню, зависть, скупость, алчность и похоть – в положительные общественные добродетели, видя в них неперемненные побуждения ко всякого рода хозяйственной деятельности; а главные добродетели, начиная с любви и смирения, были отвергнуты, как «вредящие делу» [Мамфорд, 2001]. Нарастающий разрыв между этическими требованиями и требованиями социальной среды привёл к тому, что многие базовые нормы и принципы, еще недавно формировавшие жизненные практики (трудолюбие, честность, скромность и т.д.), оказались невостребованными. Сформировался устойчивый, особенно в молодёжной среде, стереотип, согласно которому жизненный успех и следование моральным нормам в современной России – вещи практически несовместимые [Петухов, 2015]. Осуществление такой «великой трансформации», когда человек оказывался подчиненным законам рынка, «означало полностью уничтожить все органические формы социального бытия, заменив их совершенно иным, атомистическим и индивидуалистическим, типом общественной организации» [Поланьи, 2002]. Не случайно оценка прошлого (советское общество) благоприятнее, чем оценка настоящего: в целом советское общество лучше современного, а советский человек по своим качествам лучше современника [Сикевич, 2016].

В период «стабилизации» 2000-х гг., по мере массового прозрения, стало приходить понимание того, что **Запад – это не только бытовой комфорт и демократические ценности, но и определенный взгляд на вещи, который в свете российского опыта часто кажется поверхностным и неискренним.** Привлекательность европейских идеалов для многих россиян вовсе не означает полное совпадение с ними устремлений и надежд наших сограждан [Горшков, 2013: 21]. В настоящее время широкий круг отечественных ученых сходится во мнении, что демократия в узком смысле этого слова (как способ управления) не является залогом успешного развития страны. При этом в широком смысле демократические ценности для российского общества остаются не менее актуальными, чем на Западе. Как понимают сами россияне, западный путь развития и западные ценности, даже при желательности их для значительной части населения (прежде всего – молодежи), просто невозможно реализовывать в сложившихся российских условиях. Молодежь в большей степени, чем среднее и старшее поколение, поддерживая западный путь развития и нормы индивидуализма, либерализма, западной демократии, по мере взросления приходит к постепенному отказу от части из них, понимая те институциональные ограничения, которые накладывают на их реализацию внешние условия. **И именно это осознание сказывается сегодня на политическом поведении населения, предопределяя особый путь России** [Мареева, 2013: 130].

О дискредитации либеральных сил в общественном мнении наглядно свидетельствуют итоги социологических опросов об электоральных предпочтениях населения и результаты выборов после 2000 года. По данным ВЦИОМ, доля россиян, поддерживающих «правые» партии («Яблоко», Союз правых сил), с 2000 г. не превышает 7 и 9% соответственно, а с 2005 года – 2%. По данным ВолНЦ РАН, доля жителей области, чьи интересы выражает партия «Яблоко», за этот же период не превышала 5%. На выборах в Государственную Думу с 2003 г. «правые» партии набирают не более 4% голосов, их кандидаты на выборах Президента в 2000, 2004, 2008 и 2012 гг. – не более 8% голосов [Данные Центризбиркома].

Таким образом, востребованность сильной власти в российском обществе является логичным следствием «усталости» населения от экономической нестабильности и недоверия государству. Сильная власть была востребована в начале 2000-х гг. и остается актуальной в настоящее время. Не случайно при поддержке более 85% населения (а именно такой, причем рекордный, уровень одобрения фиксируют сегодня

ВЦИОМ, Левада-Центр) деятельность В. Путина по наведению порядка в стране и укреплению международных позиций России всегда оценивалась выше, чем защита демократии и укрепление свобод граждан (табл. 1.1).

Таблица 1.1. **Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?** (в % от числа опрошенных)

Показатель	2000	2003	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение 2016 г. +/- к 2000 г. 2015 г.	
	<i>Укрепление международных позиций России</i>														
Успешно	42,3	44,9	47,9	58,4	55,1	49,5	49,9	46,2	43,1	45,6	50,4	51,7	51,2	+9	-1
Неуспешно	30,9	30,1	33,8	24,9	23,7	30,4	29,3	33,7	37,9	36,2	32,4	31,3	29,9	-1	-1
<i>Наведение порядка в стране</i>															
Успешно	31,4	37,5	41,9	53,2	48,2	39,1	41,1	36,6	35,4	39,4	48,0	50,2	49,2	+18	-1
Неуспешно	49,2	45,1	45,1	34,0	34,2	43,5	42,5	50,0	50,7	47,5	39,1	37,9	36,7	-13	-1
<i>Защита демократии, укрепление свобод граждан</i>															
Успешно	23,5	29,9	33,6	44,4	39,9	36,7	36,3	32,4	28,8	31,8	37,5	40,4	36,6	+13	-4
Неуспешно	43,8	42,4	47,0	37,0	35,9	41,5	42,6	48,3	52,3	51,0	45,4	41,5	44,3	+1	+3
<i>Подъем экономики, рост благополучия граждан</i>															
Успешно	25,6	29,6	35,1	47,2	36,7	31,6	33,5	30,7	28,5	31,3	34,8	34,2	27,2	+2	-7
Неуспешно	52,9	51,4	50,8	39,1	46,0	52,4	51,6	56,1	57,9	56,8	53,4	52,3	59,4	+7	+7

Выбор общества очевиден: укрепление вертикали власти, усиление роли государства в вопросах социально-экономического развития страны – процесс, который развивается не только «сверху», но и «снизу». Это потребность как органов государственного управления, так и широких слоев населения. Передовые научные исследования в области мировоззрения, ценностей и ментальных установок российского общества убедительно доказывают, что образец западной демократии чужд русскому человеку и неприемлем для него, так как ему недостаточно достижения личного успеха, он «обращён больше не в себя, любимого, а развернут вовне» [Мареева, 2016: 68].

При этом стремление к сильной власти сосуществует параллельно с желанием демократических прав и свобод [Савченко, 2015]. Кажущееся противоречие снимается историческим опытом России и примерами зарубежных государств: «сильное» государство не противоречит принципам построения гражданского общества. Так, многочисленные элементы гражданского общества в России, как это ни казалось бы странным, существовали в позднюю советскую эпоху: у нас были созданы огромные запасы социального капитала, иначе бы миллионы людей не вышли на улицы. У нас были многочисленные элементы гражданского общества в позднюю

авторитарную эпоху: от КСП до московских кухонь, экономико-математической школы в МГУ с 1968 года и так далее. Вот там производился социальный капитал [Аузан, 2005]. Основное противоречие же состоит в другом: стремление жить в «сильном государстве», желание демократических прав и свобод сосуществует параллельно с личным отчуждением от реального политического участия, низким интересом к политике в целом [Воробьева, 2016].

Прямым следствием востребованности в обществе сильной государственной власти является ориентир на повышение эффективности государственного управления. «Обеспечить новый, более высокий уровень жизни граждан Российской Федерации, прежде всего, за счёт кардинального повышения эффективности государственного управления и качества работы государственного сектора» – так обозначил цель практической деятельности государства лидер страны и в последующем неоднократно показывал твердые намерения осуществлять намеченную стратегию, несмотря на негативные процессы в мировой экономике и нестабильную политическую ситуацию на международной арене [Путин, 7 мая 2012].

Однако было бы неправильно говорить о том, что во все остальные периоды российской истории государство не заботилось о повышении эффективности управления. В разные эпохи эта забота принимала разные формы. **Специфика современного этапа заключается в том, что теперь это делать значительно труднее, поскольку в оценку этой работы в качестве одного из активных и, пожалуй, главных субъектов включается само общество.**

Всем известно, что и сильная власть, и яркий лидер, и авторитарный (и даже иногда тоталитарный) режим управления регулярно имели место в российской истории. Однако сила власти сегодня приобрела качественно иную основу, нежели в досоветский или советский период. Её специфика в курсе на сближение с социумом. Удовлетворенность населения становится главным маркером эффективности деятельности государственного управления. Как сказал В.В. Путин в ходе «Прямой линии» с населением в апреле 2013 г., «надо, чтобы все руководители любого ранга: и в президентских структурах, и в Правительстве, чувствовали и понимали, что рядовые граждане внимательно следят за результатами нашей работы и дают свои оценки. Ориентироваться нужно именно на мнение граждан... От того, насколько общество доверяет действиям власти, конечно, зависит наша общая эффективность и конкурентоспособность» [Стенограмма «Прямой линии», 2013].

После 20-летнего периода существования постсоветской России и всех перипетий, произошедших с российским обществом за это время, уже невозможно говорить о каком-то тоталитарном режиме государственного устройства, а о Президенте РФ – как о первом лице государства, обладающем безраздельной властью и не считающемся с мнением населения (что иногда пытаются доказать западные СМИ). Невозможно даже повторение жесткой вертикали власти советского периода. Мы действительно «ушли от советской идеологии, вернуть её невозможно» [Путин, 24 апреля 2013], «постсоветский этап в развитии России, впрочем, как и в развитии всего мира, завершен и исчерпан» [Путин, 16 января 2012].

Регулярные упоминания В. Путина о том, что общественное мнение сегодня является главным индикатором эффективности государственного управления, «Прямая линия» с Президентом, его встречи с представителями науки, свидетельствующие о заинтересованности в их мнении, востребованность социологического знания и, соответственно, «воспрянувшая духом» отечественная социология², активизация различных форм взаимодействия представителей региональной и муниципальной власти с населением, возросший статус общественных организаций (Общественная палата, Общероссийский народный фронт и др.) – всё это признаки нового времени и доказательства того, что общество сегодня выступает одним из главных субъектов российской истории.

Главным препятствием для социальной консолидации является динамика уровня и качества жизни, характеризующаяся значительным расслоением населения по доходам, а также ростом доли тех, кто негативно оценивает свое материальное положение. Это наглядно демонстрирует динамика коэффициента фондов – показателя, отражающего отношение среднего уровня доходов 10% самых богатых граждан к среднему уровню доходов 10% самых бедных. По оценкам экспертов, 8 – это предельно критическое значение коэффициента фондов [Глазьев, 2012], достижение которого свидетельствует **«о высоком уровне рисков функционирования социальных отношений, угрозе перехода в состояние повы-**

---

² М.К. Горшков отмечает: «За последние годы стала всё очевиднее заявлять о себе потребность в экспертных социологических заключениях в практике государственного управления и законотворческой работы... Социологическое сообщество, наконец-то, утвердилось в понимании того, что профессия социолога связана с выполнением не только сугубо научной, но и гражданской функции, с необходимостью вести регулярный диалог с обществом, формировать массовую культуру социологического мышления. Отрадно, что и само общество всё в большей степени убеждается в том, что социология – это не только рейтинги, но и способ понять, какие «Мы», как живём и к чему стремимся...» [Горшков, 2015: 16].

шенной неустойчивости, слабой предсказуемости и, следовательно, о необходимости оперативного вмешательства органов управления с целью изменения опасных тенденций» [Локосов, 2012: 72].

Тем не менее в постсоветской России «оперативного вмешательства» органов власти в решение проблемы социального расслоения общества не было и нет. В 2000-х гг. коэффициент фондов составлял 13–14, в середине 2000-х – 15, а с 2006 по 2015 г. – 16, то есть в два раза больше (рис. 1.4). Причем это данные только официальной статистики. Но, судя по некоторым оценкам, разрыв в доходах 10% самых богатых и 10% самых бедных составляет «официально 16 раз, фактически – 28–36 раз, что выше показателей не только Западной Европы и Японии, не только США, но и многих стран Латинской Америки» [Смолин, 2011].

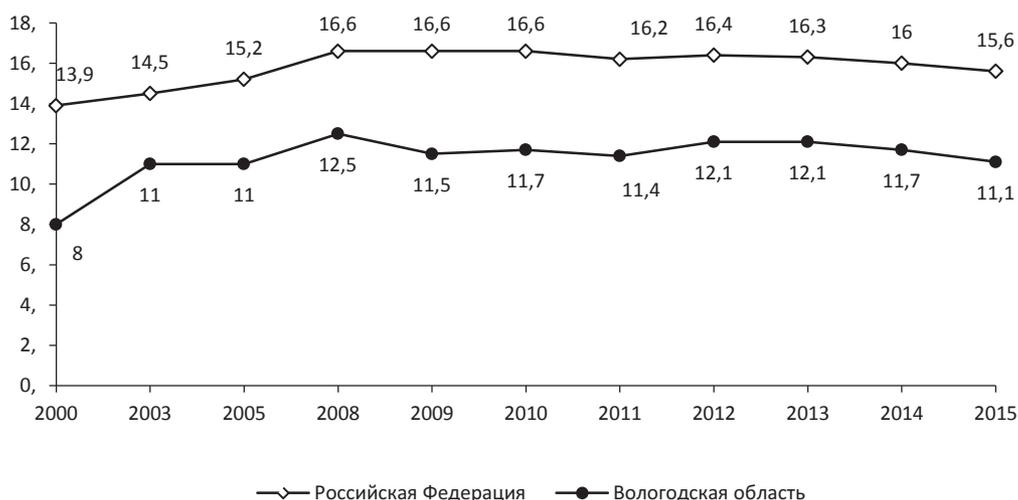

Рис. 1.4. Динамика коэффициента фондов, раз

Источник: Федеральная служба государственной статистики, данные по Вологодской области.

Нарастающий процесс социальной дифференциации наглядно демонстрируют и данные официальной статистики, и результаты социологических исследований. Так, по результатам исследования за период с 2008 по 2016 г. в два раза увеличилась доля отрицательных оценок экономической ситуации в стране (на 18 п.п., с 18 до 36%), почти в два раза возрос удельный вес пессимистических прогнозов относительно будущего российской экономики (на 17 п.п., с 19 до 36%). Доля людей, субъективно относящих себя к категориям «бедных и нищих», за период с 2009 по 2015 год возросла на 5 п.п. (с 42 до 47%). По данным на декабрь 2016 г. удельный вес

людей, считающих себя «бедными и нищими», почти на 3 п.п. превышает долю тех, кто относит себя к «богатым и среднеобеспеченным» категориям населения (44% против 47%; рис. 1.5).

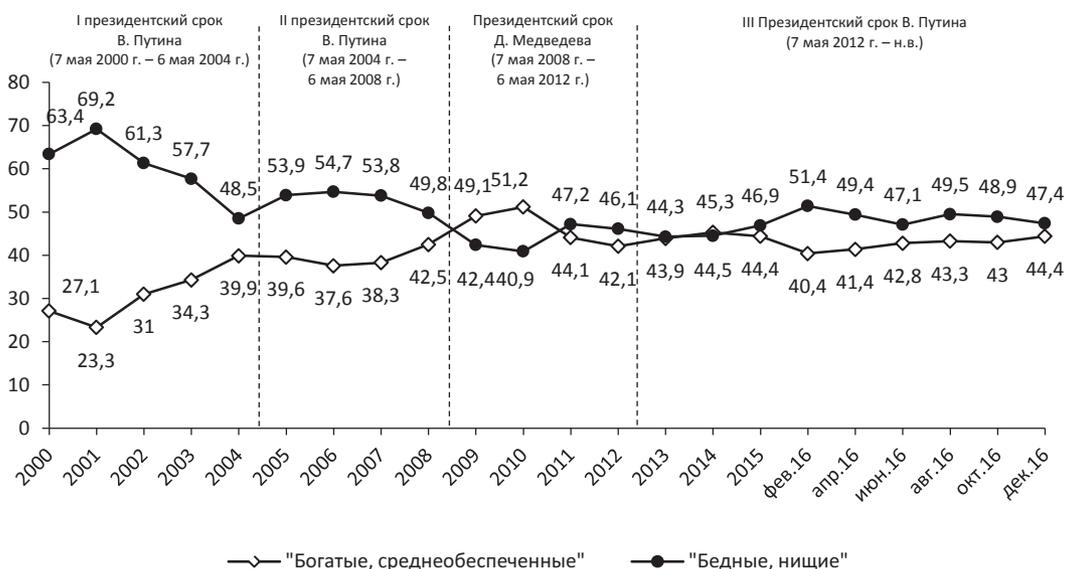

Рис. 1.5. **Динамика социальной самоидентификации населения** (доля людей, субъективно относящих себя к категориям «бедных и нищих» и «богатых и среднеобеспеченных», в % от числа опрошенных)

Однако, несмотря на внутренние проблемы российской экономики, общество консолидируется вокруг главы государства, что наглядно продемонстрировала убедительная победа партии власти на выборах в Государственную Думу 18 сентября 2016 г. («Единая Россия» получила конституционное большинство в парламенте). Стремление Президента РФ «качественно изменить Россию, чувствовать народное настроение и поддержку народа, быть на одной волне с этими настроениями, объединить их и осуществить прорывы, которые от него ожидают в обществе» [Мигранян, 2013] являлось одним из мотивов институционального оформления Общероссийского народного фронта – своего рода символа новой эпохи. В свою очередь курс на сближение держит и само общество: «В пореформенной России концентрируется огромный социально-психологический ресурс, выступающий основой осуществления модернизационного прорыва» [Горшков, 2010: 6].

Таким образом, сильная государственная власть, руководствующаяся в своей деятельности не только собственными интересами, но и общественным мнением; возрождение ментальных основ россий-

ской идентичности, стержнем которых является духовно-нравственная парадигма развития; преодоление ключевых проблем 1990-х и 2000-х гг., причем не только в материальном (рост уровня жизни), но и в нематериальном (преодоление социального атомизма, рост гражданской активности) плане; осознание обществом своей готовности и возможности влиять на положение дел в стране – это главные признаки нового времени. Признаки, позволяющие говорить о консолидационных процессах на новом этапе отечественной истории.

1.3. Роль социологии в повышении эффективности консолидационных процессов

Консолидационные процессы в российском обществе затрагивают не столько экономическую, сколько культурно-нравственную, идеологическую сторону жизни. На этом этапе социологическая наука, те вопросы, которые она рассматривает, и те сведения, которые она может дать, приобретают особенно значимую роль.

Мало кто возьмется предсказывать сегодня будущее России. Слишком уж много в современном глобализирующемся и беспокойном мире зависит от геополитической ситуации, от выбранной стратегии взаимодействия стран. Немаловажный фактор представляет и накопившийся в нашей стране комплекс внутренних противоречий [Горшков, 2010: 4], обильно «сдабриваемых» в последнее время последствиями международных санкций и информационной войны, развернувшейся между Россией и США.

По мнению С.С. Сулакшина, у России есть два пути развития: либо переход от социального государства к государству нравственному, которое является «неизбежным неслучайным эволюционным этапом современных типов государств» [Сулакшин, 2011: 100], либо – «растворение, уничтожение национального государства и главного его атрибута с точки зрения международного права, а именно – суверенитета» [Сулакшин, 2013: 23]. По мнению Г.В. Осипова, последствия событий 2014 года «могут стать судьбоносными для нашей страны и ознаменоваться как новым духотворным и экономическим подъемом, так и унынием разочарования и глубочайшим упадком всего и вся» [Осипов, 2014: 12].

Тем актуальнее становится вопрос о том, на что следует «опираться» при построении дальнейшего пути развития. Прежде всего, это те качества, которые приобрела Россия на новом этапе своей истории, безусловно, они

имеют позитивный характер и позволяют с оптимизмом смотреть в будущее. Государство уже много лет демонстрирует свою готовность к диалогу с населением, поэтому сегодня все находится в руках самого общества, и посредником в диалоге может служить социологическая наука.

«Наступивший век по прогнозам и выводам футурологии должен стать веком торжества научного мировоззрения и явить миру качественно новые принципы и подходы к организации настроенного на объединение мирового сообщества, к управлению каждым отдельным государством и обществом. Как известно, XXI веку во всемирном научном сообществе пророчат определяющий титул “века социальных наук” [Осипов, 2014: 9]. Таким образом, **повышение статуса научного знания в процессе принятия управленческих решений – это не просто необходимость для России, а веянье времени во всем мировом сообществе, поэтому выигрывает тот, кто первым это осознает, примет и реализует.**

Долгие годы после распада СССР идеология в стране практически отсутствовала. Ее концептуальные положения были сформулированы лишь в 2013 г., что стало одним из главных факторов, позволивших России с успехом преодолеть самые острые противоречия 2014 года, и сегодня является одной из цементирующих основ национальной идентичности, консолидации и перспектив развития. Но необходимо помнить, что **только идеология, опирающаяся на научное знание, заслуживает положения реалистической. В противном случае она иллюзорна** [Ядов, 2007].

Современное российское общество «унаследовало» от периода 90-х гг. проблемы, которые только начинают преодолеваются. Низкий уровень доверия органам власти, социальный атомизм, социальная разобщенность, аполитичность широких слоев населения, инертность гражданского участия – всего этого можно было бы избежать, если бы у россиян сохранилось ощущение того, что они могут влиять на положение дел в стране, что они имеют свой голос и этот голос будет услышан в высших эшелонах власти. Именно эту задачу и призвана решить современная наука.

Поэтому сегодня перед социологией и властью встают во многом схожие задачи. Неоднократные заявления В. Путина о необходимости укрепления властной вертикали, призывы к социальной консолидации, поиск национальной идеи, стремление сделать более весомой роль общества в принятии управленческих решений – всё это свидетельствует о понимании властью того, что в настоящее время консолидация общества, преодоление психологического «разрыва» между населением и государством является единственной возможностью поддержания порядка в стране

и сохранения доверия к действующему политическому курсу развития в целом (что особенно актуально в рамках модернизации, а также на фоне нестабильной обстановки на международной политической арене) [Морев, 2014: 182].

Кроме того, социологическое знание, описывая взаимосвязи социальных процессов и явлений, происходящих в обществе, рассматривает субъективный фактор общественного развития, который, как отмечает Ж.Т. Тощенко, «играет существенную и все возрастающую роль среди факторов, определяющих содержание и вектор происходящих изменений во всем мире и в нашей стране» [Тощенко, 1998: 32]. Не случайно во всем современном мире «информационная война играет значительно большую роль, чем военная сила» [Стариков, 2015]. Военные операции зачастую планируются исходя только из того, какая «картинка» происходящего нужна телезрителям и лицам, принимающим решение. Возможности и риски XXI века связаны не с техникой, а с человеком, причем не в биологическом, а, прежде всего, в социальном измерении [Малинецкий, 2015: 153].

Очевидно также, что официальная статистическая информация, которой пользуются органы власти, анализируя положение дел в стране, не дает полной информации о втором участнике «диалога» – обществе. Без внимания остаются такие важнейшие аспекты, как настроения людей, их отношение к различным сферам личной и общественной жизни, к деятельности властных структур, глубинные причины и возможные последствия тех или иных социальных явлений. **Такие сведения может дать только социологическая наука.**

К примеру, многочисленные исследования доказывают, что макроэкономические показатели не всегда полно отражают реальную картину развития государства, высокий уровень дохода не всегда гарантирует удовлетворенность жизнью, а рост богатства не всегда сопровождается признаками возрастающего счастья [Шабунова, 2013: 138]. Но это общемировая практика. В России, и особенно на современном этапе общественного развития, роль «субъективного фактора» и, соответственно, социологического знания, отражающего его сущность, возрастает многократно. Именно потому, что **в основе нашего «генного кода» лежат ценностные ориентиры, представление о высшем моральном предназначении самого человека, какого-то высшего морального начала** [Стенограмма «Прямой линии» от 17.04.2014].

В последние 20–25 лет эти ценностные ориентиры не были востребованы в российском обществе: в девяностые годы – вследствие нестабиль-

ности экономической ситуации и специфики духовно-ценностных приоритетов того времени; в 2000-е – по причине стремления общества к стабилизации в широком смысле этого слова (стабилизации экономики, уровня жизни, преодоления негативных тенденций в демографической ситуации, социальной сфере и т.д.). Лишь в настоящее время, на новом этапе отечественной истории, «генный код» российского общества отмечается как «одно из наших главных конкурентных преимуществ в сегодняшнем мире» [Стенограмма «Прямой линии» от 17 апреля 2014]. Это осознается и на всех уровнях власти, и в научном сообществе, и среди широких слоев населения.

Помимо того, сложнейшей задачей социологии являются исследования «будущего», которое, как было сказано выше, в современных российских реалиях мало кто рискнёт предсказывать. Именно социология должна брать на себя это «бремя», хотя бы в силу того, что вся сущность науки, начиная с О. Конта, была нацелена на преодоление недостатков существовавшего тогда общества, создавая и представляя идеальную (утопическую) альтернативу [Романовский, 2015].

В развитии отечественной социологии принято выделять три периода (досоветский, советский и постсоветский), сменяющих друг друга по принципу преемственности и обеспечивающих таким образом эволюционное становление науки. Советский период многими рассматривается как этап, когда наука превратилась в «институт идеологического обслуживания тоталитарного режима» [Жуков, 2007: 3]. Однако в этот же период было и немало важных достижений, благодаря им социология в России накопила значительный потенциал, который позволяет ей сейчас играть весомую роль «в социальном обновлении страны, трансформации научного знания в экономику, политику и культуру, адекватную глобальным тенденциям развития цивилизации» [Жуков, 2007: 8]. При всех сложностях и ограничениях коммунистического режима социология в СССР формировалась как наука, отвечающая насущной необходимости решать внутренние потребности советского, российского общества; как наука, способная обосновать формы и методы преодоления назревших социальных, социально-экономических и социально-политических противоречий, порожденных в значительной степени идеологией социального утопизма и социального мифотворчества [Осипов, 2008].

Именно в советский период заложены основы прикладной социологии (А.К. Гастев, Ф.Р. Дунаевский, Н.А. Витке, О.А. Ерманский, П.М. Керженцев, Т.И. Заславская), был открыт первый в России факультет общественных

наук с кафедрой социологии во главе с П. Сорокиным (1919–1920 гг.), в 1960-х годах созданы отдел социологии (Г.В. Осипов), лаборатории социологических исследований (В.А. Ядов, Ю.В. Арутюнян, Р.И. Косолапов, Г.М. Андреева), в 1989 г. – Российское общество социологов.

После распада СССР и взятия курса на демократический способ организации государственной и общественной жизни ключевой из проблем отечественной социологии стала незаинтересованность органов власти в серьезных исследованиях, касающихся наиболее сложных социальных проблем страны. Общественная и политическая ситуации сформировали в конце 1980-х – начале 1990-х годов запрос на недорогие прикладные исследования, имевшие своей целью разработку конкретных рецептов для решения той или иной задачи. Фирмы, центры, проводившие такого рода исследования, призваны были, тиражируя свои методики, превращать продукцию в товар [Жуков, 2007: 13]. Преследуя коммерческие цели, подобные центры пренебрегали и качеством исследований, и целями, отвечавшими запросам рынка, а не государства. Уже в начале 1990-х только в Москве действовало около 300 таких центров. И качество их исследований было «не всегда безупречно» [Заславская, 1993: 12].

Таким образом, в то время отсутствовал системный подход к решению ключевых задач развития страны, имела место нескоординированность социологических исследований, прагматичное отношение к ним, заключающееся в финансировании лишь тех исследований, результаты которых могут быть использованы сию минуту [Ильин, Шабунова, 2014: 20].

Эти проблемы еще не преодолены полностью, однако, как отмечают эксперты, «несмотря на все перипетии последних десятилетий, мы все еще сохраняем самое важное – человеческий капитал в науке» [Кулешов, 2016: 10]. Вектор развития современного общества диктует необходимость обращения всё большего внимания на мнение населения при осуществлении государственного управления. Сегодня социологию интересуют не реализация товаров и услуг, а «состояние и проблемы общественного и группового сознания, готовность действия (или деятельности) по реализации того, что созрело в душах и сердцах людей» [Тощенко, 2014: 7].

В обществе возник запрос на социологию как на несущий каркас современного мировоззрения, фактор формирования самосознания российского общества, российской идентичности. Требуется поиск новых форм оценки его эффективности, так как проводимые более двадцати лет рыночные трансформации не дают желаемых результатов. На новом этапе российской истории представители всех уровней власти всё чаще

проявляют своё понимание этой проблемы и демонстрируют готовность использовать социологические данные в своей деятельности. Законодательная деятельность государства (например, Указ Президента Российской Федерации «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» от 21.08.2012 г. №1199, в котором оценка населением обозначена как один из критериев деятельности органов исполнительной власти), регулярные «прямые линии» с главой государства, многочисленные политические ток-шоу и интервью с ведущими экспертами, высказывающими свое мнение о наиболее важных проблемах страны, – яркое доказательство того, что **наука сегодня преследует не только утилитарные, маркетинговые цели, а выполняет более глобальную миссию – посредничество между обществом и государством**. Она может и должна влиять на общественные дискуссии, артикулируя интересы различных социальных групп, но сохраняя при этом объективность и приверженность идее независимости научного знания [Меморандум., 2007].

Динамика социальной консолидации в современной России во многом зависит от того, как развивается ситуация на международной политической арене, какую политическую позицию принимает Президент в отношениях с США, Украиной и некоторыми странами Западной Европы. Другими словами, российское общество консолидируется в условиях наличия «угрозы извне», и чем больше эта угроза, тем более сплоченным становится российский социум.

Но, на наш взгляд, ни одно государство не должно и не может строить долгосрочные планы и прогнозы, опираясь на те показатели официальной статистики и особенно данные социологических опросов, которые имеют место в условиях ключевого воздействия факторов, не зависящих от внутренних политических решений. Консолидация российского общества под воздействием «внешнего фактора», можно сказать, естественна и очевидна, но, как нам представляется, это явление носит временный характер.

Для оценки действительного сближения государства и общества, а также различных слоев социума необходимо анализировать ситуацию в стране. С этой точки зрения стоит взглянуть на тенденции общественного мнения в ретроспективе. Результаты социологических опросов показывают, что оценка деятельности органов власти до «украинских событий» была не такой позитивной. На протяжении 2000-х гг., когда население ставило перед властью вопросы не об отношениях с Западом, а о повышении

зарплат и пенсий, уровень одобрения ключевых государственных институтов существенно не изменялся (рост поддержки составлял не более 5% в год), а в период президентства Д.А. Медведева даже снизился (с 76 до 64% по данным ВЦИОМ, с 73 до 52% по данным ВолНЦ РАН).

Таким образом, данные социологических исследований предупреждают о том, что, по мере преодоления турбулентности мировых событий, вопросы обеспечения роста уровня и качества жизни, снижения неравенства, социальной защиты и социальной справедливости будут актуализироваться и государству придется находить на них адекватные и решительные ответы, поскольку запас социального терпения россиян может оказаться уже не таким прочным, как в начале и середине 2000-х гг.

Кроме того, только научное знание, как фундамент законотворческой деятельности, способно предотвратить попадание в «ловушку» имитации, которую Ж.Т. Тощенко называет одной из главных причин социальной апатии, недоверия власти, низкой избирательной активности и в целом анонимии общества [Тощенко, 2012: 35]. В современных условиях, когда многое в жизни страны зависит от идеологии, национальной идентичности и патриотических настроений, очень важно избежать «подмены деятельности во всех ее проявлениях имитацией как на всех уровнях организации общественной жизни – на федеральном, региональном и местном, так и во многих организациях и даже в личностном исполнении» [Тощенко, 2012: 23].

Если основное содержание деятельности власти – это удовлетворение общественных запросов [Барциц, 2013: 116], если общественное мнение становится одним из главных критериев эффективности государственного управления и, наконец, если национальная безопасность в первую очередь зависит от уровня социальной напряженности внутри страны, то социологическая наука, аккумулирующая в себе знание об обществе, о его ментальных особенностях и «текущих» тенденциях общественного сознания, восприятия, поведения, становится главным инструментом, обеспечивающим связь между населением и властью.

«Научное понимание индивидуального и коллективного социального поведения, ведущее к их контролю, вероятнее всего, является наиболее насущной задачей, стоящей сегодня перед человечеством, – пишет Г.В. Осипов, ссылаясь на мнение лауреата Нобелевской премии голландского экономиста Я. Тимбергена. – Из этого следует, что в сложившейся ситуации только социальные и гуманитарные науки, объектом исследований которых является человек, его социальные действия и создаваемая им социальная реальность, могут внести научную рациональность в раз-

нонаправленные, стихийные и безответственные действия самого человека, привести их к общему знаменателю, устранив и нейтрализовав глобальные угрозы, подобно дамоклову мечу, нависшие над человечеством» [Осипов, 2014: 11].

Соответственно положение дел в стране во многом зависит от качества социологического знания – его достоверности, глубины и своевременности. А качество социологического знания зависит уже от решения ключевых проблем, которые существуют на сегодняшний день в отечественной социологии и неоднократно были озвучены на общероссийских социологических форумах [Жуков, 2007; Осипов, 2008; Горшков, 2015] и в научных статьях [Ильин, Шабунова, 2014; Тощенко, 2014; Осипов, 2014].

Среди таких проблем:

- ✓ недостаточно высокий авторитет ученого-социолога;
- ✓ необходимость расширения участия социологов в решении острых проблем общества посредством создания новых каналов связи и площадок взаимодействия с представителями власти, общественных структур, гражданского общества;
- ✓ значительный разрыв между фундаментальным теоретическим знанием и его практическим применением;
- ✓ недостаточно развитый механизм социальной экспертизы принимаемых законов;
- ✓ отсутствие единого системного подхода в развитии социологических исследований на региональном уровне; координация социологических исследований на федеральном и региональном уровнях;
- ✓ повышение качества социологического образования и др.

От решения этих и многих других проблем отечественной социологии сегодня во многом зависит качество взаимосвязи между государством и обществом на всех уровнях власти, понимание органами управления реальных проблем, беспокоящих население. Поэтому очень важно использовать те механизмы, которые имеются в наличии, для систематизации социологических исследований.

Например, многое зависит от статуса Российской академии наук, которая может сыграть роль «независимого института, осуществляющего координацию социологических исследований, усиление поддержки перспективных региональных научных школ и молодых ученых, поиск новых форм включения результатов российской социологии в мировую науку» [Ильин, Шабунова, 2014: 30]. Важным инструментом в деле «встраивания» социологического знания в систему государственного управления может

статье Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который был положительно воспринят многими учеными (Е.В. Жирнель, О.С. Сухарев, А. Вассерман, М. Делягин и др.) и, по сути, является «необходимым шагом для формирования единой системы стратегического планирования, охватывающей федеральный, региональный и муниципальный уровень» [Ускова, Чекавинский, 2014: 64].

Интеграция социологии и социальных наук в «культуру власти» даст возможность на базе конкретных исследований определять магистральные направления и средства реализации социально значимых целей, давать научное обоснование, прогноз последствий принимаемых решений, оценку реализуемых мер в соответствии с четкими критериями эффективности [Осипов, 2015: 19]. На основе обобщения международной и отечественной практики социология предлагает четкий регламент законотворческой деятельности, закрепление которого на законодательном уровне «позволит не только усовершенствовать систему законотворчества, но и сформировать новый тип государственного управления на основе научного знания. Это позволит перейти от «метода латания дыр» к превентивному управлению на системном законодательном уровне» [Осипов, 2015: 24].

Таким образом, одновременное воздействие вышеперечисленных факторов – специфики социологического знания, его востребованности со стороны органов власти и необходимости действовать «на перспективу» – предоставляет право говорить о наличии условий, при которых социологическая наука может и должна стать ключевым звеном в посредничестве между государством и обществом и таким образом внести свой вклад в дальнейший процесс общественного развития. Как отметил в одном из своих выступлений директор ИС РАН М.К. Горшков, «мы привыкли к такой довольно мягкой формуле «социологическое сопровождение» разных мероприятий, подготовки проектов..., но я думаю, что недостаточно, надо более глубоко и серьезно смотреть на пути этого взаимодействия. Речь идет не о сопровождении, а о реальном, содержательном включении. И не тогда, когда надо разбираться с ошибками управленческих решений, а желательно на более ранних стадиях, когда это решение только вызревает... Речь идет о «социологическом соучастии», по крайней мере мы на этом термине в последнее время настаиваем и в дальнейшем его надо будет даже усилить» [Горшков, 2014].

ГЛАВА 2

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

2.1. Исследование гражданского общества в зарубежной и отечественной науке

Гражданское общество, выступая в качестве участника общественно-политических процессов, взаимодействует с государством и бизнесом. Его активность неотделима от проблематики общественно-государственного диалога. Эффективное гражданское общество оказывает давление на власть, артикулируя и представляя социальные, экономические и иные интересы различных социальных групп. Публичная политика опирается на активное гражданское участие в принятии решений. Так выстраивается система «обратной связи», без которой не может функционировать современная общественно-политическая система. Инфраструктурой такого взаимодействия являются институты – посредники общественно-государственного диалога [Доклад о состоянии гражданского общества..., 2013].

Развитое гражданское общество способно постоянно поддерживать легитимность, баланс отношений власти и общества, обеспечивать условия устойчивого функционирования и развития любой политической системы. Поддержание подобного баланса может быть реализовано в странах, в которых «гражданское общество находится с государством в более или менее паритетных отношениях, где доминирующим типом политической культуры является гражданская политическая культура участия» [Федоркин, 2012].

Изучая круг проблем, связанных с социальной консолидацией, мы неизбежно сталкиваемся с вопросами гражданской ответственности и

гражданской активности населения. Готовность принимать участие в общественных мероприятиях; факторы, препятствующие с точки зрения граждан их реальному участию в общественной жизни; ощущение идентичности с членами социума – всё это имеет непосредственное отношение к процессам социальной консолидации. Но, прежде чем представить результаты проведенных исследований, кратко затронем теорию гражданского общества и историю его развития в России. Без знания этих основ сложно понять и оценить его современное состояние, определить ключевые проблемы этого важнейшего для страны субъекта общественных отношений.

Идея гражданского общества восходит к античному периоду. Данный термин появился в работах Аристотеля и Цицерона, которые использовали его как синоним «политического общества». Аристотель считал человека существом общественным и видел в гражданском обществе сообщество свободных и равных граждан, связанных между собой определённой формой политического устройства. В основе его учения лежит идея полиса, цель которого – благо его членов (граждан) [Шухов, 2007].

Идеи античной правовой мысли легли в основу концепции гражданского общества, возникшей в эпоху Нового времени. Эта концепция связана с именами Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш.Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо. Всю историю общества они делили на 2 периода: период естественного состояния и период гражданского состояния. Во втором периоде гарантом ограничения власти государства выступает гражданское общество, происходит постепенная замена «вертикальных» связей в обществе «горизонтальными». Особое значение в этом плане имеет учение Джона Локка о правовом государстве и гражданском обществе [Гражданское общество..., 2013]. По Джону Локку, человек – «владелец собственной личности», а общество – продукт добровольного согласия морально независимых индивидов, естественного закона, а не божественного мироустройства. Локку принадлежит идея ограничения власти короны и лордов, разделения властей. Т. Гоббс подчёркивал роль «политического государства», основанного на заключении общественного договора как результата соглашения между людьми. Философы Нового времени обосновывают доверие, возникающее между людьми по свободной воле, как ключевое условие существования государства, а общество – как субъект политики, способный рационально осознать собственное и коллективное благо и именно на этом основании обрести доверие к политическим и общественным институтам [Гражданское общество..., 2013].

Учение И. Канта и Г. Гегеля расширило представления о правовом государстве и гражданском обществе. Кант писал о гражданском обществе как об обществе, в котором «свобода в рамках существующих законов сочетается с максимально возможным развитием не сдерживаемых ничем усилий, тенденций, иными словами, общества с полностью гражданским устройством» [Сунгуров, 2008].

Гегель рассматривал гражданское общество как промежуточное звено между семьёй и государством, а государство как результат развития всей сферы гражданского общества. Гражданское общество, считал Гегель, выступает «не как атомистически распавшееся на единичные лица и собравшееся на мгновение только для единичного временного акта без дальнейшей связи, а как расчлененное на уже раньше конституированные товарищества, общины и корпорации, которые таким образом получают политическую связь». В качестве основополагающих принципов, на которых функционирует гражданское общество, Гегель называет наряду с принципами частной собственности и личной свободы «публичность» и «всеобщую осведомленность», свободно формирующееся общественное мнение, а также справедливые и строго соблюдаемые законы. В сфере гражданского общества Гегель важное место отводил защите собственности со стороны закона, суда и полиции, отстаивающих всеобщие интересы. Развитие гражданского общества предполагает наличие государства как его основания: «Государство есть всеобщее первое, внутри которого семья развивается в гражданское общество, и сама идея государства распадается на эти два момента» [Сунгуров, 2008].

К. Маркс полагал, что гражданское общество возникает на определённой стадии общественного развития, которую он отождествлял с капитализмом. Он рассматривал это общество как сферу частных экономических отношений и утверждал, что «анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии» [Сунгуров, 2008]. По Марксу, гражданское общество и государство находятся между собой в противоречии.

В.И. Ленин, следуя логике Маркса, отказался от самого термина «гражданское общество», а общественную формацию трактовал как совокупность производственных отношений. В полном виде этот подход проявился в рамках «марксистско-ленинской философии», отказывавшей такому гражданскому обществу в праве на дальнейшее существование вместе с классовым государством. Фактически же на смену комплексу «государство – гражданское общество» в России пришло государство, установившее контроль над всеми сторонами общественной, а также лич-

ной жизни человека. Соответственно, и в общественной науке советского периода исследования понятия «гражданское общество» практически отсутствовали [Сунгуров, 2008].

Переход к современности в западном мире – это постепенное расширение личной автономии гражданина [Гражданское общество..., 2013]. Развитие современного понимания гражданского общества неразделимо с процессом политической модернизации, протекавшим в странах Западной Европы и Америки в XVII–XIX веках, с процессом постепенного расширения прав личности как в политическом, так и в социальном смысле [Сунгуров, 2008]. Выстраивание горизонтальных связей между свободными людьми способствовало выстраиванию доверия и накоплению социального капитала. На место властной иерархии приходят институты с четко очерченными границами, участием всех сторон в разработке правил и механизмов разрешения конфликтов. Накопление этого капитала – длительный процесс. Он выстраивается «снизу вверх», «на живом ощущении его общей ценности для участников (но не на абстрактных идеях), укрепляется при использовании и исчезает при неиспользовании норм взаимоотношений, основанных на доверии. Теме социального капитала как фактора развития гражданского общества посвящены работы Дж. Коулмена и К. Гирца. Накопление социального капитала происходит не только в деятельности по решению масштабных социальных задач или продвижению социально-экономических и политических интересов, но и в любых коллективных действиях, в т.ч. досуговой или осуществляемой на микроуровне деятельности (К. Гирц приводит в качестве примера общества взаимного кредита, похожие на кассы взаимопомощи советского времени) [Гражданское общество..., 2013].

Начиная с 1970-х годов в странах Восточной Европы термин «гражданское общество» использовался в основном в качестве альтернативы коммунистическому режиму. В то же время западные исследователи рассматривали, что же представляет из себя это общество. Так, Майкл Уолтцер определяет гражданское общество как «пространство свободных ассоциаций индивидуумов, а также набор сетей взаимоотношений, образованных на основе семьи, веры, интересов и идеологии и заполняющих это пространство» [Сунгуров, 2008].

Понятие гражданского общества приобрело новое измерение в связи с развитием сектора некоммерческих организаций, или «третьего сектора». Под неприбыльным (третьим) сектором понимается совокупность (система) групп населения и организаций, не ставящих перед собой целей

увеличения личного дохода непосредственно через участие в работе таких групп и организаций или через владение ими. Термин «неприбыльные» означает, что получаемая в результате деятельности таких групп и организаций прибыль не распределяется между их участниками, а идет на реализацию целей группы или организации. Первые два сектора – это совокупность государственных институтов и деловых частных организаций и предприятий. К. Маккартби и В. Ходкинсон рассматривают третий сектор как сферу активности, развиваемой между семьей и более широкими бюрократическими секторами прибыльного бизнеса и правительства. В рамках этой концепции говорят о неприбыльном секторе, секторе добровольной активности, третьем секторе, неправительственном секторе. Для всех подобных организаций характерна деятельность ради общественного благополучия. Главной функцией таких организаций является, в той или иной степени, расширение пределов свободы и наделение населения властью, вовлечение населения в процесс социальных изменений, в развитие социальной защиты.

Растущее внимание к проблематике гражданского общества и деятельности организаций третьего сектора характерно не только для стран, претерпевающих непростые процессы посткоммунистической модернизации, но и для стран с устойчивой демократической системой. В последнем случае именно на примере негосударственных организаций, эффективно решающих сложные проблемы и не извлекающих для себя при этом прибыли, многие аналитики пытаются найти выход из дилеммы: эгоистичский индивидуализм – обезличивающий коллективизм.

Таким образом, в процессе становления гражданского общества сформировались следующие феномены, составляющие сущность и непеременимые условия его функционирования:

- *«нейтральная сфера»* – области человеческой деятельности, осуществляемой свободно от государственного доминирования и регулируемой лишь законом;
- *«личность»* – свободный человек, обладающий собственностью, рационально планирующий и осуществляющий защиту собственных экономических, политических и иных прав и вступающий в добровольные ассоциации с другими людьми ради коллективных действий;
- *межличностное доверие* – основанное на обретенных в процессе социализации связях по профессиональным, социальным, идейно-политическим интересам и предпочтениям [Гражданское общество..., 2013].

Как отмечает П. Штомпка, в течение двух последних десятилетий проблема доверия выдвинулась на первый план интересов социологии [Штомпка, 2012: 20]. Исследования отдельных учёных в начале 1980-х гг. (Никлас Луман, Бернард Барбер) превратились в интеллектуальное течение с большим и постоянно растущим количеством участников. В 1990-е годы проблематикой доверия занялись Френсис Фукуяма, Барбара Миштал, Адам Селигмен. После 2000-х годов появилось несколько новых теоретических монографий таких авторов, как Рассел Хардин, Эрик Усланер, Родерик Крамер и Карен Кук, Чарлз Тили, Матей Доган, Диего Гамбетта, Хизер Хэмилл [Сасаки и др., 2013].

Учёными обращалось внимание на снижение уровня социального доверия во многих странах мира. В качестве причин этого явления указывались вызванные модернизацией и глобализацией такие системные процессы, как социальная изоляция и аномия, значительные изменения в демографии, политике, экономике, культуре, институциональных структурах. По словам Б. Миштал, «проблемы доверия непосредственно связаны с ключевыми вопросами современного мира. Для того чтобы можно было как-то решать эти проблемы, необходимо знать как можно больше о доверии и о его свойствах». Появилась необходимость уточнять контекст общественного доверия [Ховард, 2009].

Тема доверия поднимается в работах таких социологов, как Ф. Теннис, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Т. Парсонс и другие. П. Блау отмечал, что доверие необходимо для стабильности социальных отношений. М. Вебер подчеркивал роль доверия в обмене товарами и услугами. Дж. Коулмен изучал доверие как факт социального обмена. А. Селигмен считал доверие «базовым компонентом всех длительных общественных отношений» [Сасаки и др., 2013].

Как полагал П. Штомпка, доверие не должно быть результатом холодного расчёта. Открытость по отношению к другим и готовность к сотрудничеству могут быть результатом «культурного нажима», создания «климата доверия» – распространённого в обществе убеждения, что необходимо верить другим, потому что они достойны доверия. Он выделяет 5 факторов, способствующих возникновению «климата доверия»:

- 1) нормативная сплочённость общества (стабильность, ясность и непротиворечивость системы правил: норм и ценностей, чёткого определения полномочий и обязанностей, связанных с различными социальными ролями;

2) стабильность инструкций, организаций, установленных общественных структур;

3) прозрачность общественной жизни, организационные формы и механизмы которой являются явными, понятными и видимыми;

4) дружественное окружение среды, в которой проходит общественная жизнь, как естественной, технической, цивилизованной, так и расовой, этнической;

5) уверенность, что все будут следовать общественным правилам игры, что существуют результативные и непредвзятые контролирующие и принуждающие к исполнению институты: арбитраж, судебные органы, правосудие, контрольные и выборные органы. Они стоят на страже того, чтобы и граждане, и правительства исполняли свои обязательства, были достойными доверия и не обманывали доверия других [Штомпка, 2012].

При этом, по мнению П. Штомпки, глобализация одновременно создаёт механизмы, стремящиеся к возвращению доверия на новом, глобальном уровне. Происходит реорганизация основ доверия. Кризис доверия даёт начало медленной его реконструкции в новом масштабе и на новых основаниях [Ховард, 2009].

Однако само понятие гражданского общества в зарубежном научном сообществе пока еще не устоялось [Сунгуров, 2008]. Несмотря на повышенное внимание к вопросу развития и статусу гражданского общества в России, данная категория остается «ускользающей концепцией» [Мерсианова, 2011]. В узком смысле гражданское общество включает в себя некоммерческие организации, зарегистрированные на территории, в широком – оно понимается как свойство общества, качественная ступень его развития.

Под гражданским обществом некоторые исследователи понимают только совокупность общественных неполитических организаций, таких как благотворительные, этнические, экологические, культурные и тому подобные свободные ассоциации, отделяя их от «политического» и «экономического» обществ. Ряд американских ученых даёт конкретное и узкое определение гражданского общества как совокупности зарегистрированных в Минюсте США некоммерческих организаций, которые подпадают под налоговые льготы для организаций, не нацеленных на распределение прибыли (они могут ее получать, но обязаны использовать на уставные цели организации). В то же время в США появилась активно развивающаяся в настоящее время теория социального капитала, которая рассматривает так называемые *grass roots* – микропроцессы на уровне отдельного дома или улицы.

Подход европейских ученых заключается в том, что к гражданскому обществу относится всякая кооперация людей, которая не является бизнесом или частью государства, вне зависимости от юридической формы, отношений с налоговой службой и миссии организации [Еньков].

Некоторые авторы рассматривают гражданское общество не как часть общества в целом, а как его свойство, стадию развития, положительную характеристику. Такое понимание продолжает традицию, идущую от Адама Фергюсона («Эссе по истории гражданского общества») и Алексиса де Токвиля, автора работы «Демократия в Америке» [Еньков]. В рамках такого подхода современное гражданское общество, помимо населения и составляемых им разнообразных социальных групп, включает государственные органы власти и соответствующие организации, сектор, нацеленный на производство прибыли (прибыльный сектор), и сектор, целью которого не является производство прибыли (третий сектор), причем между этими тремя секторами не существует жестких границ.

Гражданское общество занимает достаточно большое место и в исследованиях российских ученых – В. Гуторова, В. Марахова, Л. Сморгунова, В. Сморгуновой, С. Перегудова, А. Хлопина, Т. Ворожейкиной, В. Витюка, Ю. Красина, А. Аузана. Несмотря на проблемы в его становлении, большинство ученых склоняется к мнению, что гражданское общество существует и функционирует, но оно проходит лишь начальные стадии своего развития, в чем и заключается источник драматических противоречий российской действительности.

Так, А. Аузан рассматривает гражданское общество с точки зрения институциональной экономики. По его мнению, гражданское общество – это метод работы с «внешними эффектами»: государство действует посредством принуждения, бизнес – посредством купли-продажи, гражданское общество – посредством установления прав разных сторон и достижения многосторонних договоренностей. «Главная тема гражданского общества – это взаимные права» [Аузан]. У каждого метода есть свои издержки, но эффективное функционирование общества требует всех трех составляющих. При этом место и границы всех трех сторон (государство, бизнес и гражданское общество) не фиксированы, сильный институт способен перетягивать на себя функции более слабого. В качестве примера действия гражданского общества, проявившего себя в конце 1980-х годов в СССР, Аузан приводит мощное экологическое движение, добившееся закрытия белково-витаминных комбинатов (БВК) и остановки некоторых атомных станций.

С середины 1980-х годов процесс возникновения общественных организаций шел довольно бурно. Первым было создано в 1985 г. Всесоюзное добровольное общество борьбы за трезвость. В 1986 г. оформляется Союз театральных обществ СССР, Всесоюзное музыкальное общество, Всесоюзный совет ветеранов войны и труда, Советский фонд культуры, в 1987 г. – Союз дизайнеров СССР, Всесоюзное общество друзей кино, Московское общество инвалидов (опорно-двигательного аппарата), Советский детский фонд им. Ленина, Советский фонд мира. Если раньше в стране не было ни одного экологического клуба, то к концу 1980-х их число достигало нескольких десятков, возникали сотни подростковых, семейных клубов, групп милосердия и т.д. По некоторым подсчетам в самодеятельные инициативы было вовлечено 7–8% городского населения старше 14 лет [Гражданское общество..., 2011].

Для 1990-х годов была характерна импортозависимая модель развития российского гражданского общества. Иностранные доноры выступали в роли ключевых субъектов предложения как ресурсов, так и институтов третьего сектора. Они не только давали средства, но и с помощью программ обучения активистов, стажировок и др. осуществляли перенос культуры западного, и прежде всего американского, третьего сектора в Россию. Роль государства сводилась в основном к доброжелательному невмешательству в дела третьего сектора, бюджетная поддержка НКО была крайне незначительной [Гражданское общество..., 2011].

В 1990-е годы резкое падение уровня жизни населения выдвинуло на передний план необходимость создания большого количества организаций и групп самопомощи. Сокращение финансирования социально-культурной и гуманитарной областей усилило процесс создания общественных объединений для спасения культуры, искусства, образования и науки. Льготная политика по отношению к отдельным видам общественных объединений (например, объединениям инвалидов) стимулировала их создание. Принятие в 1990 г. Закона СССР «Об общественных объединениях» и в 1995 г. законов Российской Федерации, регулирующих деятельность общественных объединений и благотворительных организаций, способствовало созданию гражданами России некоммерческих объединений. Для 2000-х годов был характерен процесс импортозамещения институтов и ресурсов российского третьего сектора: ведущая роль в финансировании НКО переходит от зарубежных источников к отечественным, ослабевает влияние зарубежных доноров, усиливается самоорганизация граждан (прежде всего относящихся к среднему классу) и филантропическая

активность бизнеса, складываются предпосылки для консолидации третьего сектора [Гражданское общество..., 2011].

Ситуация в России характеризуется, с одной стороны, формально высоким показателем деятельности НКО как одного из основных маркеров развития гражданского общества в России, а с другой – низкой информированностью о вовлеченности граждан в деятельность НКО, что ставит вопрос о нормативных рамках определения гражданского общества [Бараш]. Формальный подход к определению гражданского общества, предполагающий ориентацию на учет количества НКО и негосударственных инициатив, оказывается сложноприменимым в России. Поэтому некоторые исследователи считают, что предложенное в 2013 г. в докладе Центра политических технологий «Гражданское общество – ресурс развития России» определение гражданского общества как «совокупности институтов, союзов и ассоциаций...» применимо в западных демократиях, но «не работает» в российской действительности [Бараш]. В отличие от зарубежной традиции, в России невозможно свести гражданское общество к некоммерческим организациям и институтам третьего сектора, что связано с низким уровнем развития горизонтальных связей и отсутствием традиции институционализированной общественной солидарности. Кроме того, важную роль играет низкий уровень межличностного и институционального доверия [Бараш], что, в свою очередь, является производным от не состоявшегося в России общественного договора между гражданами и властью, отсутствие возможности равноправного диалога между ними [Левинсон, 2013].

Усугубляет ситуацию и правовая неясность. В 2012 г. был введен в действие «Закон об «иностранных агентах» (Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента»). Согласно документу, все некоммерческие организации, которые, так или иначе, занимаются политической деятельностью и финансируются из-за рубежа, должны регистрироваться как иностранные агенты. В противном случае их деятельность должна быть прекращена. По мнению вице-спикера Госдумы Сергея Неверова, в формулировке «иностранного агента» не нужно искать двойное дно и подозревать законодателей в попытках навесить какой-то ярлык. Эта формулировка является общепринятой и присутствует в законодательстве многих развитых демократий. Если НКО финансируется из-за рубежа и реализует на эти деньги определенные про-

екты, мероприятия, очевидно, что она работает, в том числе, и в интересах заказчика. По словам Неверова, цель принятия законопроекта – сделать деятельность тех НКО, которые получают финансирование из-за рубежа, прозрачной и открытой, т.к. россияне имеют право знать, кто финансирует некоммерческую организацию, в частности для того, чтобы понимать ее конечные цели и задачи. «Подход, который содержится в обсуждаемом проекте закона, используется всеми странами мира. В России также должны работать международные стандарты демократии», – констатировала председатель комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции Ирина Яровая [Иностранные агенты..., 2012].

Однако реформа вызвала негативную реакцию со стороны правозащитников, которые указывали на размытость термина «политическая деятельность» и негативные коннотации определения «иностранный агент». В. Путин на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека в сентябре 2013 г. признал, что закон об иностранных агентах требует совершенствования, подчеркнув, что критерии отнесения некоммерческих организаций к иностранным агентам должны быть ясными и понятными [Заседание совета...]. Вместе с тем в конце апреля 2014 г. депутатом от ЛДПР А. Луговым был внесён в Госдуму законопроект о поправках в закон об НКО, дающих возможность Министерству юстиции РФ самостоятельно включать организации в реестр иностранных агентов и проводить дополнительные проверки. На наш взгляд, закон об иностранных агентах, повышение контроля государства над НКО, так же как и расширенное трактование термина «политическая деятельность», не способствуют популярности организаций «гражданского общества» у населения.

По мнению экспертов, полная зависимость НКО от государственного финансирования превращает их в структуры, близкие по содержанию деятельности к государственным агентствам или коммерческим организациям [Гражданское общество...].

Неоднозначно воздействуют на ситуацию экономическая и политическая системы, сложившиеся в стране. На федеральном уровне необходимость развития общественной инициативы, общественного контроля всячески подчеркивается, активно идет процесс внедрения принципов открытости в работу органов власти. В то же время взаимоотношения между различными уровнями власти и особенно межбюджетные отношения сегодня объективно оказываются тормозом развития самостоятельности муниципалитетов и в том числе – гражданской инициативы на их территории [Ресурсы российского добровольческого движения].

Дотационность муниципальных образований делает местных глав более зависимыми от вышестоящих уровней власти, чем от населения собственного муниципалитета. Безденежье местных бюджетов не позволяет не только поддерживать инициативы граждан, но и достойно выполнять существующие публичные обязательства. Кроме того, проблема заключается в том, что передача дополнительных обязанностей и полномочий не сопровождается передачей соответствующих финансовых средств, необходимых для осуществления этих полномочий. К примеру, это касается введения ответственности муниципальной власти в сфере международных отношений.

Ситуация усугубляется тем, что вместо истинной общественной активности в некоторых муниципалитетах возвращаются имитационно-демонстрационные её формы. Большинство механизмов общественного участия (референдумы, собрания, конференции, сходы, публичные слушания, опросы граждан, правотворческая инициатива) зачастую остаются невостребованными или превращаются из формы народного волеизъявления в его имитацию [Ресурсы российского добровольческого движения].

Еще одна проблема заключается в том, что значительная часть руководителей разных уровней воспринимают отношения с общественностью как дополнительную нагрузку, при встречах с населением стремятся отделаться монологом вместо конструктивного диалога, не проявляют деловой реакции на предложения, поступающие из трудовых коллективов, с собраний и сходов граждан, из общественных формирований.

Таким образом, гражданское общество, как один из основных институтов, участвующих в консолидационных процессах, имеет богатую историю развития и научного осмысления. И тем не менее это «не спасает» его от всё более сложных, новых вызовов, которые диктуются динамикой современного мирового развития и спецификой социально-экономических отношений, складывающихся в постсоветской России. С нашей точки зрения базовым элементом гражданского общества являются не его формы (институты), а содержательная составляющая – гражданская активность широких слоев населения, даже тех его представителей, которые в настоящее время не охвачены ни одним из видов гражданского участия. То есть мы ведем речь прежде всего о самом обществе, о гражданах, живущих в определенных социально-экономических и социально-психологических условиях, влияющих на их социальное восприятие и социальную активность. От того, какой вектор принимает динамика общественного мнения по ключевым вопросам общественной жизни, зависит и готовность людей

участвовать в общественно полезных мероприятиях (в том числе политического характера). Поэтому, прежде чем представить результаты наших исследований в сфере гражданской активности населения, рассмотрим подробнее восприятие людьми социальных условий жизни.

2.2. Социальное восприятие ключевых аспектов жизни общества

Характерной чертой глобального мира XX – начала XXI в. стала более заметная роль населения в общественно-политической жизни. В новых условиях российское государство всё чаще вынуждено считаться с общественным мнением относительно решения проблем, наиболее волнующих граждан. Игнорирование общественного мнения ведет к крайне негативным последствиям: росту социальной напряжённости и протестных настроений, углублению процессов аномии и атомизации. Социальное восприятие является базовым фактором развития гражданского общества и активности населения в выражении своей гражданской позиции, что немаловажно для реализации одной из главных задач государственного управления – повышения эффективности взаимодействия власти и общества.

Восприятие людьми условий окружающей социальной реальности отражается, в первую очередь, через их оценку эффективности функционирования основных социальных институтов. С этой точки зрения одним из ключевых показателей социального восприятия выступает уровень доверия государственным и общественным институтам. Он важен, потому что отражает оценку населением курса развития страны, который проводится действующей властью, то есть его можно расценивать как интегральный индикатор отношения населения и к экономической, и к политической ситуации. В то же время он отражает оценку деятельности институтов гражданского общества, что характеризует отношение населения к сложившимся демократическим основам. Не случайно уровень доверия государственным и общественным институтам измеряется и на мировом, и российском, и региональном уровнях.

С 2007 г. Россия включена в международное исследование Edelman Trust Barometer. На основе среднего уровня доверия по четырём ключевым институтам (власти, бизнесу, масс-медиа и общественным организациям) составляется рейтинг стран, которые делятся на 3 группы: доверяющие (trusters), нейтральные (neutral) и недоверяющие (distrusters). По результатам данного исследования Россия относится к числу стран с невысоким

уровнем доверия. Так, ежегодно доверие россиян власти, бизнесу, СМИ и НКО примерно в 2 раза ниже, чем в среднем по 27 странам мира, принимающим участие в опросе (табл. 2.1).

Таблица 2.1. **Уровень доверия ключевым институтам**

Институт	Среднемировое значение (в % от числа опрошенных)				Россия (в % от числа опрошенных)				Рейтинг России		
	2012	2014	2016	2017	2012	2014	2016	2017	среди 26 стран	среди 27 стран	среди 28 стран
									2012	2014	2017
Власть	43	44	42	41	26	27	53	44	24	22	10
Бизнес	53	58	53	52	41	45	38	39	22	19 - 23	26
Масс медиа	52	52	48	43	33	35	38	31	25	25	25
НПО	58	64	55	53	28	41	27	21	25	26	28
Среднее	51	54	50	47	32	37	39	34	25	26	28

Источник: 2017 Edelman Trust Barometer [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edelman.com>

Нужно отметить, что на первых позициях по рассматриваемому индикатору находятся так называемые растущие рынки (ОАЭ, Китай). В свою очередь, западные страны, особенно США и Франция, перешли из группы нейтральных в группу недоверяющих. Исследователи Барометра-2016 объясняют это так: западный скептицизм укрепляется, растущие рынки развиваются. По интегральному индексу Россия в 2016 г. находилась на 25-м месте из 28 стран, в 2017 г. – на последнем (табл. 2.2).

Таблица 2.2. **Рейтинг стран по интегральному индексу доверия**

Место в рейтинге	2016		2017		2017 к 2016, (в п.п.)
	Страна	Уровень доверия, %	Страна	Уровень доверия, %	
Десятка стран-лидеров					
1	Китай	73	Индия	72	+7
2	ОАЭ	66	Индонезия	69	+5
3	Индия	65	Китай	67	-6
4	Сингапур	64	Сингапур	60	-4
5	Индонезия	62	ОАЭ	60	-6
6	Мексика	60	Нидерланды	53	+1
7	Канада	56	Мексика	52	-7
8	Колумбия	55	США	52	+3
9	Нидерланды	52	Колумбия	50	-5
10	Аргентина	51	Канада	49	-7
Десятка стран-аутсайдеров					
19	Германия	42	ЮАР	42	-3
20	Южная Корея	42	Германия	41	-1
21	Великобритания	42	Франция	40	-1
22	Франция	41	Великобритания	40	-2

Место в рейтинге	2016		2017		2017 к 2016, (в п.п.)
	Страна	Уровень доверия, %	Страна	Уровень доверия, %	
23	Ирландия	41	Южная Корея	38	-4
24	Турция	41	Швеция	37	0
25	Россия	39	Ирландия	36	-5
26	Япония	38	Япония	35	-3
27	Швеция	37	Польша	35	0
28	Польша	35	Россия	34	-5

Источник: Edelman Trust Barometer [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.edelman.com>

Что показывают данные опросов на федеральном и региональном уровнях? Характеризуя восприятие российским обществом социально-экономической и политической ситуации в стране, отметим два основных момента.

1. Во-первых, в Российской Федерации наиболее высоким уровнем доверия пользуется её Президент. Отчасти эта особенность объясняется ментальными характеристиками российского общества. Исторически Россия всегда тяготела к самодержавию, в связи с этим в самом институте президентства есть элемент традиционный, некоторая схожесть с монархической формой власти. Эта особенность российской системы власти не похожа ни на восточную деспотию, ни на западную демократию [Зуйков, 2008: 171].

2. Во-вторых, одной из уникальных особенностей российской системы власти является гипертрофированная роль личности. Личность превалирует над институтом. От того, какая личность, какой человек займет пост, например, министра, зависит процветание или крах министерства и даже курируемой им отрасли. В политическом сознании народа доминирующее значение имеет не то обстоятельство, как управляется страна, а то, кем она управляется. То есть не лидер встраивается в систему, а система подстраивается под лидера. Это русская система демократии, не похожая на то, что происходит в Вашингтоне или Берлине, но, как это ни парадоксально, она оказывается единственным действующим и реальным институтом для современной России [Третьяков, 2011].

Тренд доверия главе государства в 2000-е гг. наглядно демонстрирует роль личности Президента РФ В.В. Путина для населения России. С 2000 г., когда пост главы государства занял В. Путин, доверие Президенту вышло на качественно новый уровень – около 60% (против 27% в 1996 году). Этот уровень продолжает сохраняться и в настоящее время.

Согласно данным World Economic Journal В. Путин находится на третьем месте среди глав государств мира по уровню доверия населения (1 место – Дилма Русефф (Бразилия), 2 место – Ангела Меркель (Германия)) [Рейтинг президентов..., 2013].

В триаде «Президент – Правительство – Государственная Дума» глава государства оказывается сильнее, чем отдельные государственные органы. «Мы можем сколь угодно долго дискутировать о разделении властей, обсуждая нюансы их взаимного сдерживания и балансирования, но при этом всегда будем иметь в виду, что в нашей стране есть конституционный институт, стоящий над этими демократическими «играми», который, по существу, и определяет вектор развития современной России» [Сильвестров, 2011]. Этот тезис наглядно подтверждают данные социологических опросов населения Вологодской области. Так, по данным на 2016 г., Президенту РФ доверяют 62% жителей области, Правительству РФ – 50%, Совету Федерации – 41%, Государственной Думе – 34%, губернатору – 37%, полиции – 40%, ФСБ – 38%, суду – 37%, прокуратуре – 39%, армии – 43% (табл. 2.3).

Таблица 2.3. **Уровень доверия населения Вологодской области государственным и общественным институтам** (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение (+ -) 2016 к	
												2015	2000
Президенту РФ	57,1	57,7	65,2	51,6	56,8	50,5	45,7	47,0	57,0	60,6	62,0	+1	+5
Правительству РФ	42,7	38,0	60,2	46,7	52,4	47,4	39,6	40,4	48,3	49,4	48,8	-1	+6
Церкви	42,3	46,5	51,9	44,9	47,0	47,5	41,4	43,9	44,7	43,7	47,1	+3	+5
Руководству области	31,3	32,8	48,6	34,9	41,0	36,6	34,6	37,8	37,4	36,9	38,5	+2	+7
Суду	31,6	36,9	41,3	35,1	37,4	35,8	36,1	39,3	36,9	40,5	39,3	-1	+8
ФСБ	34,2	35,6	43,8	34,3	36,0	35,8	33,2	37,5	36,4	39,6	40,6	+1	+6
Армии	37,0	25,9	37,8	33,5	34,5	34,1	31,3	37,5	37,8	42,0	43,9	+2	+7
Прокуратуре	30,9	34,3	40,9	34,8	36,1	35,4	33,9	40,1	38,5	40,9	40,3	-1	+9
Совету Федерации	28,3	30,4	47,6	35,9	38,1	35,5	32,3	34,6	40,2	40,2	39,3	-1	+11
Полиции	27,2	27,1	36,5	33,1	32,7	32,1	29,3	33,7	35,4	40,2	41,7	+2	+15
Государственной Думе	23,0	27,1	42,0	33,5	33,5	32,0	30,5	31,6	35,2	34,0	33,0	-1	+10
СМИ	30,2	30,4	27,5	28,7	28,7	28,7	28,7	29,5	28,0	26,6	25,7	-1	-5
Профсоюзам	28,4	27,9	35,9	28,1	29,9	30,0	25,6	27,8	26,6	26,5	28,1	+2	0
Органам местного самоуправления*	н.д.	н.д.	40,9	33,1	35,6	33,9	29,3	32,7	35,1	34,5	33,3	-1	-
Директорам, руководителям предприятий	19,6	23,6	30,5	22,5	22,8	22,3	25,1	27,5	21,9	20,2	20,5	0	+1

Вариант ответа	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение (+ -) 2016 к	
												2015	2000
Банковским, предпринимательским кругам	12,4	20,6	26,6	20,3	21,5	20,4	21,3	23,4	18,8	16,5	17,2	+1	+5
Общественным организациям*	н.д.	н.д.	32,6	23,8	26,7	26,7	26,5	26,8	25,5	23,8	24,2	0	
Политическим партиям	20,4	16,0	17,6	20,0	20,0	22,8	22,8	20,9	20,2	17,0	18,1	+1	-2
Общественной палате РФ*	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	27,3	27,3	28,1	29,9	32,8	32,5	32,1	0	-
Общественной палате области*	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	24,8	25,7	25,4	29,2	29,4	29,5	28,0	-2	-

* Варианты ответов «Общественная палата РФ» и «Общественная палата области» включены в структуру опроса с 2010 г.; варианты ответов «органы местного самоуправления» и «общественные организации» – с 2006 г.
Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

За период с 2015 по 2016 г. несколько сократился и уровень доверия общественным организациям (с 24 до 22%), при этом он остаётся достаточно низким по сравнению с уровнем доверия федеральным и региональным органам власти, правоохранительным и силовым структурам (табл. 2.4). В территориальном разрезе доверие населения общественным организациям заметно снизилось в Череповце (с 34 до 29%), но сохраняется более высоким в городах по сравнению с районами (29% против 14%).

Таблица 2.4. **Уровень доверия населения Вологодской области общественным организациям** (% от числа опрошенных)

Территория	2006	2007	2008	2011	2013	2014	2015	2016	Изменение (+ -) 2016 к	
									2015	2006
Область	20,0	24,4	32,6	26,7	26,8	25,5	23,8	22,0	-2	+2
Вологда	19,3	19,8	29,2	29,5	25,5	28,4	28,7	29,2	+1	+10
Череповец	24,4	30,0	41,0	35,5	34,8	31,7	34,4	28,7	-6	+4
Районы	18,3	23,8	30,0	21,0	23,1	20,4	15,2	14,0	-1	-4

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

К некоммерческим организациям относятся и профессиональные союзы, защищающие права населения в сфере труда. Уровень доверия профсоюзам в 2016 г. в среднем по области примерно соответствует показателям 2014–2015 гг. (26–27%; табл. 2.5). В территориальном разрезе дина-

мика неоднозначна: оценки жителей Вологды и районов существенно не изменились (30 и 21%), в Череповце уровень доверия профсоюзам снизился (с 37 до 31%).

Таблица 2.5. **Уровень доверия населения Вологодской области профсоюзам**
(% от числа опрошенных)

Территория	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение (+ -) 2016 к	
												2015	2000
Область	28,4	27,9	35,9	28,1	29,9	30,0	25,6	27,8	26,6	26,5	26,1	0	-2
Вологда	28,4	25,6	34,8	31,4	36,1	32,4	28,6	24,7	26,4	29,3	29,7	0	+1
Череповец	16,6	28,2	42,7	31,9	33,7	39,6	30,5	37,2	38,6	37,4	31,4	-6	+15
Районы	34,7	28,8	33,1	24,8	25,1	24,1	21,7	24,2	20,2	18,8	20,9	2	-14

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН

Важным элементом гражданского общества являются партии, призванные объединять людей с целью защиты их интересов. По сравнению с 2015 г. уровень доверия политическим партиям среди жителей области увеличился незначительно (с 17 до 19%; табл. 2.6), однако он остается более низким, чем доверие общественным организациям и профсоюзам. Что касается уровня доверия политическим партиям, то он несколько вырос среди жителей Вологды (с 17 до 21%) и районов (с 12 до 14%), в то время как в Череповце снизился с 25 до 23% соответственно.

Таблица 2.6. **Уровень доверия населения Вологодской области партиям**
(% от числа опрошенных)

Территория	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение (+ -) 2016 к	
												2015	2000
Область	10,7	16,0	26,8	20,0	22,8	22,8	20,9	20,4	20,2	17,0	18,5	+2	+8
Вологда	9,9	10,1	27,1	24,6	28,4	24,7	25,3	18,6	19,6	17,3	21,4	+4	+12
Череповец	9,6	10,1	33,8	25,0	26,1	31,8	25,4	24,4	24,8	25,4	22,8	-3	+13
Районы	11,7	21,6	23,3	15,5	18,6	17,3	16,6	19,2	17,9	12,2	14,2	+2	+3

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

Еще один сегмент гражданского общества – органы местного самоуправления. Доверие к ним в регионе в 2016 г. сохранилось примерно на уровне предыдущего года (33%; табл. 2.7). Незначительное снижение произошло в основном за счёт ухудшения оценок жителей Череповца (доля доверяющих уменьшилась с 47 до 40%).

Таблица 2.7. **Уровень доверия населения Вологодской области органам местного самоуправления** (% от числа опрошенных)

Территория	2006	2007	2008	2011	2013	2014	2015	2016	Изменение (+ -) 2016 к	
									2015	2006
Область	26,6	32,3	40,9	33,9	32,7	35,1	34,5	32,6	-2	+6
Вологда	22,8	26,4	28,8	33,2	29,5	36,9	35,2	33,7	-2	+11
Череповец	34,1	47,3	61,0	51,0	48,0	44,7	46,5	40,1	-6	+6
Районы	24,6	27,7	36,5	25,5	25,9	28,8	27,5	27,6	0	+3

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

В 2015–2016 гг. показатель межличностного доверия жителей Вологодской области («Большинству знакомых людей можно доверять») сохранился на уровне 11–13% (табл. 2.8), уровень недоверия существенно не изменился (24–25%). Большинство населения по-прежнему доверяет только своему ближайшему окружению, причём доля таковых в 2016 г. по сравнению с 2014–2015 гг. увеличилась (60% против 53–56%).

Таблица 2.8. **Кому Вы можете доверять?** (в % от числа опрошенных)*

Позиция	2010 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
В наше время никому нельзя доверять	26,1	24,7	27,9	27,9	23,5	25,1
Только самым близким друзьям и родственникам	58,1	56,5	52,5	53,4	55,7	60,2
Большинству знакомых мне людей можно доверять	12,8	16,1	15,2	12,2	12,6	10,8
Доверять можно всем людям без исключения	2,3	2,5	1,6	3,1	2,5	2,3
Затрудняюсь ответить	0,7	0,2	2,8	3,4	5,7	1,6

* Вопрос задаётся с 2010 г. В 2012 г. вопрос не задавался.
Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

В 2016 г. наиболее высоким уровнем межличностного доверия отличались люди, относящиеся к категории 20% наиболее обеспеченных по самооценке уровня среднедушевых доходов (21%), в территориальном разрезе – жители Череповца (19%). Уровень недоверия выше среднего по области наблюдался в категории 20% наименее обеспеченных (34%), среди лиц со средним и неполным средним образованием (28%), жителей районов (26%), молодых людей в возрасте 18–30 лет (25%).

Таким образом, происходит приоритетная концентрация положительных оценок общественного мнения на институте президентства и личности В.В. Путина, что, с одной стороны, является негативным моментом, поскольку противоречит концепции развития демократических и гражданских основ общества. С другой стороны, обладает значительным

потенциалом для консолидации общества, что мы наблюдаем, в частности, на примере отношения к ситуации в Украине (об этом, например, говорил председатель Комитета Госдумы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Леонид Слуцкий: «Ситуация в Украине консолидирует все российское гражданское общество. Все однозначно выступают за то, чтобы защитить наших в Украине, за то, чтобы не допустить вытеснение русского языка и русских за территорию Украины») [Политики и общественные деятели одобрили решение Москвы вмешаться в ситуацию на Украине ..., 2014].

Существенное влияние на состояние экономики и уровень жизни населения оказал экономический кризис 2014–2015 гг. Так, например, согласно данным официальной статистики, в 2015 г. по сравнению с предыдущим годом ВРП Вологодской области снизился на 12,9 процентного пункта (п.п.) (табл. 2.9). Индекс цен на потребительские товары и услуги в декабре 2015 г. по сравнению с соответствующим периодом 2014 г. увеличился на 12 п.п. Уровень безработицы в 2015 г. по сравнению с предыдущим годом увеличился на 1,2 п.п. (с 5,6 до 6,8%).

Таблица 2.9. **Динамика основных экономических и социальных показателей**
(данные по Вологодской области)

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Изменение (+ -) 2016 к	
									2015	2008
Индекс физического объёма ВРП, в % к предыдущему году	96,7	87,1	105,7	106,9	104,8	95,7	96,7	87,1	-12,9	-16,9
Индекс промышленного производства, в % к предыдущему году	95,3	90,5	111,8	105,6	101,3	102,5	103,7	101,8	+1,8	+17,1
Индекс потребительских цен, декабрь к декабрю предыдущего года, %	114,3	107,2	109,2	105,7	106,0	107,2	112,0	112,0	+12	+76,4
Уровень безработицы, в % от экономически активного населения	5,6	7,8	7,8	7,3	5,8	6,1	5,6	6,8	+1,2	+1,2
Реальные располагаемые денежные доходы, в % к соответствующему периоду предыдущего года	98,7	90,4	109,3	100,1	110,1	105,4	103,1	102,5	+2,5	+21,3
Реальная начисленная заработная плата, в % к соответствующему периоду предыдущего года	108,3	92,9	105,6	99,8	106,9	104,4	98,2	88,3	-11,7	-5,3
Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, в % от общей численности населения	15,7	18,2	16,8	17,1	13,2	13,0	12,9	14,1	1,2	-1,6

Реальный размер назначенной пенсии, в % соответствующему периоду к предыдущего года	108,2	126,4	111,9	105,0	103,9	102,8	96,7	102,5	+2,5	+57,2
Соотношение пенсии и прожиточного минимума, раз	1,2	1,5	1,7	1,6	1,8	1,7	1,6	1,5*	-0,1	+0,3
Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов), в раз	12,5	11,5	11,7	11,4	12,1	12,1	11,7	Н.д.	-	-
Коэффициент Джини* (индекс концентрации доходов)	0,382	0,370	0,373	0,369	0,377	0,377	0,372	Н.д.	-	-
<p>* Коэффициент Джини – статистический показатель степени расслоения общества, характеризующий дифференциацию денежных доходов населения в виде степени отклонения фактического распределения доходов от абсолютно равного их распределения между жителями страны или региона. Величина коэффициента может варьироваться от 0 до 1, при этом чем выше значение показателя, тем более неравномерно распределены доходы/заработная плата.</p> <p>Источники: Статистический ежегодник Вологодской области 1998 – 2005: стат. сб. / Вологдастат, 2006. – С. 72; Валовой региональный продукт Вологодской области [Электронный ресурс] / Вологдастат. – Режим доступа: http://vologdastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/vologdastat/resources/3812c4004e4eb89ab612bf2a1eb3f7f6/%D0%92%D0%A0%D0%9F.htm; Индексы промышленного производства [Электронный ресурс] / Росстат. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/#; Индексы потребительских цен на товары и услуги по Вологодской области [Электронный ресурс] / Вологдастат. – Режим доступа: http://vologdastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/; Статистический ежегодник Вологодской области 2014: стат. сб. / Вологдастат, 2015. – С. 78.; Социально-экономическое положение Вологодской области в январе 2016 г.: доклад / Вологдастат, 2016. – С. 41-42.</p>										

В 2015 г. замедлился темп роста реальных располагаемых денежных доходов населения региона. Значение данного показателя увеличилось на 2,5 п.п. по сравнению с предыдущим годом (для сравнения: в 2014 г. на 3,1 п.п. больше, чем в 2013 г.).

Главным источником доходов населения является оплата труда (в 2014 году её доля в структуре доходов жителей региона достигала 42,4%). Поэтому существенное сокращение размера реальной начисленной заработной платы в 2015 г. по сравнению с 2014 г. (на 11,7 п.п.) следует трактовать как одну из наиболее негативных тенденций. При этом за период с 2008 по 2014 г. увеличилась доля социальных выплат (с 17,3 до 22,8%) и снизилась доля доходов от предпринимательской деятельности (с 10 до 8,2%). Это свидетельствует об усилении иждивенческих настроений в обществе. Как отмечает И.А. Николаев, «чем сильнее иждивенческие настроения, тем менее эффективной и доходной становится предпринимательская деятельность, так как теряется мотивация к производительному труду. А

поскольку предпринимательство – движущая сила экономики, то снижение активности этого сектора чревато самыми неприятными последствиями» [Николаев, 2015: 32].

В уровне жизни пенсионеров также наблюдаются отрицательные изменения. За отмеченный период реальный размер назначенной месячной пенсии ежегодно увеличивался (даже в кризисном 2009 году). Сокращение размера пенсий, впервые с 2008 г., было зафиксировано в 2014 г. (по сравнению с предыдущим годом на 3,3 п.п.).

Тревогу вызывает уменьшение соотношения размера пенсий и прожиточного минимума пенсионеров. Наибольшее значение данного индикатора было достигнуто в 2012 г. (1,8 раза), после этого отмечается его сокращение. В третьем квартале 2015 г. соотношение размера пенсий и прожиточного минимума составило 1,5 раза. Следует обратить внимание, что в Вологодской области сам размер прожиточного минимума пенсионеров крайне низок (8 148 руб. в третьем квартале 2015 г.).

Очень высоким остаётся уровень дифференциации населения по доходам. Согласно методологии ООН, критический уровень дифференциации доходов по индексу Джини составляет 0,41–0,42, пороговым показателем принято считать 0,35–0,37, а оптимальным – 0,25–0,26 [Николаев, 2015: 34]. Исходя из этой методологии, можно утверждать, что социальное расслоение в Вологодской области достигло порогового значения.

По мнению 38% её жителей, расслоение населения на богатых и бедных – одна из главных проблем, существующих в стране (в 2013–2015 гг. она занимает третье место в рейтинге наиболее актуальных проблем).

Сохранение значительной дифференциации населения по показателям уровня жизни может стать причиной снижения общей экономической активности, развития процессов недопотребления и недоинвестирования, ухудшения социально-психологического состояния общества. Кроме того, ограничения в доходах и потреблении оказывают негативное влияние на состояние здоровья людей, уровень их культуры и образования, поднимая проблему не развития, а поддержки и сохранения человеческого потенциала страны, а также снижают готовность населения к участию в модернизационных изменениях общественной жизни [Белехова, Россошанский, 2015: 78].

Динамика данных официальной статистики отражается на тенденциях общественного сознания и социального восприятия, что отчётливо видно по результатам мониторинговых социологических измерений. В 2014–

2016 г. зафиксирован всплеск негативных суждений относительно состояния экономики: доля людей, оценивающих экономическое положение России и региона как «плохое», увеличилась на 12 и 10 п.п. соответственно (с 26 до 38% и с 36 до 46% соответственно; табл. 2.10).

Таблица 2.10. Оценка населением Вологодской области экономической ситуации и личного материального положения

Показатель	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение (+ -), 2015 к	
												2015	2000
Оценка экономического положения России*													
Хорошее, в %	-	15,6	19,4	8,0	7,7	10,0	10,7	10,7	9,6	6,1	7,5	+1	-8
Плохое, в %	-	25,9	18,1	40,5	31,8	28,5	25,5	29,0	26,0	35,5	37,5	+2	+12
Индекс, в п.	-	89,7	101,3	67,5	75,9	81,5	85,2	81,7	83,6	70,6	70,0	-1	-20
Оценка экономического положения области**													
Хорошее, в %	-	-	21,5	7,6	7,0	10,4	9,9	8,6	7,4	5,2	6,5	+1	-15
Плохое, в %	-	-	17,6	42,4	34,1	30,1	29,4	36,1	36,0	43	46,0	+3	+28
Индекс, в п.	-	-	103,9	65,2	72,9	80,3	80,5	72,5	71,4	62,2	60,5	-2	-43
Оценка материального положения***													
Хорошее, в %	-	9,2	14,3	9,0	8,1	9,6	10,1	10,5	11,2	7,8	9,3	+1	0
Плохое, в %	-	36,6	24,0	32,8	32,9	29,8	27,4	28,2	28,1	31,2	32,6	+2	-4
Индекс, в п.	-	72,6	90,3	76,2	75,2	79,8	82,7	82,3	83,1	76,6	76,7	0	+4
Оценка покупательной способности													
Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать, в %	1,4	1,4	2,3	1,1	1,5	1,7	1,5	1,4	1,5	1,2	2,3	+1	+1
Покупка большинства товаров длительного пользования не вызывает трудностей в %	4,2	8,8	9,1	7,1	8,6	10,5	10,2	11,0	11,0	8,1	7,7	0	+4
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, в %	31,5	47,8	58,2	51,9	54,1	53,9	55,9	55,2	54,1	49,7	46,6	-3	+15
Денег хватает только на приобретение продуктов питания, в %	46,8	35,5	27,2	33,7	30,3	29,4	28,8	27,5	27,7	34,5	35,7	+1	-11
Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, в %	16,0	6,5	3,2	6,2	5,5	4,5	3,7	4,9	5,8	6,5	7,7	+1	-8
Индекс, в пунктах	64,0	81,6	90,1	81,6	85,2	87,8	88,6	88,3	87,5	81,5	80,7	-1	+17

Окончание таблицы 2.10

Показатель	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение (+ -), 2015 к	
												2015	2000
Соотношение фактического дохода и прожиточного минимума													
Фактический доход, руб.	1094	3653	6844	6878	8232	9363	10425	11319	12538	12837	13220	+383	+12126
Прожиточный минимум, руб.	992	2791	4723	5267	5787	6549	6639	7408	8341	10010	10102	+92	+9110
Соотношение фактического дохода и прожиточного минимума, раз	1,1	1,3	1,4	1,3	1,4	1,4	1,6	1,5	1,5	1,3	1,3	0	+0,2
Примечание: 1. Для расчёта большинства индексов (если не указано иное) из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин; 2. Для расчёта индекса покупательной способности доля ответов «Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать», умножается на 200, ответов «Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна», – на 150, «Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом» – на 100, «Денег хватает только на приобретение продуктов питания» – на 50. Сумма этих произведений делится на 100. * Вопрос задаётся с 2003 г. ** Вопрос задаётся с 2008 г. *** Вопрос задаётся с 2005 г. Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.													

Аналогичные тенденции отмечаются и на общероссийском уровне. Согласно данным ВЦИОМ, индекс оценок экономической ситуации³ снизился в 2015 г. по сравнению с 2014 г. на 12 пунктов (с 57 до 45 п.; рис. 2.1).

Фактический доход, по оценкам населения, несколько увеличился (на 383 руб.), однако его соотношение с прожиточным минимумом осталось на прежнем уровне (1,3 раза).

Начиная с 2014 г. вызывает опасения динамика индекса потребительских настроений (ИПН). Данный показатель, отражающий потребительскую активность населения, косвенно свидетельствует об ожиданиях людей, их прогнозах относительно развития ситуации в ближайшем будущем и в долгосрочной перспективе.

³ Индекс рассчитывается как разница положительных, средних и отрицательных оценок. Чем выше значение индекса, тем лучше респонденты оценивают экономику. Значение индекса может колебаться в диапазоне от -100 до 100 пунктов. Положительное значение индекса свидетельствует о том, что неплохие оценки доминируют над плохими, нулевое значение фиксирует баланс неплохих и плохих оценок.

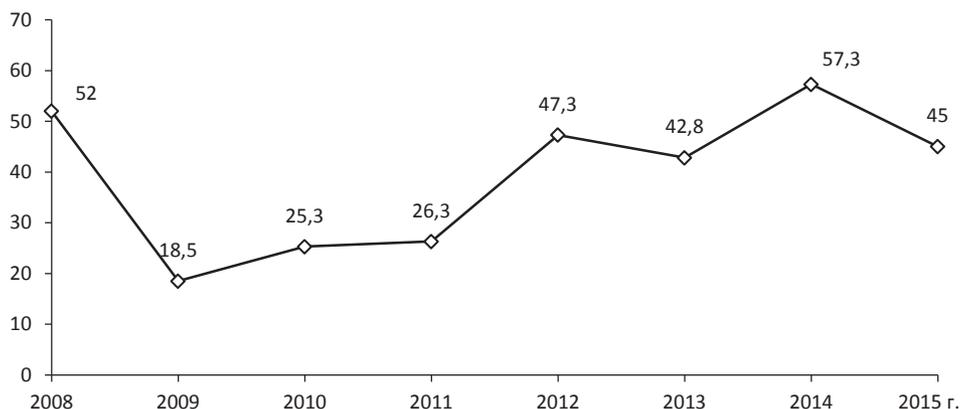

Рис. 2.1. **Индекс оценок экономической ситуации**, пунктов
(среднегодовые данные по Российской Федерации)

Источник: рассчитано авторами по данным: Индексы социального самочувствия: база данных ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochnuvstviya/

Это делает ИПН независимым показателем, характеризующим экономическое развитие конкретной территории. Он даёт ответ и на более общий вопрос – об уровне оптимизма в отношении экономического и социального развития в целом. ИПН является уникальным макроэкономическим индикатором, который агрегирует в себе мнения, оценки и ожидания всего населения территории, т. е. предоставляет возможность учёта субъективных факторов при выработке экономической политики. Преимуществом ИПН является то, что он обладает хорошей прогностической способностью, поскольку в измерительной процедуре учитываются ожидания людей, формирующие поведение, в том числе и в реальной хозяйственной практике. Преобладающий вектор совокупности индивидуальных оценок практически всегда верно очерчивает краткосрочную перспективу экономической ситуации.

Согласно данным мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН, индекс потребительских настроений на территории Вологодской области снизился (рис. 2.2). Его снижение началось в 2007 г. и продолжилось в 2008 г., когда население столкнулось с последствиями мирового финансового кризиса. С июня 2014 г. мы вновь отмечаем негативную динамику ИПН (снижение с 88 до 74 пунктов). В 2016 г. потребительские настроения жителей Вологодской области существенно не изменились: индекс сохранился на отметке 74–75 пунктов.

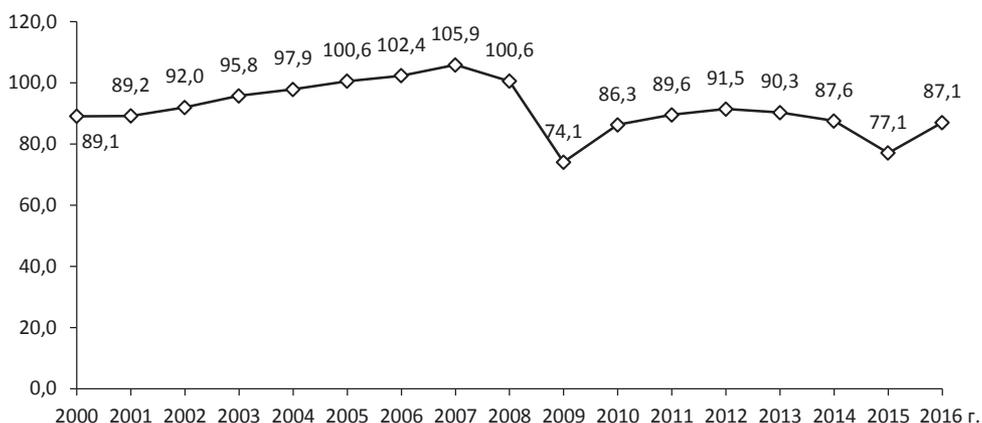

Рис. 2.2. Динамика индекса потребительских настроений (ИПН)* в Вологодской области, пунктов

* Методика расчёта ИПН строится на основе данных опросов общественного мнения по пяти вопросам: «Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи: оно лучше или хуже, чем было год назад?», «Как Вы считаете, через год Ваше материальное положение будет лучше или хуже, или примерно такое же, как сейчас?», «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут для экономики страны хорошим временем или плохим, или каким-либо еще?», «Если говорить о следующих пяти годах, они будут для экономики страны хорошим или плохим временем?», «Если говорить о крупных покупках для дома, то, говоря в общем, как Вы считаете, сейчас хорошее или плохое время для того, чтобы покупать большинство таких товаров?».

Для каждого вопроса рассчитываются частные индексы. Для расчёта частных индексов из доли положительных ответов (в процентах) вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные – 200, равновесие первых и вторых – индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой. Среднее арифметическое из частных индексов дает совокупную величину – индекс потребительских настроений.

В 2016 г. по сравнению с 2014 г. индекс наиболее снизился в возрастной группе от 30 до 55 лет (на 12 п.), среди лиц, имеющих незаконченное высшее и высшее образование (на 20 п.), в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 20 п.; табл. 2.11). В среднем ИПН существенно ниже уровня 2014 года во всех категориях населения.

Таблица 2.11. Динамика индекса потребительских настроений в различных социальных группах населения Вологодской области, пунктов

Социальная группа	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение (+ -) 2016 к	
												2015	2000
<i>Пол</i>													
Мужской	91,9	103,5	102,1	75,9	86,7	90,3	92,2	91,0	87,6	76,8	78,7	+2	-13
Женский	87,1	98,3	99,3	75,0	85,8	89,1	91,0	89,8	87,6	77,3	76,9	0	-10
<i>Возраст</i>													
До 30 лет	98,5	107,0	107,4	79,9	92,7	95,0	97,0	94,5	93,0	82,9	83,7	+1	-15
30-55 лет	86,7	101,2	100,5	72,7	84,0	89,1	91,9	91,4	87,5	75,2	76,8	+2	-10
Старше 55 лет	84,9	94,2	94,5	71,1	84,3	86,0	86,3	85,6	84,2	76,0	75,4	-1	-10

Окончание таблицы 2.11

Социальная группа	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение (+ -) 2016 к	
												2015	2000
<i>Образование</i>													
Н/среднее и среднее	88,0	95,7	96,0	74,0	82,8	85,6	84,9	83,4	80,5	73,6	74,7	+1	-13
Среднее специальное	88,7	99,4	100,7	73,1	84,2	87,9	90,2	88,7	86,9	76,9	78,4	+2	-10
Н/высшее и высшее	91,5	107,7	105,8	79,4	92,1	95,5	98,8	99,2	96,3	81,1	80,2	-1	-11
<i>Доходные группы</i>													
20% наименее обеспеченных	74,6	92,1	90,4	67,8	71,6	74,8	77,6	71,2	69,8	62,5	64,8	+2	-10
60% средне-обеспеченных	87,8	99,7	98,8	72,0	85,3	89,0	90,3	90,8	87,0	77,0	76,7	0	-11
20% наиболее обеспеченных	105,3	115,0	113,9	83,0	101,6	105,3	107,5	108,9	107,5	91,0	91,5	+1	-14
<i>Территории</i>													
Вологда	88,6	98,3	96,6	71,3	87,8	90,9	93,6	92,3	90,8	75,9	77,1	+1	-12
Череповец	92,1	101,9	102,6	72,6	93,8	98,9	100,2	97,7	95,3	83,3	78,5	-5	-14
Районы	87,8	101,0	101,4	76,0	81,7	84,4	86,2	85,3	81,7	74,2	77,5	+3	-10

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

Директор региональной программы Независимого института социальной политики д-р геогр. наук Н. Зубаревич утверждает, что, приспосабливаясь к кризису, люди, особенно живущие в провинции, увеличивают опору на личное хозяйство [Забелина, 2016].

Кризис активно меняет психологию граждан и модели ведения домашнего хозяйства. Подстраиваясь под рост цен, люди стали экономить [Бурдяк, Гришина, 2015: 20-24]. Однако это специфическая экономия. Как отмечает М. Красильникова, руководитель отдела Левада-центра по изучению уровня жизни, потребительское поведение россиян характеризуется значительной косностью. Те из них, кто улучшил своё материальное положение в 2000-е, мало меняли характер потребления. Большинство не научилось сберегать и накапливать и продолжало тратить деньги на более дорогие товары. Похоже, что сегодня процесс пошел в обратную сторону: адаптация к кризису происходит за счёт замены более дорогих продуктов более дешёвыми, лучшего качества – продуктами качеством ниже [Экономический кризис: аналитика Левада-центра, от 24.02.2016].

Эти явления отмечаются и на региональном уровне. Жители Вологодской области стали более скептически относиться к приобретению дорогостоящих вещей и к кредитам. За период с 2013 по 2016 г. увеличи-

лась доля тех, кто полагает, что сейчас «плохое» время для крупных покупок, таких как мебель, холодильник, бытовая техника, телевизор и т.д. (на 10 п.п.: с 21 до 31%; рис. 2.3), а также для приобретения автомобиля (на 10 п.п.: с 24 до 34%; рис. 2.4). Вырос удельный вес людей, убеждённых, что в нынешних условиях лучше не брать кредит (на 18 п.п.: с 35 до 53%; рис. 2.5).

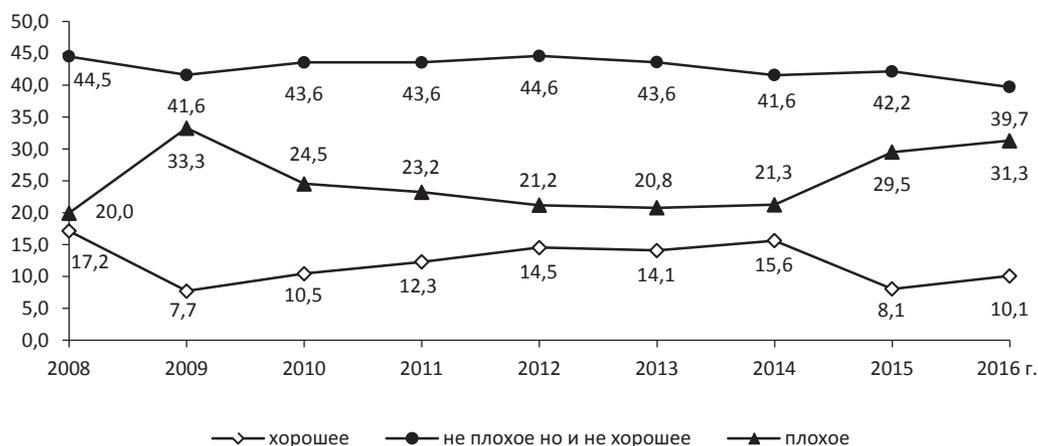

Рис. 2.3. Оценка целесообразности совершения крупных покупок длительного пользования*, в %

* Вопрос звучит следующим образом: «Если говорить о крупных покупках для дома (таких, как мебель, холодильник, бытовая электроника, телевизор), то, говоря в общем, Вы считаете, что сейчас хорошее или плохое время для того, чтобы покупать большинство таких вещей?»

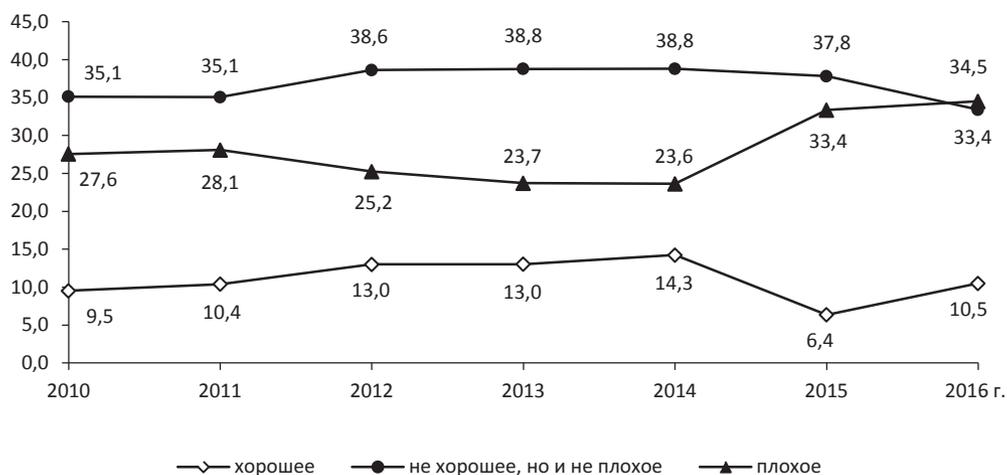

Рис. 2.4. Оценка целесообразности покупки автомобиля*, в %

* Вопрос задаётся с 2010 г. и звучит следующим образом: «Как Вы думаете, сейчас в целом хорошее или плохое время для того, чтобы покупать автомобиль?»

Рис. 2.5. Оценка целесообразности приобретения товаров в долг, кредит*, в %

* Вопрос задаётся с 2010 г. и звучит следующим образом: «Как Вы думаете, сейчас хорошее время для крупных покупок в кредит, в долг или в нынешних условиях лучше не брать в долг, кредит для таких целей?»

Неуверенность населения в будущем во многом связана с напряженной политической обстановкой на международной арене, продолжающимся падением курса национальной валюты. Свою лепту в формирование отрицательной динамики ИПН вносит то, что люди сомневаются в успешном развитии российской экономики в условиях санкций. Напомним, что первая волна санкций (17 марта 2014 г.) была связана с вхождением Крыма в состав России и заключалась в ограничении въезда в США для нескольких российских чиновников и бизнесменов. Вторая волна (28 апреля) предусматривала запрет на визы, а также замораживание банковских счетов в странах Запада для ряда чиновников Российской Федерации и Украины. Третья волна (1 августа) затронула непосредственно экономические интересы России, поскольку предусматривала ограничения по импорту технологий для российских нефтегазовых компаний и запреты на привлечение капитала для госбанков и госкомпаний. 12 сентября ЕС и США расширили санкционный список на 24 человека, ряд крупных компаний (в том числе «Роснефть», «Газпром», «Лукойл», «Транснефть», «Газпром нефть» и др.) и банков (Сбербанк, Внешэкономбанк, ВТБ, Газпромбанк, Россельхозбанк, Банк Москвы).

Вплоть до августа 2014 г. Российская Федерация воздерживалась от контрмер, однако 7 августа 2014 г., в ответ на третью волну санкций, Правительство РФ объявило о полном запрете на поставки говядины, свинины,

овощей и фруктов, мяса птицы, рыбы, морепродуктов, сыров, молока и молочных продуктов из стран Евросоюза, из Австралии, Канады, Норвегии и США. Как отметил В.В. Путин на встрече с депутатами Государственной Думы в Ялте 15 августа 2014 г., «это в первую очередь мера поддержки отечественных производителей, открытие наших рынков для стран и производителей, которые хотят сотрудничать с Россией» [Путин, 15 авг. 2014].

Хотя от представителей власти и средств массовой информации регулярно следуют заявления о том, что санкции дадут новый, необходимый для нашей страны импульс к развитию, связанный с «реанимацией» внутреннего производителя, опросы показывают: с такими оптимистическими прогнозами солидарны лишь 23–26% населения; самый распространенный ответ – «затрудняюсь ответить» (32–33%; табл. 2.12).

Таблица 2.12. Мнение населения о последствиях санкций США и стран ЕС для экономики России и Вологодской области (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Как, по-Вашему, санкции зарубежных государств отразятся на экономике России?	Как, по-Вашему, санкции зарубежных государств отразятся на экономике области?
Санкции приведут к положительным последствиям, улучшат ситуацию	26,1	23,3
Санкции приведут к негативным последствиям, усугубят ситуацию	20,1	17,1
Ничего не изменится, всё останется по-прежнему	22,1	26,9
Затрудняюсь ответить	31,7	32,7
Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.		

Таким образом, рост показателей уровня жизни как в целом по стране, так и на территории Вологодской области после 2000 г. вполне очевиден, и это одна из главных заслуг Правительства, действовавшего в стране. И несмотря на то, что многие проблемы не были решены, а многие даже обострились, власти удалось не только решить главный вопрос – предотвратить тотальное обнищание населения, но и выиграть время для того, чтобы общество «пришло в себя» и хотя бы как-то адаптировалось к изменившимся после распада СССР условиям жизни.

Однако «жить в достатке, иметь возможность тратить деньги, не считая копейки» по-прежнему остается главной мечтой россиянина, а низкий уровень жизни и расслоение населения на «богатых» и «бедных», как показывают результаты общероссийских и региональных исследований, – основными проблемами, волнующими людей [76, с. 4]. Неравенство не исчезает, а лишь углубляется и в нашей стране, и во всем мире [Гринберг, 2015: 9].

10-летний период курса на «стабилизацию», повлекший за собой рост уровня жизни, в то же время стал причиной трансформации общественного сознания; специфических изменений восприятия социальной реальности, причем далеко не каждое из которых можно с твердой уверенностью помечать знаком «плюс». Вместе с ростом уровня жизни изменяются и притязания людей, и не только материальные. Даже при повышении уровня жизни социальное настроение и самочувствие могут ухудшаться, что будет отражаться на характере общественного мнения, создавать фундамент для распространения социального атомизма и социальной напряженности.

Социальное настроение – ключевой элемент общественного сознания, возникающий как реакция на воздействие внешних объектов, как результирующее или доминантное чувство, порождённое этими объектами, осознаваемое или неосознаваемое [Яценко, 2006]. По словам Ж.Т. Тощенко, оно объективно выступает интегрирующим показателем уровня благополучия, социальной устроенности и степени ее устойчивости; во многом, а иногда в решающей степени определяет ход социально-экономических, социально-политических и духовных процессов, обнаруживая тем самым возросшую, а иногда ведущую роль субъективного фактора при решении самых различных общественных проблем. Актуальность и значимость исследования феномена социального настроения состоит в объяснении кардинальных сдвигов в общественной жизни [Тощенко, 1998: 21-34].

Изучением феномена социального настроения занимались учёные в рамках различных направлений философии и психологии, поэтому трактовки этого понятия неоднозначны. С 70-х гг. XX в. термин «социальное настроение» стал широко использоваться в научной литературе, появилась социологическая интерпретация данного понятия. Его изучали такие советские учёные, как Б.Д. Парыгин, Б.Д. Поршнева, П.П. Блонский, Б.А. Грушин и др. [Парыгин, 1966; Поршнева, 1979]. Социальные психологи, работающие в социологии (Г.М. Андреева, Б.Д. Парыгин), обратили внимание на тот факт, что на психологическое состояние человека в значительной степени влияет социальная практика.

В 1990-е – начале 2000-х гг. произошел всплеск эмпирических исследований социального настроения как на общероссийском, так и на региональном уровне. Среди первых можно назвать работы П.М. Козыревой и А.А. Русалиновой, среди вторых – И.М. Мерзляковой, И.Н. Яценко и С.О. Саскудаевой [Мерзлякова, 2006; Яценко, 2006; Саскудаева, 2009].

Существует несколько вариантов классификаций социального настроения:

- по сферам деятельности (политическое, экономическое, трудовое, бытовое, этническое, религиозное и другие виды настроения);
- по субъектам: общее (групповое, массовое) и частное (индивидуальное), при этом общее может суммироваться из частных, как обобщающий результат;
- по эмоциональной окраске (позитивное – негативное настроение).

Исследователи не пришли к единому мнению в вопросе о структуре социального настроения, которое, как полагает Ж.Т. Тощенко, состоит из четырех элементов:

- социальное самочувствие (результатирующим показателем этого уровня социального настроения выступает потребность в самосохранении себя как социального существа, члена группы и общества, а также оценка уровня и степени благополучия непосредственной микросреды);
- оценка и самооценка социального статуса (мнение людей о своей социальной роли и её престижности в обществе);
- социальные ожидания (проявляются в ценностях, установках, жизненных ориентациях);
- социальная позиция (в её основе лежит мировоззрение) [Тощенко, 1996: 32].

В.М. Чугуенко и Е.М. Бобкова к компонентам социального настроения относят переживания по поводу своего материального положения в связи с удовлетворённостью или неудовлетворенностью качеством жизни и стилем социального поведения [Чугуенко, Бобкова, 2013: 19]. С.О. Саскудаева рассматривает социальное настроение как совокупность показателей, отражающих степень удовлетворённости реализацией потребностей и жизненных планов личности [Саскудаева, 2009].

Таким образом, в науке отсутствует точное определение социального настроения. Это обусловлено прежде всего тем, что указанное понятие имеет в значительной степени иррациональный характер и по своей сути находится на стыке двух отраслей знания – социологии и социальной психологии.

Сегодня измерением социального настроения занимаются ведущие российские исследовательские центры – Левада-центр [Что Вы можете сказать о своём настроении в последние дни?] и ВЦИОМ [Индексы социального самочувствия]. Они рассматривают данный показатель как интегральную оценку совокупности политических, экономических, обществен-

ных и других настроений, формирующихся в обществе; как показатель адаптированности людей к существующим в стране условиям жизни.

В Вологодской области социальное настроение измеряется с 1996 г. для оценки личностного самоощущения населения (в рамках мониторинга общественного мнения, проводимого ВолНЦ РАН). В отличие от методик федеральных исследовательских центров, мы делаем акцент на психологической составляющей социального настроения, рассматривая его как определённый эмоциональный фон, формирующийся под воздействием ряда процессов, протекающих в социуме (экономических, политических, духовных и т.д.), и, в свою очередь, оказывающий влияние на их восприятие людьми.

Социальное настроение детерминируется множеством факторов (культурных, психологических, социально-экономических, политических и т.д.), но в первую очередь, по мнению ряда учёных, зависит от уровня жизни [Балацкий, Екимова, 2008: 18-25.; Горшков, 2012: 3-11].

Материальный фактор в качестве определяющей причины при формировании психологического самочувствия россиян рассматривает и Е. В. Балацкий, который считает, что другие факторы (бюрократичность и коррумпированность системы государственного управления, качество экономических и политических институтов, криминогенность обстановки, культурный уровень социального окружения, экология и т.д.) играют гораздо меньшую роль. Эта особенность обусловлена тем, что почти все перечисленные факторы в реальности так или иначе связаны с экономическим развитием страны, а следовательно, с уровнем душевого ВВП (в бедных странах выше уровень криминогенности, коррупции и бюрократии). Вместе с тем российское население почти полностью «замкнуто» на материальной составляющей жизни. Именно поэтому все существенные обстоятельства социального бытия «сгружаются» людьми в группу «прочих» факторов, имеющих второстепенное значение [Балацкий, Екимова, 2008: 23].

Исследование, проведённое в 2014 г., показало, что данное явление характерно и для Вологодской области: социальное настроение населения региона во многом определяется уровнем и качеством жизни, зависит от реализации собственных интересов, и в первую очередь удовлетворения материальных потребностей [Морев, Каминский, 2014: 48-66].

Социальное настроение как в целом по России, так и по Вологодской области имеет стабильную тенденцию к улучшению. Доля россиян и жителей региона, испытывающих положительные эмоции, за период с 2000 по

2016 г. выросла на 36 и 22% соответственно (с 51 до 87% и с 46 до 68%). Лишь в 2009 г., после того как Вологодская область столкнулась с последствиями мирового финансового кризиса, позитивная динамика данного показателя была прервана: доля людей, характеризующих своё настроение как «прекрасное», «нормальное», «ровное», снизилась на 14 п.п. (с 67 до 53%); удельный вес тех, кто испытывает напряжение, раздражение, страх, тоску, вырос на 11 п.п. (с 27 до 38%). Но это оказалось кратковременным явлением, и уже с 2010 г. доля людей, позитивно характеризующих свое настроение, продолжила увеличиваться.

В 2016 г., несмотря на экономический кризис и ухудшение материального положения, социальное настроение жителей области осталось на уровне докризисного 2013 года: доля положительных отзывов достигала 68%, отрицательных – 26–27% (рис. 2.6).

Рис. 2.6. Динамика социального настроения населения Вологодской области, в %

Что обусловило стабильность социально-психологического состояния жителей области в период кризиса 2014–2015 гг.? В это время в регионе наблюдаются негативные изменения в экономике и уровне жизни. Социальное восприятие экономической ситуации и личного материального положения также ухудшается. Однако социальное настроение остаётся стабильным. На такую ситуацию, на наш взгляд, повлияло несколько факторов:

1. Кризис 2014–2015 гг. в целом был менее глубоким, чем предыдущие кризисы (2008-го и особенно 1998 г.). Это можно проследить по данным официальной статистики.

Так, если в 2014 г. по сравнению с 2013 г. индекс цен на потребительские товары и услуги в регионе увеличился на 12 п.п., то в 1998 г. по сравнению с 1997 г. его рост составил 63,5 п.п. (в 2007–2008 гг. – 14,3 п.п.; табл. 2.13). Индекс промышленного производства снижался и в 1997–1998, и 2007–2008 гг. (на 2,3 и 4,7 п.п. соответственно); в 2013–2014 гг. отмечается его рост (на 3,7 п.п.).

Реальные располагаемые доходы населения в 1998 г. по сравнению с 1997 г. снизились на 17,7 п.п., в 2008-м по сравнению с 2007 г. – на 1,3 п.п., однако за период с 2013 по 2014 г. данный показатель характеризуется благоприятной динамикой (на 3,1 п.п.).

Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума (относительно общей численности населения) в 2014 г. почти в два раза меньше, чем в 1998 г., и на 3 п.п. меньше, чем в 2008 г. (12,9% против 24,7 и 15,7% соответственно).

Таблица 2.13. **Динамика основных экономических и социальных показателей в периоды кризисов** (данные по Вологодской области)

Показатель	1997	1998	1998 к 1997 гг. (+/-)	2007	2008	2008 к 2007 гг. (+/-)	2013	2014	2014 к 2013 гг. (+/-)
Индекс промышленного производства, в % к предыдущему году	100,8	97,7	-2,3	104,9	95,3	-4,7	102,5	103,7	+3,7
Индекс потребительских цен, декабрь к декабрю предыдущего года, %	109,8	163,5	+63,5	112,7	114,3	+14,3	107,2	112,0	+12
Реальные располагаемые денежные доходы, в % к соответствующему периоду предыдущего года	109,2	82,3	-17,7	109,6	98,7	-1,3	105,4	103,1	+3,1
Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, в % от общей численности населения	18,9	22,7	+3,8	14,8	15,7	+0,9	13,0	12,9	-0,1

Источники: Статистический ежегодник Вологодской области 1995 – 2003: стат. сб. / Вологдастат, 2004. – С. 66, С. 273; Индексы промышленного производства [Электронный ресурс] / Росстат. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/industrial/#; Индексы потребительских цен на товары и услуги по Вологодской области [Электронный ресурс] / Вологдастат. – Режим доступа: http://vologdastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/vologdastat/ru/statistics/prices/; Статистический ежегодник Вологодской области 2013: статистический сборник / Вологдастат, 2014. – С. 86.

2. Кризис начался на фоне консолидации нации после воссоединения России и Крыма. В 2014 г. большинство жителей области позитивно отреагировали на это событие (78%), не согласен был лишь один из десяти (10%) [Каминский, 2015: 136].

Процессы консолидации усилились перед лицом внешних угроз. Если на протяжении предыдущих кризисов россияне видели источник основных угроз для будущего России внутри страны, то в период последнего кризиса – вне страны. Убеждение в наличии внешних угроз ведёт к более спокойной реакции на внутренний кризис даже в самых уязвимых группах [Тихонова, 2015: 19].

3. Россияне привыкают жить при кризисе. Специалисты Левада-центра отмечают: «...На протяжении четверти века социологических наблюдений рост цен неизменно возглавляет списки главных проблем, с которыми сталкиваются россияне. Большинство людей приучили себя к жизни с мыслью о том, что цены будут расти всегда. Иными словами, значительная доля населения находится в состоянии хронического кризиса, и сегодняшняя ситуация для них тяжелая, но не новая» (Экономический кризис: аналитика Левада-центра, от 24.02.2016).

Вместе с тем за период с 1990 по 2015 г. россияне в целом адаптировались к рыночной экономике, выстроив защитные средства против либеральной экономики (сетевое общество, рост третичного сектора экономики и государственного аппарата). Сетевое общество, включающее в себя любые неформальные сообщества, самоорганизующиеся в экономической и социальной сферах, является важным механизмом защиты и в период кризиса. Неформальный характер таких сообществ позволяет им функционировать на альтернативных, часто теневых, рыночных принципах. Россияне сдают квартиры без оформления договоров, получают оплату труда и премии «в конвертах», подрабатывают «на стороне» без официального оформления, занимаются фрилансом. Сетевое общество способно улучшить благосостояние отдельных групп людей, но тормозит экономическое развитие страны [Анисимов, 2015: 48].

Итак, стабильность социально-психологического состояния жителей области в период последнего кризиса, 2014–2015 гг., обусловлена следующим:

- этот кризис в целом был менее глубоким, чем предыдущие (1998 и 2008 гг.);
- последний кризис начался в ситуации более благополучной с точки зрения социального самочувствия россиян и восприятия ими своего материального положения, чем два предыдущих;
- успехи России на международной арене активизировали процесс консолидации в стране, который усилился в связи с убеждённостью граждан в наличии внешних угроз;

– россияне привыкают жить при кризисе. Значительная их доля находится в состоянии хронического кризиса, и сегодняшняя ситуация для них тяжелая, но не новая. Адаптация к кризису происходит за счёт замены более дорогих продуктов более дешёвыми, продуктов лучшего качества – продуктами качеством пониже.

Таким образом, в настоящее время отчётливо видно, что кризис 2014–2015 гг. не стал катастрофой для граждан России. Первый стресс прошёл, население стало привыкать к новой ситуации [Институт социологии., 2015]. В то же время преуменьшать его влияние на социальное самочувствие граждан не стоит. Эйфория от международных успехов России рассеялась, и на первый план вновь начинают выходить материальные проблемы. Непонятно, что может переломить нарастающий пессимизм и падение уровня жизни. Усталость и скепсис будут нарастать. До сих пор власти справлялись с задачей поддержания общественного спокойствия, но чем дальше, тем сложнее это будет делать [Экономический кризис: аналитика Левада-центра, 2016].

Возможный рост этого скепсиса обусловлен тем, что, как отмечает Е.В. Балацкий, «российское население почти полностью «замкнуто» на материальной составляющей жизни [Балацкий, 2008]. В таком обществе неслучайными являлись предупреждения российских учёных о катастрофических негативных последствиях, которые могут принести с собой социальный атомизм и замкнутость на материальной стороне жизни.

Атомизация российского общества, «нарастания в нём отчуждения, и со всё меньшим соответствием его тем идеалам справедливости, которые характерны для русской культуры и являются консенсусными для всех слоёв населения...может привести к изменению психологического механизма формирования идентичности россиян в целом, что повлечёт за собой массу следствий – от утраты готовности переносить без жёстких протестов личные проблемы в ходе новых вероятных экономических кризисов до отказа отдать долг стране службой в армии...Тенденция разрушения органической солидарности может начать работать на раскол российского общества. И хотя говорить о таком расколе преждевременно, однако уже появились основания утверждать, что назревающее недовольство внутренне гетерогенно и эта гетерогенность скорее всего будет со временем усиливаться» [Горшков, 2012].

Далее ответим на вопрос: как полученные по Вологодской области данные социологических опросов соотносятся с результатами общерос-

сийских исследований? Для этого обратимся к данным исследований Института социологии, опубликованным в начале 2015 г.

1. Авторы пишут: *«Немногим более половины наших сограждан позитивно оценивают свое психоэмоциональное состояние, и почти половина россиян к концу 2014 года отличалась негативным социально-психологическим самочувствием» [Российское общество в контексте..., 2015: 4].*

Судя по результатам исследований, проведенных на территории Вологодской области, такая картина достаточно устойчива и отмечается не только в 2014 году. Однако мы можем утверждать, что позитивная динамика социального настроения еще не самый главный индикатор общественного развития. Одно лишь такое улучшение, без дополнительных сведений, еще не свидетельствует о преодолении проблемы замкнутости на материальной составляющей жизни.

2. Причем косвенно наличие этой проблемы подтверждается и данными ИС РАН. Например, ученые пишут, что позитивно оценивают свое психоэмоциональное состояние «немногим более половины наших сограждан» и в то же время почти столько же людей с тревогой смотрят в будущее: *«Что касается ожиданий населения относительно будущего страны, они могут быть охарактеризованы как сдержанно тревожные: почти половина респондентов сходится во мнении, что страну ожидают трудные времена, четверть россиян считают, что страна будет развиваться успешно, и аналогичная доля не ожидает никаких принципиальных изменений в развитии страны... Противоречивые оценки, которые россияне дают происходящим сегодня социальным переменам, свидетельствуют о сложившейся в массовом сознании неопределенности видения тенденций и перспектив развития страны» [Российское общество в контексте..., 2015: 4].*

3. Другой пример: и в России, и в Вологодской области позитивное психоэмоциональное состояние характерно для более чем половины граждан. При этом учёные ИС РАН подтверждают те же проявления социального атомизма и в целом те же выводы, которые мы получили по результатам наших региональных исследований: *«Хорошая оценка жизни в целом, прежде всего, связана с высокой удовлетворенностью человека отношениями в семье, питанием, одеждой, жилищными условиями, возможностями общения с друзьями. В свою очередь, неудовлетворительная оценка того, каким образом складывается жизнь в целом, связана в первую очередь с плохой оценкой региона (места) проживания, своего статуса в обществе, возможностей получения необходимого образования и самореализации» [Российское общество в контексте..., 2015: 5].*

«В настоящее время самооценка своей жизни на «хорошо» более типична в России для людей с традиционным набором ценностей, которые ориентированы на их микромир» [Российское общество в контексте..., 2015: 7].

4. *«В последние годы растет число россиян, довольных своими реальными возможностями удовлетворения базовых потребностей человека, причем как физиологических (питание, одежда, «крыша над головой»), так и социальных (хорошие отношения в семье и с друзьями)», – подчёркивают учёные ИС РАН [Российское общество в контексте..., 2015: 7].*

По результатам наших исследований мы получаем ту же картину. Однако под термином «социальные потребности» мы подразумеваем не только «отношения в семье и с друзьями», но и потребность людей в качественном питании, образовании и здоровье.

Таким образом, и в России, и на территории Вологодской области отмечается улучшение показателей социального самочувствия населения. Но достаточно ли полно это характеризует современное российское общество?

Результаты наших исследований, выводы российских ученых говорят о том, что за, казалось бы, очевидными позитивными тенденциями социального самочувствия на самом деле могут скрываться крайне негативные процессы, не характерные для российского менталитета, а присущие скорее западным образцам потребительского общества. И поэтому такие глубинные основы «хорошего настроения» «выпадают» из последних тенденций государственной идеологии (концептуальные основы которых были озвучены Президентом в валдайской речи в 2013 г.).

Итак, в Российской Федерации наиболее высоким уровнем доверия пользуется Президент РФ, что отчасти связано с ментальными характеристиками российского общества. Уровень доверия общественным организациям остаётся достаточно низким по сравнению с уровнем доверия федеральным и региональным органам власти, правоохранительным и силовым структурам. Большинство населения по-прежнему доверяет только своему ближайшему окружению или не доверяет никому (по данным на 2016 г. – 85%). Наиболее высоким уровнем межличностного доверия отличаются люди, относящиеся к категории наиболее обеспеченных по самооценке уровня среднедушевых доходов.

В последние годы зафиксирован всплеск негативных суждений относительно состояния экономики, сопровождающийся неуверенностью в будущем. Все вместе это провоцирует ухудшение характеристик покупательной способности: доля жителей области, которым денег хватает в

лучшем случае на продукты питания, выросла до 43%. Но, несмотря на экономический кризис и ухудшение материального положения, социальное настроение жителей области в 2016 г. осталось на уровне докризисного 2013 года.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что социальное восприятие окружающей действительности в современном российском обществе одновременно определяется как ментальными особенностями населения, так и «приобретенными» в ходе стремительно развивающихся политических и экономических событий взглядами на условия социальной реальности.

Изучение социального восприятия дополняет систему индикаторов общественного развития сведениями, отражающими качественные аспекты жизни. Оценки социального восприятия оказывают прямое воздействие на формирование социального самочувствия населения, формируя пассивное или активное поведение людей в общественной жизни и определяя, тем самым, интенсивность процессов социальной консолидации. Субъективное восприятие населением своей жизни объективно влияет на общественную ситуацию в гораздо большей степени, чем реальное положение дел.

То, как воспринимается окружающая действительность и те или иные управленческие действия органов власти людьми, заставляет их задумываться о возможных решениях текущих проблем, становится мотиватором сначала их мнения, затем – поведения. Этот процесс происходит на личностном уровне, который при помощи социальных коммуникаций перерастает на уровень малых и больших социальных групп и таким образом задает вектор развития гражданского общества и консолидационных процессов.

2.3. Гражданское общество в современной России: опыт мониторинговых измерений на региональном уровне

С начала 2000-х гг. органы государственного управления на всех уровнях проявляют интерес к установлению обратной связи с населением и предпринимают шаги в этом направлении. Все большую популярность завоевывают практики разделения ответственности, наделения полномочиями, аутсорсинга, государственно-частного партнерства, участия в управлении (participatory governance). При активной поддержке государ-

ства гражданское общество в России начинает уверенно развиваться, в том числе и на уровне субъектов РФ и конкретных муниципальных образований.

Однако этот, несомненно, позитивный процесс сопровождается рядом объективных проблем, препятствующих эффективной деятельности институтов гражданского общества. Многие исследователи сходятся во мнении, что их роль в значительной степени является формальной, а персональный состав формируется в основном из лояльных по отношению к органам власти участников. При обосновании управленческих решений, как правило, отсутствует анализ вариантов поведения экономических агентов. Редко оцениваются возможности их участия, вклада в реализацию мероприятий и достижение общих целей в рамках государственно-частного партнерства [Клименко, 2014]. Избыточное количество организационно-правовых форм НКО создаёт сложности с объективной оценкой количества и качества их деятельности: «Отсутствует подробный статистический учет «третьего сектора», его экономики, занятости, финансовых потоков. И главное – отсутствует учет его эффективности» [Доклад о состоянии гражданского общества..., 2014].

В январе 2015 г. на пленарном заседании Общероссийского форума «Государство и гражданское общество: сотрудничество во имя развития» В. Путин подвёл некоторые итоги взаимодействия государства и некоммерческих организаций, отметив постоянно растущие объёмы государственной поддержки, в том числе по линии президентских грантов. Президент РФ подчеркнул, что сохраняется актуальность создания максимально комфортных условий для работы социально ориентированных НКО, оказания им методической и организационной помощи, а также снятия остающихся барьеров для их деятельности в сфере социального обслуживания, здравоохранения, образования, формирования эффективно функционирующего правового поля. Сегодня на повестке дня другой вопрос: «Нужно создавать атмосферу сотрудничества и доверия в обществе, действовать в одной повестке дня, расширять пространство свободы для гражданской инициативы» [Форум «Государство...»].

И действительно, организационное развитие, появление различных форм и видов институтов гражданского общества – это лишь «одна сторона медали». Она, конечно, показывает заинтересованность власти в диалоге с обществом и понимание того, что без такого диалога дальнейшее развитие невозможно. Но насколько заинтересованы и осведомлены о возможностях гражданского общества сами люди?

Судя по результатам социологических измерений, значительный рост ощущения единства, солидарности в общественном мнении жителей Вологодской области наблюдался в 2014 г. Это происходило на волне усиления патриотических настроений, связанных с присоединением Крыма. Возросли индексы⁴ согласия, сплочённости на уровне страны (на 30 пунктов), региона (на 20 пунктов), места проживания (на 21 пункт), личного окружения (на 14 пунктов; табл. 2.14).

Таблица 2.14. **Чего сегодня больше: согласия, сплочённости или несогласия, разобщённости?** (в % от числа опрошенных)*

Показатель	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Изменение 2016 г. +/- к	
						2015 г.	2011 г.
<i>В стране</i>							
Согласие, сплоченность	14,2	14,1	28,9	22,0	21,6	0	+7
Несогласие, разобщенность	61,1	59,5	44,1	49,1	48,4	-1	-13
Индекс	53,1	54,6	84,8	72,9	73,2	0	+20
Затрудняюсь ответить	24,7	26,4	27,0	28,9	30,0	+1	+5
<i>В области</i>							
Согласие, сплоченность	19,3	15,9	26,9	19,9	20,3	0	+1
Несогласие, разобщенность	55,6	54,4	44,7	49,1	47,1	-2	-9
Индекс	63,7	61,5	82,2	70,8	73,2	+2	+10
Затрудняюсь ответить	25,1	29,7	28,4	30,9	32,7	+2	+8
<i>В месте Вашего проживания</i>							
Согласие, сплоченность	24,1	28,4	39,1	32,2	33,4	+1	+9
Несогласие, разобщенность	51,5	44,3	34,3	39,6	35,8	-4	-16
Индекс	72,6	84,1	104,8	92,6	97,6	+5	+25
Затрудняюсь ответить	24,4	27,3	26,6	28,2	30,8	+3	+6
<i>В Вашем окружении</i>							
Согласие, сплоченность	46,9	52,1	61,4	57,7	58,0	0	+11
Несогласие, разобщенность	29,3	23,2	18,3	18,1	18,1	0	-11
Индекс	117,6	128,9	143,1	139,6	139,9	0	+22
Затрудняюсь ответить	23,9	24,7	20,3	24,1	23,9	0	0
* Вопрос задаётся с 2011 г.							
Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.							

В 2015–2016 гг. по сравнению с 2014 г. оценки пошли на спад. В отношении страны, области, места проживания удельный вес положительных

⁴ Индекс рассчитывается в пунктах как разность удельного веса положительных и отрицательных суждений, затем к полученному результату прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, индекс выше 100 пунктов означает превалирование положительных ответов над отрицательными, ниже 100 – противоположную ситуацию. Индекс, равный 100 пунктам, свидетельствует о равновесии тех и других.

суждений снизился на 6–7%; в отношении ближайшего окружения – соответственно на 4% и 4 пункта. Большинство населения (58% в 2016 году) отмечает согласие и сплочённость на уровне личного окружения, в то время как на уровне места проживания, области и страны преобладают отрицательные суждения.

В 2016 г. самый высокий индекс согласия был отмечен в группе 20% наиболее обеспеченных жителей области по самооценке среднедушевых доходов: на уровне страны – 97 пунктов, региона – 95 пунктов, места проживания – 122 пункта, личного окружения – 152 пункта. Показателями значительно выше среднего по региону отличаются также люди с высшим и незаконченным высшим образованием. В разрезе территорий сплочённость на уровне страны и региона чаще ощущают жители Вологды (соответственно 94 и 91 пункт), на уровне места проживания и ближайшего окружения – жители Череповца (106 и 145 пунктов). Показатели жителей районов приближаются к среднему значению на уровне личного окружения (137 пунктов), однако они существенно ниже среднего на уровне места проживания (79 пунктов), региона (59 пунктов), страны в целом (58 пунктов).

Гражданская позиция неразрывно связана с чувством ответственности, границы которой для каждого человека индивидуальны.

В 2016 г. подавляющее большинство населения принимает на себя ответственность за свою семью, причём по сравнению с 2015 г. доля «ответственных» существенно возросла (с 79 до 90%; табл. 2.15). Доля «ответственных» за состояние дел на работе также превышает удельный вес тех, кто даёт отрицательные ответы, однако за последний год она возросла незначительно (с 44 до 46%). В 2016 г. не наблюдается заметного роста удельного веса жителей области, принимающих на себя ответственность за состояние дел на работе, в доме/дворе, городе/районе, регионе, стране. В то же время несколько возросла доля отрицательных суждений, что привело к снижению индекса оценки ответственности на уровне страны (с 48 до 43 п.), области (с 47 до 43 п.), своего дома/двора (с 99 до 91 п.). На пространстве дома/двора, города/района и особенно региона и страны в целом отрицательные суждения преобладают над положительными. Наиболее «ответственными» предстают жители области, относящиеся к группе 20% высокообеспеченных, люди с высшим и незаконченным высшим образованием, лица среднего возраста (30–55 лет), жители Череповца.

Таблица 2.15. **Чувствуете ли Вы себя ответственным за состояние дел..?**
(в % от числа опрошенных)*

Показатель	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Изменение 2016 г. +/- к	
						2015 г.	2011 г.
<i>В Вашей семье</i>							
Да	77,9	80,4	82,0	79,0	89,5	+11	+12
Нет	13,3	10,5	10,5	8,1	4,5	-4	-9
Индекс	164,6	169,9	171,5	170,9	185,0	+14	+20
Затрудняюсь ответить	8,8	9,1	7,5	12,9	5,9	-7	-3
<i>У Вас на работе</i>							
Да	52,7	49,1	48,3	43,9	45,7	+2	-7
Нет	27,8	29,5	31,8	29,8	32,7	+3	+5
Индекс	124,9	119,6	116,5	114,1	113,0	-1	-12
Затрудняюсь ответить	19,5	21,4	19,9	26,3	21,5	-5	+2
<i>В Вашем доме, дворе</i>							
Да	38,0	37,2	38,2	37,8	34,3	-4	-4
Нет	40,7	38,1	43,4	39,1	43,7	+5	+3
Индекс	97,3	99,1	94,8	98,7	90,6	-8	-7
Затрудняюсь ответить	21,3	24,7	18,4	23,1	22,0	-1	+1
<i>В Вашем городе, районе</i>							
Да	15,6	10,9	14,8	12,1	12,1	0	-4
Нет	57,1	57,6	60,5	59,3	60,9	+2	+4
Индекс	58,5	53,3	54,3	52,8	51,2	-2	-7
Затрудняюсь ответить	27,3	31,5	24,7	28,7	27,0	-2	0
<i>В нашей области</i>							
Да	9,2	5,8	8,2	8,2	7,7	0	-2
Нет	63,5	61,4	66,0	61,5	64,8	+3	+1
Индекс	45,7	44,4	42,2	46,7	42,9	-4	-3
Затрудняюсь ответить	27,3	32,8	25,8	30,3	27,5	-3	0
<i>В стране в целом</i>							
Да	9,8	4,9	7,8	8,1	7,0	-1	-3
Нет	62,9	60,9	66,2	60,4	63,9	+4	+1
Индекс	46,9	44,0	41,6	47,7	43,1	-5	-4
Затрудняюсь ответить	27,3	34,1	26,0	31,5	29,1	-2	+2
* Вопрос задаётся с 2011 г.							
Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.							

Чувство ответственности тесно связано с возможностью ощутить результаты своего вклада в общее дело. За последний год наблюдаются неоднозначные изменения оценок жителей области относительно того, насколько они лично могут повлиять на состояние дел на уровнях от своей семьи до страны в целом. По-прежнему большинство населения ограничивает сферу личного влияния своей семьёй (85%), 40% – заявляют, что

могут влиять на состояние дел на работе (табл. 2.16). При этом по сравнению с 2015 г. изменения по этим позициям носят положительный характер. Наблюдается рост уверенности в возможности повлиять на состояние дел в семье (уровень «влияния» увеличился с 76 до 85%, индекс – со 164 до 176 пунктов); на работе (уровень – с 35 до 40%, индекс – с 95 до 102 пунктов).

Таблица 2.16. **Как Вы считаете, насколько Вы лично можете влиять на состояние дел ...?**
(в % от числа опрошенных)*

Показатель	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Изменение 2016 г. +/- к	
						2015 г.	2011 г.
<i>В Вашей семье</i>							
Да	77,1	76,9	77,5	75,7	84,5	+9	+7
Нет	12,7	12,8	13,2	11,7	8,1	-4	-5
Индекс	164,4	164,1	164,3	164,0	176,4	+12	+12
Затрудняюсь ответить	10,1	10,3	9,3	12,6	7,5	-5	-3
<i>У Вас на работе</i>							
Да	50,7	42,9	40,9	35,1	39,9	+5	-11
Нет	29,6	36,1	38,3	40,1	39,7	0	+10
Индекс	121,1	106,8	102,6	95,0	102,4	+7	-19
Затрудняюсь ответить	19,7	21,1	20,9	22,4	20,4	-2	+1
<i>В Вашем доме, дворе</i>							
Да	35,6	34,5	33,5	34,1	32,9	-1	-3
Нет	42,7	41,1	47,1	44,3	45,5	+1	+3
Индекс	92,9	93,4	86,4	89,8	87,4	-2	-6
Затрудняюсь ответить	21,7	24,5	19,4	20,6	21,6	+1	0
<i>В Вашем городе, районе</i>							
Да	12,3	7,1	9,4	7,1	7,1	0	-5
Нет	62,1	65,7	68,6	68,3	68,9	+1	+7
Индекс	50,2	41,4	40,8	38,8	38,2	-1	-12
Затрудняюсь ответить	25,7	27,2	22,0	24,6	24,1	-1	-2
<i>В нашей области</i>							
Да	7,7	3,0	4,1	3,7	4,7	+1	-3
Нет	66,6	69,1	73,3	70,9	72,1	+1	+6
Индекс	41,1	33,9	30,8	32,8	32,6	0	-9
Затрудняюсь ответить	25,7	27,9	22,5	25,3	23,2	-2	-3
<i>В стране в целом</i>							
Да	6,6	2,5	3,7	3,3	3,9	+1	-3
Нет	67,4	69,5	73,5	70,3	73,5	+3	+6
Индекс	39,2	33,0	30,2	33,0	30,4	-3	-9
Затрудняюсь ответить	26,0	27,9	22,8	26,4	22,6	-4	-3
* Вопрос задаётся с 2011 г.							
Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.							

По остальным позициям уровень влияния существенно не изменился. О возможности лично влиять на состояние дел в доме/дворе заявляют 33–34% жителей области, в городе/районе – только 7%, в области – 4–5%, в стране – 3–4% соответственно.

Уровень влияния существенно выше среднего отмечен в категории 20% наиболее обеспеченных, в группе людей с высшим и незаконченным высшим образованием, среди жителей Череповца. Так, среди высокообеспеченных доля тех, кто утвердительно отвечает на вопрос о влиянии в семье, в 2016 г. достигает 86%, на работе – 60%, в доме/дворе – 50%, в городе/районе – 12%, в стране – 6%.

За период с 2015 по 2016 г. сократилась доля тех, кто принимал участие в выборах (с 48 до 32%; табл. 2.17). Удельный вес участвующих в подобных мероприятиях снизился на всех территориях области, наиболее существенно в городах: в Вологде – с 54 до 28%, в Череповце – с 46 до 26%.

Таблица 2.17. **В каких мероприятиях общественной и политической жизни Вам приходилось участвовать в текущем году?** (в % от числа опрошенных)*

Мероприятия	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Изменение 2016 г. +/- к	
						2015 г.	2011 г.
Выборы	68,3	64,9	41,4	47,7	31,5	-16	-37
Коллективное благоустройство, субботники	12,1	15,5	17,1	19,1	18,6	-1	+7
Работа ТСЖ, домового комитета, совета самоуправления	6,1	6,9	8,2	10,6	8,6	-2	+3
Сбор пожертвований, средств, вещей для нуждающихся	6,9	6,3	9,9	10,7	7,9	-3	+1
Подписание обращений в органы власти	2,7	2,4	2,6	3,8	4,2	0	+2
Деятельность профсоюзных организаций	2,7	3,8	3,5	3,8	4,0	0	+1
Проведение избирательной кампании	4,7	5,3	3,7	3,3	2,3	-1	-2
Деятельность общественных организаций	4,2	2,7	3,5	2,7	2,1	-1	-2
Митинги, демонстрации, пикеты	4,1	1,5	1,4	2,5	1,4	-1	-3
Деятельность религиозных организаций	0,9	0,6	0,9	0,7	0,8	0	0
Деятельность политических партий	1,0	1,1	0,9	0,9	0,7	0	0
Забастовки	1,0	0,2	0,3	0,1	0,6	+1	0
Ни в чем подобном не участвовал	20,6	29,0	43,7	36,6	50,1	+14	+30
* Вопрос задаётся с 2011 г.							
Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.							

В коллективной деятельности по благоустройству территорий участвуют 19% жителей области, в работе ТСЖ и благотворительной деятельности – 8–9%. Организованное решение жилищных проблем больше характерно для крупных городов, чем для районов области (11% против 6%). Помощь нуждающимся чаще оказывают жители Вологды и Череповца (10 и 12% против 5% в районах).

В деятельности общественных организаций принимают участие 2–3% жителей области. В работе политических партий и религиозных организаций – не более 1%, как и в 2015 году.

В митингах, демонстрациях в течение последнего года участвовало немногим более 1% населения региона. Доля тех, кто не участвовал ни в одном из рассматриваемых мероприятий общественной и политической жизни, в период с 2015 по 2016 г. возросла на 13 процентных пунктов (с 37 до 50%), при этом в Вологде – с 31 до 48%, в Череповце – с 28 до 53%, в районах – с 45 до 49%.

В 2016 г. доля тех, кто полагает, что их участие в общественной и политической жизни «активное и скорее активное», уменьшилась по сравнению с 2015 г. (15% против 18%; табл. 2.18). Это значительно ниже удельного веса тех, кто подтвердил свое участие в выборах (32%), которое зачастую не осознается жителями области как активная гражданская позиция. Весьма заметное снижение «активности» граждан отмечается в Череповце (с 26 до 10%). В Вологде ситуация почти не изменилась (14–15%). В районах доля жителей, активно участвующих в общественной и политической жизни, напротив, возросла с 15 до 19%.

Таблица 2.18. **Как бы Вы оценили степень Вашего участия в общественной и политической жизни?** (в % от числа опрошенных)*

Участие	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Изменение 2016 г. +/- к	
						2015 г.	2011 г.
Активное и скорее активное	27,1	23,0	21,9	17,7	15,2	-3	-12
Пассивное и скорее пассивное	48,3	49,8	54,1	51,5	61,6	+10	+13
Индекс	78,8	73,2	67,8	66,2	53,6	-13	-25
Затрудняюсь ответить	24,6	27,2	23,9	30,9	23,2	-8	-1
* Вопрос задаётся с 2011 г.							
Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.							

Наиболее представительные категории населения на всех территориях области продолжают определять свою позицию как «пассивную и скорее пассивную». В 2015–2016 гг. в среднем по области их доля возросла (с 52 до 62%); в Вологде существенно не изменилась (64–66%), в Череповце и районах увеличилась (с 59 до 73% и с 40 до 53% соответственно).

Доля тех, кто заявил о своей готовности объединяться с другими людьми для совместных действий по защите своих интересов, снизилась с 51 до 38% (табл. 2.19). Потенциал гражданского участия в области более чем в два раза превышает степень реального участия. По сравнению с показателем 2015 г. готовность к объединению снизилась в Вологде с 58 до 43%, в Череповце – с 53 до 42%, в районах – с 46 до 33%.

Таблица 2.19. **Готовы ли Вы объединиться с другими людьми для каких-либо совместных действий для защиты общих интересов?** (в % от числа опрошенных)*

Готовность	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Изменение 2016 г. +/- к	
						2015 г.	2011 г.
Готов и скорее готов	47,1	43,0	54,6	50,6	38,3	-12	-9
Не готов и скорее не готов	25,2	19,9	15,1	18,9	26,1	+7	+1
Индекс	121,9	123,1	139,5	131,7	112,2	-20	-10
Затрудняюсь ответить	27,7	37,1	30,3	30,5	35,5	+5	+8
* Вопрос задаётся с 2011 г. Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.							

Основными препятствиями для проявления людьми общественной активности являются безразличие к общим делам, индивидуализм, причём в 2016 г. по сравнению с 2015 г. доля подобных утверждений возросла (с 20 до 25%; табл. 2.20).

Таблица 2.20. **Какие препятствия Вы считаете главными для общественной активности и проявления людьми своей гражданской позиции?** (в % от числа опрошенных)*

Препятствие	2008 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Изменение 2016 г. +/- к	
							2015 г.	2008 г.
Безразличие к общим делам, индивидуализм	43,5	26,2	24,1	23,5	19,6	24,5	+5	-19
Неверие в возможность оказывать влияние на решения властей	20,7	24,3	27,2	22,7	21,0	22,3	+1	+2
Недостаток знаний, некомпетентность	20,9	15,2	19,1	15,9	15,4	19,7	+4	-1
Привычка надеяться на готовое, в том числе на власть	24,8	19,1	22,0	21,9	19,5	19,6	0	-5
Недостаток времени, занятость	9,9	12,3	15,5	15,0	14,4	18,5	+4	+9
Боязнь наказания, преследований со стороны вышестоящих руководителей, правоохранительных органов	15,9	19,9	19,7	11,8	15,9	13,2	-3	-3
Неспособность к организации	9,5	8,3	11,1	10,7	9,5	10,9	+1	+1
Негативная реакция со стороны окружающих	6,7	9,4	7,4	6,5	6,7	5,3	-1	-1
Затрудняюсь ответить	14,9	27,3	29,7	29,9	35,1	35,3	0	+20
* Вопрос задаётся с 2008 г. Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.								

Немаловажное значение имеет также неверие в возможность ответственности повлиять на действия властей (21–22%). По сравнению с показателем 2015 г. увеличилась доля жителей области, считающих, что общественной активности препятствуют недостаток знаний, некомпетентность (с 15 до 20%), а также недостаток времени, занятость (с 14 до 19%). Доля неопределенных суждений сохранилась на уровне 35%.

Для большинства жителей Вологодской области сегодня характерны недостаток межличностного доверия, отсутствие ощущения ответственности за происходящее вне пределов их семей, неверие в возможность повлиять на процессы, происходящие в стране, регионе, месте их проживания. В то же время значительная часть граждан проявляет потенциальную готовность к объединению с другими людьми для защиты каких-либо общих интересов. Это говорит о наличии потенциала развития институтов гражданского общества. Требуется поиск механизмов раскрытия, реализации этого потенциала.

Самой заметной и наиболее активной частью гражданского общества выступают общественные движения, союзы и объединения. С ними ассоциируется уровень развития собственно институтов гражданского общества. Третий сектор, или некоммерческие неполитические организации, действующие в таких сферах, как предоставление социальных услуг, образование, наука, здравоохранение, спорт и культура, представляет собой наиболее заметное проявление функционирования гражданского общества. Их взаимодействие с властью составляет «практическую» сторону гражданского общества. НКО – это, по сути, организационно оформленное гражданское общество, которое не относится к компетенции государства и служит иным интересам. С помощью институтов гражданского общества становится возможным не только активизировать участие граждан, привлечь их к процессу принятия властных решений, но и включить в практику работы органов власти эффективные формы взаимодействия с третьим сектором.

Судя по результатам мониторинга общественного мнения, в 2016 г. по сравнению с 2015 г. возрос удельный вес жителей области, которые вообще ничего не знают об НКО: доля тех, кто с деятельностью некоммерческих организаций не знаком, увеличилась с 36 до 43% (табл. 2.21). «Пассивная» информированность об НКО («Что-то слышал») сохранилась на уровне 2015 года (33%). «Активная» информированность (связанная с личным опытом взаимодействия граждан с НКО) составляет менее 10%, причём по сравнению с уровнем 2015 г. она снизилась (с 8 до 6% соответственно).

Таблица 2.21. **Знаете ли Вы о деятельности некоммерческих (общественных) организаций?** (% от числа опрошенных)*

Вариант ответа	2008 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Изменение 2016 г. +/- к	
								2015 г.	2008 г.
Знаю, лично сталкивался	8,9	12,3	8,1	12,7	7,1	8,2	6,3	-2	-3
Что-то слышал	40,7	40,3	39,7	34,7	35,9	34,3	33,1	-1	-8
Ничего не знаю	38,7	24,5	34,0	33,6	35,5	36,3	43,1	+7	+4
Индекс	110,9	128,1	113,8	113,8	107,5	106,2	96,3	-10	-15
Затрудняюсь ответить	11,8	22,9	18,2	19,0	21,5	21,2	17,6	-4	+6

* Вопрос задаётся с 2008 г.
Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

В 2016 г., как и годом ранее, большинство жителей области (89%) не принимают участия в деятельности некоммерческих организаций и не являются их членами (табл. 2.22). Доля входящих в состав тех или иных общественных организаций сохраняется на уровне 3–4%. Это говорит об отсутствии развития подобных институтов гражданского общества вследствие недостатка внимания к ним со стороны как общества, так и государства, а также СМИ, несмотря на признание высшим руководством страны необходимости их поддержки.

Таблица 2.22. **Принимаете ли Вы участие в деятельности некоммерческих организаций или являетесь членом какой-либо из них?** (% от числа опрошенных)*

Вариант ответа	2008 г.	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Изменение 2016 г. +/- к	
								2015 г.	2008 г.
Являюсь членом организации	8,2	7,2	5,4	4,5	4,9	4,3	2,9	-1	-5
Принимаю участие как доброволец, волонтер	11,3	10,1	10,4	6,2	6,4	6,3	6,2	0	-5
Не участвую и не состою	80,5	82,7	84,2	88,2	87,0	89,1	89,3	0	+9
Индекс	39,0	34,5	31,6	22,5	24,3	21,5	19,8	-2	-19

* Вопрос задаётся с 2008 г.
Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

Как и в 2015 г., каждый четвертый житель области считает, что некоммерческие организации не оказывают никакого влияния на жизнь в области (25–26%; табл. 2.23). Доля людей, характеризующих влияние общественных организаций как незначительное, за период с 2015 по 2016 г. сократилась с 23 до 18%, при этом удельный вес затруднившихся определить его степень возрос с 48 до 52%.

Таблица 2.23. **На Ваш взгляд, в какой степени некоммерческие (общественные) организации влияют на жизнь области?** (% от числа опрошенных)*

Вариант ответа	2009 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Изменение 2016 г. +/- к	
							2015 г.	2009 г.
Оказывают большое влияние	5,8	6,5	4,7	5,3	3,5	4,9	+1	-1
Оказывают незначительное влияние	25,0	29,7	22,4	21,5	22,8	18,1	-5	-7
Не оказывают никакого влияния	22,3	26,5	26,0	24,6	25,5	25,0	-1	+3
Затрудняюсь ответить	46,9	37,3	46,9	48,6	48,1	51,9	+4	+5
* Вопрос задаётся с 2009 г. Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.								

Таким образом, после всплеска на волне патриотических идей 2014 г. настроения единства и солидарности в общественном мнении в 2015–2016 гг. пошли на спад. Большинство населения (58% в 2016 г.) отмечает согласие и сплочённость только на уровне личного окружения, в то время как она отрицается на уровне места проживания, области и страны. Жители региона по-прежнему доверяют лишь своему ближайшему окружению, причём доля таковых в 2016 г. по сравнению с 2014–2015 гг. заметно увеличилась (60%).

Негативный характер изменений нашёл своё отражение в снижении индекса ответственности людей за происходящее в доме/во дворе (с 99 до 91 п.), в городе/районе (с 53 до 51 п.), в области (с 47 до 43 п.), в стране (с 48 до 43 п.).

В 2016 г. большинство жителей области (89%) отметили, что не принимают участия в деятельности некоммерческих организаций и не являются их членами, а каждый четвертый считает, что некоммерческие организации не оказывают никакого влияния на жизнь в области.

Таким образом, гражданская активность населения сохраняется на низком уровне. С этой точки зрения не удивительна динамика показателей участия россиян в одном из главных механизмов гражданского участия – в выборах. Так, например, на выборах в Государственную Думу РФ в 2007 г. явка избирателей составила 64%, в 2011 г. – 60%, 18 сентября 2016 г. – 48%.

Сегодня огромное значение имеет то, в каком русле будут развиваться общественные инициативы, какой смысл будут вкладывать активисты, мобилизующие широкие слои населения, в свои действия, ведь объединение граждан может быть направлено как на поддержку существующих условий жизни, действующей власти, так и в сторону протестных выступлений. Не столько открытый протест, сколько стойкое состояние недовольства и созревающая на протяжении последних 20–25 лет потребность людей в решении актуальных проблем, в ощущении социальной справедливости и гордости за страну являются важным фактором, способным объединить людей.

Обеспечение социальной стабильности представляет основную задачу любого государства, в особенности того, которое, подобно России, переживает период глубокой социально-политической, экономической и культурной трансформации. Государство как политическая система, располагающая значительными ресурсами (экономическими, административными, правовыми и т.д.), неспособно, тем не менее, обеспечить стабильность без опоры на своих граждан. Эта задача становится двуединой: решая её, государство должно приложить все усилия для получения массовой гражданской поддержки. Естественно, что при этом цели государства и ожидания гражданского сообщества по основным параметрам должны совпадать. Такое условие, в силу исторических особенностей развития, отсутствия необходимых предпосылок, несогласованности действий государственных структур, существенных различий в коренных интересах социальных слоёв, бывает трудновыполнимым.

Идеальной видится ситуация, при которой социально-политические изменения в стране, а тем более реформы происходят последовательно, в рамках адекватного законодательства с учётом предыдущих этапов развития, традиционных ценностей и особенностей национальной психологии и, самое главное, – в условиях широкого национального согласия относительно целей и этапов развития общества и государства.

Обеспечение подобного состояния вряд ли возможно, вследствие чего социально-политическую и экономическую ситуацию в современной реформируемой России с оговорками можно назвать лишь относительно стабильной.

Вот почему проблема обеспечения социальной стабильности вызывает сегодня серьёзную озабоченность общественных и государственных деятелей, учёных, всех граждан России. Многоаспектность и комплексность этой проблемы сделали её предметом исследования специалистов практически всех отраслей научного знания: философии, социологии, права, психологии, экономики, математики, экологии, биологии, здравоохранения и т.д.

Помимо уже отмеченных выше последовательных мер, общественная стабильность может быть достигнута за счёт предупреждения и устранения потенциальных для неё опасностей и угроз. В современной литературе, посвящённой проблематике социальной безопасности, в качестве одной из её возможных угроз рассматривается социальная напряжённость, которая считается формой скрытого социального конфликта [Самушкин, 2010]. Социальная напряжённость определяется как дисфункция общественного сознания, возникающая вследствие нарушения деятельности основных социальных институтов и влияющая на психологическое состояние значительной части общества [Самушкин, 2010]. Именно социальная напряжённость, имеющая скрытый характер, является самым опасным источником «социального взрыва» [Ильин, 2014]. Её характерными чертами являются распространение настроений недовольства; потеря доверия к власти; рост стихийных массовых действий (включая ажиотажный спрос на продукты питания, акции протеста, возрастание внутренней и внешней миграции) [Самушкин, 2010].

Скрытая социальная напряжённость негативно воздействует на общество, вызывая в нём значительные структурно-функциональные деформации на микроуровне в форме межличностной и межгрупповой вражды. Влияние деформаций общественных отношений, обусловленных социальной напряжённостью, на социальную стабильность очевидно. Такие деформации, воздействуя на глубинные ткани общественных отношений, ослабляют иммунную систему общественного организма, что значительно уменьшает потенциал его сопротивляемости различным угрозам [Белевский, 2014].

При рассмотрении данной проблемы в федеральном контексте авторы исходят из того, что, характерное для современной России, недовольство населения отдельного региона социально-экономическим положением, бездеятельностью властей в отношении коррупции и нарушений законодательства и т.д. начинает распространяться на отношения региона и Центра. Тем самым проблема выходит на макроуровень, в известной степени негативно сказываясь на социально-экономическом и внутриполитическом положении в стране в целом.

В наше время не требуется особых подтверждений важности и актуальности исследования социальной напряжённости в обществе, факторов её возникновения и тенденций роста. Различаясь по своему уровню от региона к региону, социальная напряжённость, включая её активную протестную фазу, возникает тем не менее в силу схожих причин и, изменяясь согласно общим закономерностям, являет собой не только региональную, но и общегосударственную проблему.

Представляется полезной актуализация региональных исследований, особенно при использовании общих выводов и рекомендаций, полученных с учётом региональной специфики, для профилактики и своевременного предотвращения конфликтов, социально-политических «взрывов», т.е. резкого перехода социальной напряжённости в открытые протестные действия.

В обыденном сознании сохраняются устойчивые психологические и поведенческие стереотипы населения различных регионов России. Например, спокойные, уравновешенные северяне, темпераментные жители юга и т.д. Конечно же, глобальные процессы, активные перемещения людей, современные массовые коммуникации (ТВ, Интернет и т.п.) постепенно изменяют эти представления, но, как показывают результаты объективных исследований, в основном они сохраняются. И, что особенно важно для настоящей работы, устойчивость названных стереотипов распространяется не только на бытовые межличностные отношения, но и на сферу общественных и общественно-политических взаимодействий.

Изложенное выше в полной мере относится к предсеверной Вологодской области, которая обоснованно считается одним из наиболее социально стабильных российских регионов, для которых характерна слабая выраженность социального недовольства на поведенческом уровне и отсутствие массовых стихийных и организованных акций протеста, серьёзно угрожающих социальной и политической стабильности регионального сообщества.

Однако определённые опасения вызывает формирование скрытой социальной напряжённости, протестных настроений, латентной формы социального протеста. Протестный потенциал населения, под которым понимают намерение (склонность) граждан участвовать в протестных акциях при определенных условиях, способен создать серьёзное препятствие для поддержания социальной стабильности территории в случае его реализации в форме активных протестных выступлений.

Анализируя уровень протестного потенциала на территории Вологодской области, мы исходим из того, что протестный контингент составляют респонденты, отвечающие на вопрос «Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?» – следующим образом: «выйду на митинг, демонстрацию»; «буду участвовать в забастовках, акциях протеста»; «если надо, возьму оружие, выйду на баррикады». Такая постановка вопроса рассчитана на завершение процесса формирования внутреннего психологического настроя респондента, переход от недовольства, т.е. от отсутствия удовлетворённости в отношении предмета исследований, к протестному настроению и, как следствие, к принятию решения об активных действиях по изменению проблемной ситуации.

Таким образом, «протестную группу» составляют жители области, отличающиеся не только соответствующим эмоциональным настроением, не обязательно тождественным активному социальному поведению, но и осознанной мотивацией к личному физическому участию в протестных акциях.

Как показал анализ данных мониторинга, за период с 2000 по 2010 год протестный потенциал в Вологодской области заметно снизился – в целом на 6 п.п., однако в последние годы (2010–2016 гг.), хотя показатель стабилизировался, существенных позитивных изменений не происходит: доля жителей, проявляющих протестные настроения, сохраняется на уровне 17–21% (табл. 2.24).

Следует особо отметить, что в «протестной группе» преобладает доля приверженцев «мирных» протестных акций («выйду на митинг, демонстрацию» – 9%) над теми, кто высказывает готовность к радикальным действиям в защиту своих интересов («если надо, возьму оружие, выйду на баррикады» – 5%). Причём доля последних за 2000–2015 гг. сократилась почти в 2 раза (с 9 до 5%).

Таблица 2.24. **Динамика потенциала протеста в Вологодской области**
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение 2016 г. +/- к	
												2015 г.	2000 г.
Потенциал протеста	24,3	32,2	19,6	21,9	20,0	19,8	20,1	17,3	18,6	21,1	19,3	-2	-5
Выйду на митинг, демонстрацию	8,0	13,9	9,7	10,8	9,6	10,9	10,3	9,3	10,7	11,2	9,4	-2	+1
Буду участвовать в забастовках, акциях протеста	7,7	10,8	5,4	6,0	6,1	4,7	5,7	4,2	3,9	4,9	5,5	+1	-2
Если надо, возьму оружие, пойду на баррикады	8,6	7,5	5,1	5,0	4,3	4,3	4,2	3,8	4,0	4,9	4,5	0	-4
Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.													

Анализ данных мониторинга позволяет выделить категории лиц, которые отличаются определенным социально-психологическим и эмоциональным настроем и имеют предрасположенность к активным действиям в случае возникновения социального конфликта. За всё время исследований отмечалась относительная устойчивость количественных показателей и качественных характеристик протестного контингента. В частности:

- в гендерном разрезе намерение участвовать в акциях протеста значительно сильнее выражено у представителей мужского пола (в среднем за 2016 г. – 21%) по сравнению с женским (18%), т. е. мужчины более склонны к проявлению протестных настроений, чем женщины (табл. 2.25);

- склонность к участию в протестных акциях в большей степени свойственна представителям возрастной категории от 30 до 55 лет (21%), а также лицам, имеющим незаконченное среднее и среднее образование (21%);

- в зависимости от уровня доходов наиболее высокий показатель социального недовольства отмечается в 20%-й группе наименее обеспеченных (28%) и в 60%-й категории людей со средним достатком (19%);

- в разрезе территорий области наиболее высок данный показатель в Вологде (21%) и Череповце (22%).

Таблица 2.25. **Динамика потенциала протеста в различных социально-демографических группах населения** (в % от числа опрошенных)

Группы	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение 2016 г. +/- к	
												2015 г.	2000 г.
<i>Пол</i>													
Мужской	29,4	36,2	23,2	25,1	22,2	22,6	23,0	19,3	21,7	22,5	20,8	-2	-9
Женский	20,9	28,9	16,8	19,3	18,3	17,5	17,7	15,7	16,1	19,9	18,2	-2	-3
<i>Возраст</i>													
До 30 лет	25,2	34,9	20,2	20,7	20,4	19,7	18,7	17,4	17,6	21,2	16,2	-5	-9
30-55 лет	27,2	33,0	20,0	22,6	21,6	20,7	21,3	17,3	19,3	22,7	21,2	-2	-6
Старше 55 лет	18,0	28,6	18,5	21,7	17,0	18,3	19,2	17,4	18,3	18,8	18,7	0	+1
<i>Образование</i>													
Н/среднее и среднее	20,9	22,8	20,7	20,7	20,2	20,6	22,8	17,3	21,8	20,9	20,5	0	0
Среднее специальное	25,9	32,6	20,9	23,6	19,9	19,7	20,0	18,2	17,2	20,3	18,9	-1	-7
Н/высшее и высшее	22,9	33,6	16,8	21,3	19,9	19,2	17,5	16,5	16,7	22,1	18,4	-4	-5
<i>Доходные группы</i>													
20% наименее обеспеченных	27,5	33,4	24,8	24,3	23,9	27,2	25,0	21,7	22,4	29,9	27,7	-2	0
60% средне-обеспеченных	24,6	34,5	19,9	22,3	21,1	19,0	20,4	16,4	19,3	20,2	18,7	-2	-6
20% наиболее обеспеченных	21,1	28,6	14,0	19,8	15,1	14,7	13,9	13,6	9,9	14,3	13,7	-1	-7
<i>Территории</i>													
Вологда	24,8	39,8	21,9	23,5	22,4	21,6	23,3	20,3	18,9	25,7	21,0	-5	-4
Череповец	21,1	31,4	17,2	21,2	22,1	19,7	18,5	17,6	22,4	24,7	22,0	-3	+1
Районы	25,9	29,1	19,8	21,4	18,0	19,0	19,3	15,7	16,4	16,4	16,9	+1	-9

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

Анализ позволил также установить социально-экономические и общественно-политические детерминанты потенциальной протестной активности в регионе. В результате были выделены 3 группы факторов:

1. Негативные общественно-политические настроения, связанные с неодобрением деятельности властей.

2. Неудовлетворенность населения собственным материальным положением и общей экономической ситуацией в стране и области.

3. Низкий уровень запаса социального терпения и негативное эмоционально-психологическое состояние населения.

Как показывают данные социологических измерений, главным фактором накопления протестного потенциала является критическое, на грани негативного, отношение населения к деятельности различных структур и институтов власти.

Вместе с тем выявлено, что жители области, характеризующие политическую обстановку в России как «напряжённую, критическую, взрывоопасную», более склонны к протестным проявлениям, чем те, кто считает ее «благополучной, спокойной» (в среднем за 2016 г. – 26% против 11%; табл. 2.26).

Таблица 2.26. Потенциал протеста в группах населения в зависимости от оценок политической ситуации и деятельности властей (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение 2016 г. +/- к	
												2015 г.	2000 г.
<i>Как бы Вы оценили в целом политическую обстановку в России?</i>													
Благополучная, спокойная	16,8	31,3	16,2	15,1	11,8	10,1	12,2	9,9	11,1	12,1	11,1	-1	-6
Напряжённая, критическая	28,8	37,2	27,1	32,9	32,9	32,6	30,4	26,7	27,4	26,8	26,2	-1	-3
<i>Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?</i>													
Полностью и в основном одобряю	24,0	29,8	17,9	18,7	13,5	7,9	11,4	7,9	9,9	12,6	12,4	0	-12
Полностью и в основном не одобряю	36,0	45,9	36,6	42,8	45,7	52,2	38,9	40,1	44,9	60,3	60,1	0	+24
<i>Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Правительства РФ?</i>													
Полностью и в основном одобряю	22,9	31,0	16,7	18,8	12,4	6,3	8,8	6,1	7,4	8,5	8,2	0	-15
Полностью и в основном не одобряю	33,7	41,6	34,1	39,5	39,2	46,1	38,2	37,1	40,2	52,8	52,2	-1	+19
<i>Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность губернатора области?</i>													
Полностью и в основном одобряю	23,5	29,6	16,0	18,9	12,0	6,3	10,1	7,3	6,9	5,3	5,1	0	-18
Полностью и в основном не одобряю	35,8	42,5	32,9	36,5	39,3	47,2	38,3	37,4	34,1	44,8	44,5	0	+9
<i>Как Вы оцениваете деятельность глав местных администраций?</i>													
Полностью и в основном одобряю	22,3	29,7	16,9	18,6	11,8	6,8	10,3	5,8	8,4	7,6	7,3	0	-15
Полностью и в основном не одобряю	33,5	40,2	26,9	33,3	34,5	41,0	35,6	35,4	33,7	44,1	44,0	0	+11

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

Не исключает возможности своего участия в протестных акциях в среднем 60% жителей области (в 2016 г.), отрицательно оценивающих деятельность Президента РФ, и только 12% населения, «полностью и в основном одобряющего» его политику. При этом у тех, кто не одобряет деятельность главы государства, протестные настроения по сравнению с показателем 2014 г. усилились. В среднем 52% населения Вологодской области (в 2016 году), отрицательно оценивающих деятельность Правительства РФ, допускают возможность своего участия в массовых выступлениях протеста. Причем показатель протестного потенциала в данной категории имеет тенденцию к росту. В то время как численность жителей области, придерживающихся противоположного мнения, почти в 6 раз меньше (8%). Наиболее высокий уровень протестных настроений в оценках деятельности региональных и местных органов власти отмечается среди жителей, неодобрительно отзывающихся о деятельности губернатора и глав местных администраций. Доля «протестующих» в соответствующих категориях составляет в среднем 44%. Среди жителей региона, «полностью и в основном одобряющих» работу главы области и глав местных администраций, протестный потенциал составляет 5 и 7% соответственно.

Таким образом, неодобрение деятельности властных структур, в основном федерального уровня, является наиболее показательным для характеристики социальной напряженности в регионе.

Следующую группу факторов, определяющих характер протестного поведения, составляют положение в экономике страны и региона, а также материальное благополучие населения. Как показали результаты опросов, наиболее высоким уровнем протестных настроений отличаются жители области, негативно оценивающие экономическое положение России (в среднем в 2016 г. – 33%) и области (33%; табл. 2.27). Доля тех, кто считает экономическую ситуацию в стране и регионе «очень хорошей и хорошей», составляет только 7 и 5% соответственно.

Протестные настроения присущи прежде всего жителям области из семей с низкими доходами (в среднем в 2016 г. – 40%). В группе населения, считающего собственное материальное благосостояние «очень хорошим и хорошим», протестный потенциал находится на более низких отметках (6%). Причем если в 2005 – 2006 гг. разрыв между этими категориями по уровню потенциала протеста был несущественным, то в 2010 г. он составил уже 2,2 раза, в 2014 г. – 6,4 раза; в 2016 г. – 6,7 раза.

Таблица 2.27. Потенциал протеста в группах населения в зависимости от оценок социально-экономической ситуации, материального положения
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение 2016 г. +/- к	
												2015 г.	2005 г.
Как бы Вы оценили экономическое положение России?*													
Очень хорошее и хорошее	н.д.	32,7	18,6	19,0	11,1	11,5	16,5	7,9	5,3	7,0	7,4	0	-25
Очень плохое и плохое	н.д.	37,3	31,7	28,1	33,0	30,7	36,1	30,1	33,5	33,8	33,3	-1	-4
Как бы Вы оценили экономическое положение области?*													
Очень хорошее и хорошее	н.д.	39,7	17,9	19,7	10,1	11,6	13,9	7,6	3,8	4,8	4,5	0	-35
Очень плохое и плохое	н.д.	34,9	30,5	27,9	32,7	36,0	34,7	28,7	30,4	33,0	33,4	0	-2
Как бы Вы оценили материальное положение Вашей семьи?*													
Очень хорошее и хорошее	н.д.	39,9	18,1	26,7	14,2	10,8	13,7	6,0	5,7	6,0	6,3	0	-34
Очень плохое и плохое	н.д.	33,3	32,5	32,8	30,8	33,9	35,9	33,1	36,2	40,3	40,2	0	7
Какая из приведенных ниже оценок наиболее точно характеризует Ваши денежные доходы?*													
Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	20,1	28,4	14,2	17,2	13,5	12,1	11,0	6,4	5,6	7,5	7,3	0	-21
Денег достаточно для покупки необходимых товаров	23,6	33,2	18,7	21,3	16,9	15,6	17,3	13,0	13,3	13,1	13,0	0	-20
Денег хватает в лучшем случае на еду	25,3	32,1	23,7	25,1	27,1	29,6	28,4	29,2	33,2	34,3	34,0	0	+2
К какой категории Вы себя относите?*													
Богатым и среднеобеспеченным	19,0	29,2	15,0	19,8	11,8	10,5	12,1	8,8	9,1	8,6	8,4	0	-21
Бедным и нищим	28,5	36,3	27,0	27,5	29,7	30,7	30,5	27,0	28,5	32,8	32,6	0	-4
* Вопрос задаётся с 2003 г. ** Вопрос задаётся с 2005 г. Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.													

Потенциал протеста наиболее высок среди населения, относящего себя к категориям «бедных» и «нищих» (в среднем в 2016 г. – 33%). В группе «богатых» и «среднеобеспеченных» только 8% жителей области

допускает возможность своего участия в протестных выступлениях. На протяжении всего периода измерений потенциал протеста среди «бедных и нищих» превышал соответствующий показатель среди «богатых и среднеобеспеченных» в 1,2–1,5 раза. В 2010 г. разрыв составил 2,5 раза, в 2014 г. – 3,1 раза, в 2016 г. – 3,7 раза. Это произошло благодаря увеличению доли «протестующих» среди лиц с низким экономическим статусом.

Наибольшая склонность к протестным проявлениям отмечается среди жителей региона, отличающихся низким уровнем покупательной способности («денег хватает в лучшем случае на еду» – 34%). Причём в 2016 г. протестные настроения в данной категории усиливаются.

В целом негативные оценки социально-экономической ситуации и материального положения населения являются значимым фактором формирования его протестных настроений. В значительной степени это соотносится с выводами других исследовательских центров о преобладающем росте протестов из-за экономических проблем с вытекающим из них недовольством миграционной политикой и произволом чиновников.

Третья группа факторов, влияющих на уровень потенциала протеста, определяется социальным самочувствием жителей области.

Наибольшую потенциальную склонность к участию в массовых выступлениях по критерию «социальное самочувствие» проявляет население, испытывающее отрицательные эмоции («напряжение, раздражение, страх, тоску» – 45% в среднем в 2016 г.). При этом доля «протестующих» в данной категории по сравнению с показателем 2014 г. заметно выросла. Удельный вес «протестующих» в категории людей, находящихся в «прекрасном настроении, нормальном, ровном состоянии», составляет в среднем по области 12% и имеет явную тенденцию к снижению (табл. 2.28).

Потенциальной протестной активностью отличается и довольно значительная часть населения области с низким уровнем социального терпения («терпеть наше бедственное положение уже невозможно» – в среднем 59%). Причем по сравнению с уровнем 2014 г. протестные настроения в данной категории усилились. Протестный потенциал той части населения, которая высказывает позитивные суждения («все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно и терпеть»), более чем в 4 раза ниже (14%).

Таблица 2.28. **Потенциал протеста в группах населения в зависимости от оценок социального самочувствия** (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	Изменение 2016 г. +/- к	
												2015 г.	2000 г.
<i>Что бы Вы могли сказать о своем настроении в последние дни?</i>													
Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние	20,6	28,6	16,1	15,4	13,9	14,3	13,7	11,6	12,1	11,9	11,6	0	-9
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	30,0	39,3	29,0	35,4	32,7	35,6	35,3	33,3	37,6	45,2	45,1	0	+15
<i>Какое из приведенных ниже высказываний наиболее соответствует сложившейся ситуации?</i>													
Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно и терпеть	21,1	29,6	16,2	19,1	14,8	13,3	14,2	14,1	15,4	14,0	14,4	0	-7
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	36,9	47,8	45,3	41,2	45,3	51,0	51,4	37,0	40,2	59,2	59,1	0	+22
Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.													

Обобщённый анализ всех групп факторов, определяющих формирование и развитие социальной напряжённости в обществе, говорит о существовании реальных предпосылок для ослабления стабильности в регионе и стране в целом. Хотя есть основания полагать, что масштабные проявления деструктивных форм социальных взаимодействий, конфликтов, социально-политических «взрывов», т.е. резкого перехода скрытых протестных настроений в открытые, не являются ближайшей перспективой внутриполитической обстановки в стране, отмеченные предпосылки остаются предметом дальнейших исследований.

Как было выявлено в результате социологических измерений, в 2016 году протестный потенциал жителей Вологодской области в среднем составляет 19%. К группам риска относятся жители области в возрасте от 30 до 55 лет и старше, представители 20%-й категории наименее обеспеченных, жители Вологды и Череповца. В данных категориях протестный потенциал превышает среднеобластной показатель. Более того, протестные настроения усиливаются среди жителей области, негативно характеризующих социально-экономическую и политическую ситуацию в стране и регионе, собственное материальное положение; не одобряющих деятельность властных структур; испытывающих отрицательные эмоции.

Сохраняющийся, хотя и невысокий уровень протестного потенциала в регионе создаёт в целом определенный резерв «горючего» материала, который, по мере накопления, при определенных условиях может стать причиной дестабилизации обстановки. Пока же одной из основных форм проявления вовне протестного потенциала выступают апатия, безразличие и скепсис населения как в отношении государственных дел, так и собственной жизни, усугубляемые отсутствием доступа к высоко ценным в обществе целям (образование, материальный достаток и т.д.).

Таким образом, за двадцатилетний период государством было многое сделано для того, чтобы россияне могли воспользоваться таким инструментом, как институты гражданского общества. На всех уровнях органы власти отчетливо проявили свое понимание того, что двигаться дальше без оглядки на общественное мнение невозможно. Однако для того, чтобы российские и международные исследования в унисон говорили о существовании в России развитого гражданского общества, нужна потребность в нем не только со стороны государства, но и со стороны самих людей. А здесь мы сталкиваемся с затруднениями, делающими российский социум не виновником, а скорее жертвой объективных обстоятельств – ментальной склонности к традиционным ценностям и социального атомизма, ставшего одним из ключевых негативных последствий ситуации 1990-х гг.

Низкий уровень межличностного доверия, показателей осведомленности о деятельности НКО и участия людей в общественно-политической жизни свидетельствуют о серьезных препятствиях для социальной консолидации. «Если гражданское общество неактивно, неразвито, если его независимость и уровень самосознания невысокие, то и специализированные фрагменты гражданского общества, экспертные сообщества зачастую превращаются в компрадорские структуры, способные в лучшем случае отстаивать собственные групповые или даже индивидуальные интересы» [Барабашев, 2016: 180]. Тем не менее события последних лет (в первую очередь связанные с вхождением Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации) показывают высокий потенциал российского общества к объединению на базе общих патриотических ценностей, внутренние резервы социальной консолидации, реализация которых зависит от эффективности взаимодействия её ключевых субъектов и, в частности, от динамики развития социально-экономических условий, в которых пребывают широкие слои населения.

ГЛАВА 3

СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК ИНДИКАТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ КОНСОЛИДАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ОБЩЕСТВЕ

3.1. Теоретическо-методологические подходы к изучению социального здоровья

Для российского общества оценка динамики социального здоровья и последствий его ухудшения приобретает особую значимость в связи с тем, что население регулярно сталкивается с социально-экономическими кризисами, ситуациями духовной и политической нестабильности. В этих условиях общество теряет возможности адаптации к меняющимся условиям жизни.

Причем адаптация общества к коренным переломам, затрагивающим духовно-нравственные основы, должна идти десятилетиями, т.е. значительно более медленными темпами, чем приспособления к изменяющимся экономическим условиям, что убедительно доказали последствия мирового финансового кризиса. В 1991 г., когда распался Советский Союз, эти духовно-нравственные основы были разрушены и в дальнейшем населению не было предложено столь же сильной, адекватной альтернативы. Резкое ослабление различных форм социального контроля стало одной из главных причин распространения различных форм девиантного поведения [Иванов, 2014: 8].

Российское общество снова может столкнуться с коренными преобразованиями, поскольку страна стоит на пороге формирования нравственного государства, которое является «неизбежным, неслучайным эволюционным этапом современных типов государств» [Сулакшин, 2011: 100]. Эти в первую очередь духовно-нравственные преобразования будут опре-

делять вектор дальнейшего развития России на ближайшие десятилетия, поэтому изучение вопросов, связанных с укреплением социального здоровья и применением его в качестве индикатора общественного развития, в том числе консолидационных процессов, приобретает особую значимость.

Под «социальным здоровьем» в самом широком смысле понимается способность каждого конкретного члена общества адаптироваться к социуму, причем не только «уживаться» с ним, но и реализовывать свой потенциал, свои потребности, достигать своих целей и, таким образом, изменять социальную реальность. Соответственно эволюция представлений о социальном здоровье неразрывно связана с изменениями взглядов на роль личности в обществе.

Сложность человека как биосоциального и духовного существа требует рассмотрения здоровья как единства морфологических, психоэмоциональных, социально-психологических и духовно-нравственных показателей. Смысловое поле понятия «социальное здоровье» широко и многозначно. Оно включает в себя огромный спектр и социальных, и биологических, психологических, экономических, политических и других показателей. Многообразие подходов к самому пониманию социального актуализирует серьезную теоретическую проблему, связанную с определением социального здоровья [Бабинцев, 2008: 50]. Возникает вопрос о том, что отражает эта категория, в чем ее специфические особенности и отличие, например, от здоровья общественного?

В научной литературе понятие «социальное здоровье» репрезентируется в контексте вопросов социальной адаптации, оценки включенности личности в социум и анализа факторов, обуславливающих ее поведение в обществе, социальной аномии, социальной детерминации физических и психических болезней, а также характеристик общества как с точки зрения его возможностей реализовать личностный и социальный капитал граждан, так и с точки зрения устойчивости развития системы в целом. В указанном контексте рассматриваются: социальная безопасность и социальное благополучие, социально-демографические показатели, ценностные ориентации здоровья и здорового образа жизни, включающие в себя категории качества и уровня жизни населения и характеризующие одновременно развитость социальной сферы.

Общественное здоровье – это комплексная характеристика состояния всех социетальных сфер общества, характеристика общества как целостной системы. В этом смысле социальное здоровье общества (если термин «социальное» трактовать в широком смысле) будет тавтологичным

словосочетанием [Бабинцев, 2008: 58]. На самом деле термин «социальное здоровье» можно употреблять только по отношению к личности. Во всех остальных случаях оно может использоваться лишь в качестве метафоры, характеризующей определенное состояние системы с точки зрения выполнения ею функций по отношению к самой себе или человеку. Объектом исследования социального здоровья является личность как социальная характеристика человека, предметом – характеристики включенности в социальные отношения, удовлетворенность этими отношениями, их детерминанты.

По мнению Т.Б. Соколовой, социальное здоровье как характеристика общества – это степень вовлечения индивида в социальные отношения. А социальное здоровье на личностном уровне – это удовлетворенность человека этими отношениями [Соколова, 2005: 20]. Причем на личностном уровне есть два критерия социального здоровья: объективный (включенность индивида в общественные связи и отношения) и субъективный (его оценка этих связей и отношений, то есть социальное самочувствие). При рассмотрении социального здоровья на личностном уровне подразумеваются социальные характеристики личности. Все остальные характеристики (биологические, психологические, экономические и др.) являются детерминантами социального здоровья, но не им самим.

Различные дефиниции понятий «социальное здоровье» и «здоровье населения» прописаны в уставе ВОЗ. Отличие между ними заключается в том, что социальное здоровье – категория, отражающая взаимодействие людей между собой, но этот признак не является определяющим для здоровья населения [Устав...].

Когда минимизируется акцент на социальных отношениях и социальных взаимосвязях индивида, допускается взаимозаменяемость категорий «социальное здоровье» и «социальное благополучие». Они отличаются друг от друга тем, что социальное здоровье – это характеристика, присущая живому организму, описывающая его состояние. Категория «социальное благополучие» описывает социальную ситуацию (например, социальный статус, материальное положение и т.д.). Эксперты ВОЗ указывают, что «социальное здоровье – это степень удовлетворения индивидом своим материальным состоянием, питанием, жилищными условиями, социальным статусом в обществе, его социальной политикой» [Тарасенко, 2006]. Параметрами социального благополучия являются «уровень жизни населения, занятость, объем и структура платных услуг, предоставляемых населению, динамика и структура бюджетных средств, выделяемых на

социальную сферу и социальную политику, динамика развития внебюджетных фондов и негосударственных организаций, политика предприятий в области сохранения и развития социальной сферы, эффективность использования средств, выделяемых на развитие социальной сферы и социальной политики, показатели развития отраслей социальной сферы, демографические показатели, демографическая и миграционная политика» [Берендеева, 2003].

В Уставе ВОЗ указано, что здоровье – это не только отсутствие болезней, но и благополучие (физическое, психическое, социальное). Здесь мы разделяем точку зрения В.П. Бабинцева, который считает, что в данном определении ВОЗ термин «благополучие» «призван обозначить позитивный аспект состояния индивида в противовес его диалектической противоположности – болезни» [Бабинцев, 2008: 58].

Термин «социальное здоровье» рассматривается как характеристика состояния личности, являющейся субъектом социальных отношений, как состояние гармонии между личностными смыслами и деятельностью человека, способствующее его самоактуализации и позитивному развитию социума, как суммарный показатель определенных объективных и субъективных характеристик личности, определяющих взаимоотношения личности и общества [Байкова, 2006: 60].

Понимание социального здоровья как характеристики личности не случайно. Оно исходит из сложной эволюции взглядов на соотношение роли личности и общества. Сам термин «здоровье» в сочетании с понятием «социальное» уходит своими корнями в представление об обществе как об организме (Аристотель, Платон, Гоббс, Руссо и др.). Позже эти идеи привели к созданию органической школы в социологии (О. Конт, Г. Спенсер). Первоначально (у Аристотеля, Платона и др.) социальное и общественное здоровье были неотделимыми друг от друга понятиями, характеризующими общество как единую целостную систему. Сейчас социальное здоровье представляет собой отдельную категорию, характеризующую включенность личности в общество.

Основным элементом здесь является изменение общественных взглядов на роль личности в построении социума (от пассивной к активной, от личности – объекта воздействия к личности – активному субъекту, изменяющему социальную реальность). Сейчас общество воспринимается как поле возможностей социальных субъектов для реализации своей активности. Причем вектор социального развития не задан, то есть в центре внимания оказывается социальный субъект (человек, семья, группа) и его действие.

Почему взгляды общества на роль личности так изменились? Или, другими словами, какие исторические предпосылки привели к разделению понятий «социальное» и «общественное» здоровье?

Исторически возникновение термина «социальное здоровье» обусловлено двумя факторами – постепенным смещением акцентов с общества на личность и объективной потребностью цивилизации в новом типе общественных отношений и, соответственно, в новом типе человека – человека деятельного, имеющего свою позицию, преобразующего социальную реальность.

Как исторически развивалось понимание роли личности во взаимоотношениях «личность – общество»? Первые упоминания об этом встречаются в трудах Платона и Аристотеля, которые писали о необходимости развития общественных институтов. Второй этап – эпоха Возрождения, когда утверждалась самоценность человеческой личности, развивались идеи гуманизма. В XVII–XVIII веках происходило становление буржуазных отношений, развитие демократии в Европе (Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза, Ж-Ж. Руссо, Ш.Л. Монтескье), развивались идеи о правах человека, теория общественного договора. Конец XVIII в. связан с развитием и господством концепции гражданского общества (Г.Ф. Гегель, А. де Токвиль), которая в течение XIX века превратилась из теории непосредственно в социальную реальность. В 60-е гг. XIX века сформировалась психология как самостоятельная научная дисциплина. Психология личности становится предметом научного познания, при этом главным фактором, влияющим на личность, выступает ее взаимодействие с обществом. Далее акцентированию внимания на личности как активном субъекте взаимодействия с обществом способствовало развитие таких теорий, как деятельностьная теория (деятельность – источник развития), конструктивизм и постмодернизм (прогресс – результат осознанных действий человека, человек – активный субъект деятельности), теория социальных реформ, концепция социального менеджмента, теория человеческого и социального капитала, концепция качества жизни и многие другие. В российской философской и научной мысли фундамент роста роли личности во взаимодействии с обществом заложили Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский.

Научно-исследовательская традиция в отечественной социально-философской литературе, посвященной изучению проблем здоровья, имеет свои особенности. Исследование ценностей и смысла жизни, соотношения индивидуального и общественного представляет центральный вопрос в философии всеединства Н.А. Бердяева, В.С. Соловьева и

П.А. Флоренского. Состояние здоровья рассматривается как комплексное явление, включающее в себя экономические условия развития общества, качество окружающей среды, условия, созданные обществом для реализации возможностей личности, а также оценку этих условий самой личностью (А.С. Акопян, Г.Н. Голухов, Ю.В. Шиленко, В.А. Бояджян, В.Ю. Семенов, Б.Г. Юдин, А.Ж. Демин). В отмеченном контексте здоровье представляет скорее «социальное явление, а не физическую сущность или характеристику индивидов, поскольку низкий уровень здоровья, высокая склонность к заболеваниям нарушают эффективное выполнение социальных ролей, поэтому здоровье, прежде всего, ценный социальный ресурс для индивидуальных достижений и стабильного функционирования общества» (А.В. Александрова, Н.А. Зоркая, Н.М. Мартынова).

Таким образом, социальное здоровье служит важной характеристикой как индивидуального здоровья личности, так и здоровья социума. На индивидуальном уровне социальное здоровье является интегральной характеристикой полноценности физического, психического, социального и духовного функционирования личности, зрелости механизмов личностной саморегуляции, способности человека эффективно взаимодействовать с другими людьми и выступать активным субъектом своей жизни. На уровне социума – это сущностная характеристика жизнеспособности всего общества как социального организма, его возможности гармоничного развития в экономической, политической, духовной сферах, способности всей общности и каждого ее члена в конкретных условиях наиболее эффективно выполнять свои социальные и биологические функции.

Анализ различных теоретико-методологических подходов к пониманию сущности социального здоровья дает возможность сделать вывод о том, что современное, мультидисциплинарное понимание социального здоровья сложилось относительно недавно. Одни ученые рассматривают социальное здоровье в русле «медицинской теории» (Г.Л. Волков, Н.И. Уткин, К.Н. Хабибуллин). Другие сводят анализ социального здоровья к поиску корреляционных связей между состоянием физического здоровья и социальными характеристиками (доходы, общественный статус и т.д.). Вместе с тем изучение социального здоровья общества как целостной системы, состоящей из отдельных подсистем и обеспечивающей длительное и благополучное состояние общества, находится на стадии формирования и систематизации комплекса знаний, накопленных в рамках различных научных дисциплин.

В ряду дискуссионных вопросов исследования социального здоровья находится его измерение и оценка. Эта проблема была поднята еще одним из основоположников социологии как самостоятельной науки – Эмилем Дюркгеймом (1858–1917). В труде «Метод социологии» он ставит задачу найти объективный критерий, позволяющий «научно различать здоровье от болезни в разных разрядах социальных явлений» [Дюркгейм, 1899]. Трудность оценивания социального здоровья состоит в отсутствии общепринятых критериев, позволяющих отличать больное общество от здорового. Тем более что нет показателей для сравнения социального здоровья населения России с социальным здоровьем населения других стран. Например, хотя Росстат и НИИ МВД предоставляют данные о потреблении алкоголя в России, не существует показателя, который определял бы, какие именно объемы потребления свидетельствуют об алкоголизме как о социальной болезни российского населения [Рывкина, 2008].

Как и в любом другом виде здоровья, состояние социального здоровья определяют по его диалектической противоположности – социальной болезни. Понятие «социальная болезнь» анализируется в концепции социальной патологии. Ее фундамент составляет органическая аналогия, согласно которой социальные проблемы представляют собой препятствие для «нормальной работы» социального организма, своего рода болезнь или патологию. С. Смит в своей работе «Социальная патология» (1911) по этому поводу писал: «Патология в социальной науке определенным образом параллельна патологии в медицине. Точно так же, как изучение физического заболевания имеет важное значение для поддержания физического здоровья, так и социальное здоровье не может быть крепким без более широкого и более определенного знания болезни социальной» [Иванов, 2008].

В том, что социальные патологии являются характеристикой социального здоровья, разногласий во мнениях ученых не наблюдается. Увеличение числа случаев асоциального поведения, в частности алкоголизма, наркомании, криминализации социальной среды, и резкий рост числа самоубийств служат теми критериями, которые свидетельствуют об актуальности проблемы социального нездоровья российского общества [Римашевская, 1999]. Однако в разных концепциях встречается различное понимание того, что является социальной болезнью и, соответственно, что является индикатором социального здоровья (табл. 3.1).

Таблица 3.1. Подходы к определению индикаторов социального здоровья

Источник	Индикатор
Энциклопедический словарь по психологии и педагогике (2013).	Социальные болезни – общее название болезней, возникающих в силу преимущественно социальных причин (таких, как нищета, <u>бездомность</u> , отсутствие заботы о детях, <u>миграция</u> , война, расовые, этнические и религиозные конфликты, профессиональные вредности, доступность алкоголя, наркотиков и мн. др.).
Перечень социально значимых заболеваний по МКБ-10 (Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. №715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих»)	Туберкулез, инфекции, передающиеся преимущественно половым путем, гепатит В и С, болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ), злокачественные новообразования, сахарный диабет, психические расстройства и расстройства поведения, болезни, характеризующиеся повышенным кровяным давлением.
Бабинцев В.П., Колпина Л.В.	Социальные болезни общества возможно рассматривать как совокупность факторов, препятствующих раскрытию физического, психического и социального потенциала личности.
Рывкина И.В.	<p>Виды социальных болезней в российском обществе:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Психологические социальные болезни – агрессивность, алкоголизм, антисемитизм, аполитичность, авторитаризм, аморальность, домогательство, деморализация, девиантность, доносительство, конфронтация, конфликтность, ксенофобия, маргинализация, отчуждение, наркотизация, национализм. 2. Политические социальные болезни – аполитичность, бандитизм, бюрократизм, бесправие, дедовщина, запретительство, идеологизация, конфронтация, конфликтность, карьеризм, криминализация, мафиозность, милитаризация, фашизация. 3. Экономические социальные болезни – нищенство, бедность, безработица, бездомность, беспризорность, коррупция, коммерциализация, «отмывание» денег, обнищание, олигархизация, рэкет, спекуляция, теневизация, фиктивная занятость, конфронтация, карьеризм, проституция, приписки, воровство, мошенничество, фальсификация, разорение, конкуренция, теневая экономика, тунеядство, «двойная бухгалтерия», клановость, хулиганство.
Сорокин П.А., Гурвич И.Н., Казначеев В.П., Лисицин Ю.П., Редько А.Н., Соколов А.Б., Комков А.П., Приступа Е.Н., Юландинская О.М., Прохоров Б.Б., Горшкова И.В., Шамаков Д.И., Тарасова Е.В.	К социально значимым заболеваниям относятся различные социальные патологии, девиантное поведение, отрицание норм и правил (также алкоголизм и наркомания).
Римашевская Н.М.	Социальное нездоровье населения проявляется в катастрофическом росте аномалий и асоциального поведения: алкоголизме; наркомании, особенно среди молодежи; криминализации социальной среды; резком увеличении числа самоубийств.
Смит С.	Патология в социальной науке определенным образом параллельна патологии в медицине. Точно так же, как изучение физического заболевания имеет важное значение для поддержания физического здоровья, так и социальное здоровье не может быть крепким без более широкого и более определенного знания болезни социальной.

Источник	Индикатор
Приступа Е.Н.	<p>Автором разработаны показатели и критерии нормы и отклонений социального здоровья школьника, позволяющие определить уровни сформированности изучаемого феномена (социально-приемлемый, социально-нейтральный, социально-неприемлемый). Социально-приемлемый (стандартный) уровень социального здоровья характеризуется соответствием социальным нормам, принимаемым большинством людей, вызывает одобрение, приводит к нормальной социально-психологической адаптации, социализации (социальной готовности), инкультурации, сформированной базовой культуре личности. Социально-нейтральный (маргинальный) – уровень, при котором проявления социального здоровья находятся на самой крайней границе социальных норм либо на стороне социальных отклонений, вызывает напряжение у окружающих людей. Социально-неприемлемый (нестандартный) уровень социального здоровья относится к латентным и явным социальным девиациям.</p>
Науменко Ю.В.	<p>Выделяет две формы здоровья: психофизиологическое (соматическое) и социально-психологическое, предлагает критерии социально-психологического здоровья:</p> <ul style="list-style-type: none"> ▪ осознание и чувство непрерывности, постоянства и идентичности своего физического и психического «Я»; ▪ чувство постоянства и идентичности переживаний в однотипных ситуациях; ▪ позитивная критичность к себе и собственной деятельности и ее результатам; ▪ способность управлять своим поведением в соответствии с социальными нормами, правилами и законами; ▪ способность позитивно планировать и реализовывать свою жизнедеятельность; ▪ способность изменять способ поведения в зависимости от смены жизненных обстоятельств и ситуаций.
Кузнецова И.В., Овчарова Р.В.	<p>Критерии социального здоровья детей и подростков:</p> <ul style="list-style-type: none"> ▪ адаптация в референтных общностях (семья, группа детского сада, класс); ▪ овладение ведущими и другими видами деятельности (игровая, учебная, учебно-профессиональная); ▪ овладение нормативным, правилосообразным поведением; ▪ уравновешенность процессов социализации и индивидуализации; ▪ выработка индивидуального стиля поведения (деятельности); ▪ наличие самоконтроля и саморегуляции поведения в зависимости от обстоятельств; ▪ общая средовая адаптация, интеграция в общество.
Соколов А.Б.	<p>Люди, имеющие обширные социальные связи с другими членами общества, менее подвержены болезням и чувствуют себя более здоровыми и счастливыми.</p> <p>Тип патологии, вызванной стрессом социальных изменений, включает в себя рост не только психических и психосоматических, но и инфекционных заболеваний. Он проявляется расширением алкоголизации, беспрецедентным ростом наркомании и детской токсикомании и оказывает сильное повреждающее действие на социальное здоровье популяции.</p> <p>Все это дает возможность рассматривать образ жизни как ключевой компонент механизма влияния социальных изменений на здоровье населения.</p>

С нашей точки зрения, поскольку по определению ВОЗ здоровье – это не только отсутствие заболеваний, но и состояние благополучия, социальные болезни, это наиболее доступный, элементарный, но не единственный показатель социального здоровья. **Мы разделяем точку зрения Т.Б. Соколовой, которая разграничивает объективный и субъективный критерии социального здоровья (вовлеченность человека в общественные отношения и его удовлетворенность этими отношениями) [Соколова, 2005].** Таким образом, на наш взгляд, оценка социального здоровья только по распространению социальных заболеваний недостаточна. Для комплексного и объективного анализа требуется учитывать общий психологический фон, создаваемый обществом, в том числе и теми его представителями, которые не имеют никаких социальных патологий.

Важно также отметить, что любые социальные отклонения, по сути, характеризуют степень дезадаптации личности в социуме, то есть социальное здоровье. Но, как нам видится, при таком подходе затрудняется процесс измерения социального здоровья и управления им. **Поэтому нам ближе подход А.Н. Редько, который в своей классификации вводит такое понятие, как «социально опасные патологии». К ним исследователь относит ряд заболеваний и форм поведения, которые «преимущественно связаны с моделью поведения, стилем и образом жизни» [Редько, 2006].**

Например, к социально значимым заболеваниям, список которых официально утвержден на законодательном уровне⁵ и которые, несомненно, являются индикаторами социального здоровья по своим ключевым признакам⁶, относятся сахарный диабет и болезни, характеризующиеся повышенным кровяным давлением; психические заболевания и алкоголизм. И на наш взгляд, между ними есть большая разница. **Психические заболевания и алкоголизм непосредственно отражают образ жизни человека, поэтому в первую очередь характеризуют его неспособность адаптироваться к жизни в социуме. Точно так же не совсем кор-**

---

⁵ Официальный перечень социально значимых заболеваний утвержден Постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 15 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ. – Режим доступа <http://base.garant.ru/12137881/#ixzz2yprLxNkf>

⁶ В самом общем виде социально значимые заболевания (в советской литературе использовался термин «социальные болезни») – это болезни, возникновение и (или) распространение которых в определяющей степени зависит от социально-экономических условий. Основной признак и одновременно ключевая проблема социально значимых болезней – способность к широкому распространению (массовость).

ректно рассматривать в качестве равнозначных индикаторов социального здоровья, например, самоубийства и ДТП или убийства и несчастные случаи, связанные с ожогами или утоплением.

В целом необходимо отметить, что, рассматривая комплексную проблему социальной консолидации, мы обращаемся к проблематике социального здоровья постольку, поскольку оно выступает индикатором социальной адаптации к существующим условиям жизни, а социальная адаптация, в свою очередь, представляет собой «механизм трансформационного процесса, а точнее – один из наиболее общих механизмов самоорганизации и саморазвития социума» [Козырева, 2011: 25]. Адаптация населения к условиям трансформирующегося общества интерпретируется как единство многоплановых и разноуровневых процессов приспособления индивидов и социальных групп к изменениям, которые вызваны радикальными преобразованиями, захватывающими все структуры российского общества. Центральное место среди них принадлежит социально-экономической адаптации, связанной с приспособлением человека к экономическим и организационным изменениям, рожденным новыми рыночными преобразованиями в России [Беляева, 2001: 109].

Новое понимание роли и места человека в системе общественных отношений требует и трансформации подхода к государственному управлению – перехода от традиционных форм и методов управления к человекоориентированной модели экономики, социальной сферы, политики, основанной на повышении качества жизни населения [Беляева, 2001: 4]. Такая трансформация предполагает необходимость внесения коррективов в систему индикаторов, отражающих эффективность государственного управления, а также выявления новых показателей, характеризующих государственное управление в соответствии с веяниями времени.

Социальное здоровье представляет один из таких показателей. Это комплексное понятие находит свое отражение и в зеркале официальной статистики, и в субъективных оценках населения. Исследование социального здоровья позволяет увидеть тенденции развития общества, уровень адаптации людей к существующим условиям бытия, проблемы и возможности реализации человеческого потенциала в конкретном социуме с его уникальной социально-экономической, политической и культурно-нравственной ситуацией; позволяет найти «болевы́е точки» общественного развития, в том числе и те из них, которые «скрыты» от официальной статистики; и, наконец, позволяет увидеть те нюансы, которые являются перспективными для управления в плане реализации любых (особенно

глобальных) преобразований; для того чтобы этот процесс происходил максимально эффективно, без таких тяжелых для общества потерь, которые наблюдались после развала СССР.

В рамках главы монографии крайне сложно подвергнуть тщательному анализу весь комплекс индикаторов, которые могли бы свидетельствовать о динамике состояния социального здоровья. В связи с этим мы будем исходить из концепции постмодернизма, согласно которой социальное здоровье – это прежде всего характеристика личности как социального феномена, то есть личности активного субъекта, взаимодействующего с социумом, адаптирующегося к нему и преобразующего социальную реальность. В этом отличие категории «социальное здоровье» от понятия «общественное здоровье», которое характеризует состояние и развитие всей совокупности общественных институтов, и в этом прослеживается тесная связь социального здоровья со здоровьем психическим.

3.2. Динамика показателей социального здоровья в 2000–2015 гг.

Современная концепция охраны здоровья проистекает из идеи неразрывной связи между тремя аспектами здоровья (физическим, психическим и социальным), когда ухудшение одного из них влечет за собой ухудшение других. Идея эта обусловлена тем, что в современных, все более усложняющихся, интенсифицирующихся условиях жизни расширяется перечень социальных факторов, оказывающих огромное влияние на здоровье отдельного человека и населения в целом. Такая ситуация заставила выделить в среде психических отклонений различной степени тяжести особые психосоциальные расстройства, обусловленные во многом именно социальными причинами (общая интенсификация жизни, повышение требований к человеку, смена социальных ценностей, резкое расслоение общества по уровню доходов, обнищание, безработица, социальные и национальные конфликты, техногенные аварии и катастрофы, войны, терроризм и пр.). В этой связи выделяются потенциальные группы риска – категории населения, находящиеся в ситуациях, способствующих более высокой опасности заболевания психическими и соматическими болезнями (беженцы; люди, живущие за чертой бедности; дети-сироты, выгнанные родителями из дому, живущие в обстановке насилия или совместно с алкоголиками или наркоманами; люди, живущие или побывавшие в зоне военных действий или вооруженных конфликтов и т.п.). В особые группы

зачислены также лица, которые злоупотребляют алкоголем, наркотиками и токсическими веществами и общее число которых в мире неуклонно растет.

В 90-х годах прошлого века снизились все основные показатели общественного психического здоровья россиян. По данным Министерства здравоохранения РФ, наиболее резко (на 35%) увеличилась заболеваемость непсихотическими формами (невротические, личностные расстройства), которые в наибольшей степени связаны с социальными причинами. По мнению Т.Б. Дмитриевой и Б.С. Положего, с учетом традиционно низкого выявления психиатрическими службами больных с этими видами патологии, реальное число заболевших было многократно выше [Дмитриева, Положий, 2002].

В конце 90-х годов Н.М. Римашевская замечала, что «70% населения России живет в состоянии затяжного психоэмоционального и социального стрессов, вызывающих рост депрессий, реактивных психозов, тяжелых неврозов и психосоматических расстройств... Социальное нездоровье населения проявляется в катастрофическом росте аномалий и асоциального поведения: алкоголизме; наркомании, особенно среди молодежи; криминализации социальной среды; резком увеличении числа самоубийств» [Римашевская, 1999]. В периоды экономических кризисов и резких социальных преобразований наиболее интенсивно происходит рост суицидального поведения молодежи [Хуснутдинова, 2015: 161].

Основными причинами ухудшения психического здоровья россиян в 90-х годах стали стресс от радикальных социальных изменений, психологическая неготовность россиян к этим изменениям, последствия социально-экономического кризиса [Дмитриева, Положий, 2002]. Ю.А. Александровский выделяет наиболее распространенные варианты расстройств, такие как: чрезмерная тревожность, астенические или депрессивные расстройства, сопровождающие апатию и отчужденность; аффективная неустойчивость; направленная вовне агрессия [Александровский, 2010: 102].

«Психологическое состояние современного российского общества остается далеко не удовлетворительным» [Юревич, 2015: 32], и это является одной из наиболее актуальных проблем. Несмотря на положительную динамику последнего десятилетия, психическое здоровье российского общества нельзя назвать крепким или устойчивым. На фоне мировой ста-

тистики Российская Федерация по-прежнему остается аутсайдером практически по всем показателям.

Уровень смертности от самоубийств выбран нами в качестве интегрального показателя состояния психического здоровья населения, поскольку данное явление обусловлено широким комплексом социальных и психологических факторов, действующих на каждого человека и формирующих общий психологический климат на определенной территории.

В ходе изучения общественного психического здоровья обращалось внимание на отдельные патологические и пограничные состояния, среди которых были выделены депрессия, тревога, неврозы. Одним из аспектов изучения общественного психического здоровья на территории Вологодской области стало исследование уровня и структуры фрустрируемых потребностей населения.

Анализ взаимосвязи между социально-экономическими условиями и психологическими особенностями населения важен с социологической точки зрения для понимания причин и факторов, детерминирующих динамику общественного мнения. Отслеживание динамики психического здоровья, уровня субъективного благополучия населения позволяет оценить последствия социально-экономических и политических изменений для общественного сознания, определить основные направления профилактики заболеваний населения психическими расстройствами, выработать политику по снижению остроты социальных проблем и уменьшению социального протеста.

Как отразились изменения социально-экономической и политической ситуации на психическом состоянии и уровне счастья населения региона, мы рассмотрели на примере Вологодской области. Для сравнения нами были выбраны данные о состоянии психического здоровья и субъективном благополучии до экономического кризиса и во время экономических кризисов 2008–2009 гг. и 2014–2015 гг.

По данным Федеральной службы государственной статистики динамика заболеваемости психическими расстройствами в стране и на территории Вологодской области имеет тенденцию к снижению. Контингент больных психическими расстройствами и расстройствами поведения в области, как и в целом по стране, в последние 20 лет постепенно сокращается. Однако до 2014 г. региональный показатель был значительно выше российского, только в 2014 г. его значение стало меньше среднего по стране (табл. 3.2).

Таблица 3.2. **Характеристика психического здоровья населения
Вологодской области**

Территория	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015 +/- к 2014	2015 +/- к 2000
<i>Заболеваемость психическими расстройствами*</i>												
Российская Федерация	83,7	67,5	55,3	54,6	52	49,1	47,7	46,5	44,0	42,9	-11,0	-40,8
Вологодская область	108	62,2	46,7	47,3	43,5	43,5	36,5	36,2	34,3	-	-	-
<i>Заболеваемость алкоголизмом и алкогольными психозами*</i>												
Российская Федерация	130,6	146,2	122,2	112,5	107,7	96,6	85,7	78,2	64,5	70,7	+6,2	-59,9
Вологодская область	98,8	150,2	123,7	104,2	104,2	99,9	86,3	71	47,2	-	-	-
<i>Контингент больных психическими расстройствами и расстройствами поведения**</i>												
Российская Федерация	1334,1	1259,7	1146,0	1122,9	1103,2	1084,7	1070,6	1334,1	1259,7	1048,3	-211,4	-285,8
Вологодская область	1453,6	1332,5	1216,9	1187,3	1128,1	1087,2	1034,2	1452,6	1332,5	-	-	-
<i>Контингент больных алкоголизмом и алкогольными психозами**</i>												
Российская Федерация	1508	1547	1367	1304	1261	1216	1155	1468	1421	1076	-432	-345
Вологодская область	1220	1408	1329	1329	1326	1283	1100	1403	1326	-	-	-
<i>Смертность от случайных алкогольных отравлений (на 100 тыс. нас.)</i>												
Российская Федерация	25,6	28,6	13,4	11,4	10,6	10,1	10,7	16,9	15	10,4	-15,2	-4,6
Вологодская область	25	38,8	17,4	13,5	13,3	15,8	14,8	15,2	18,8	-	-	-
* Число больных с диагнозом, установленным впервые, на 100 тыс. населения.												
** Численность больных, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях, на 100 тыс. нас. на конец года.												
Источник: База данных Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru).												

В динамике заболеваемости и смертности от алкоголизма и алкогольных психозов отчетливо выраженные позитивные тенденции отмечаются только с 2005 г. Уровень заболеваемости алкогольными психозами в Вологодской области почти 20 лет уверенно опережает средние значения по России.

Немаловажна оценка состояния психического здоровья российского и регионального сообщества по агрессивному и аутоагрессивному поведению. Проявление агрессии в обществе можно косвенно отследить по

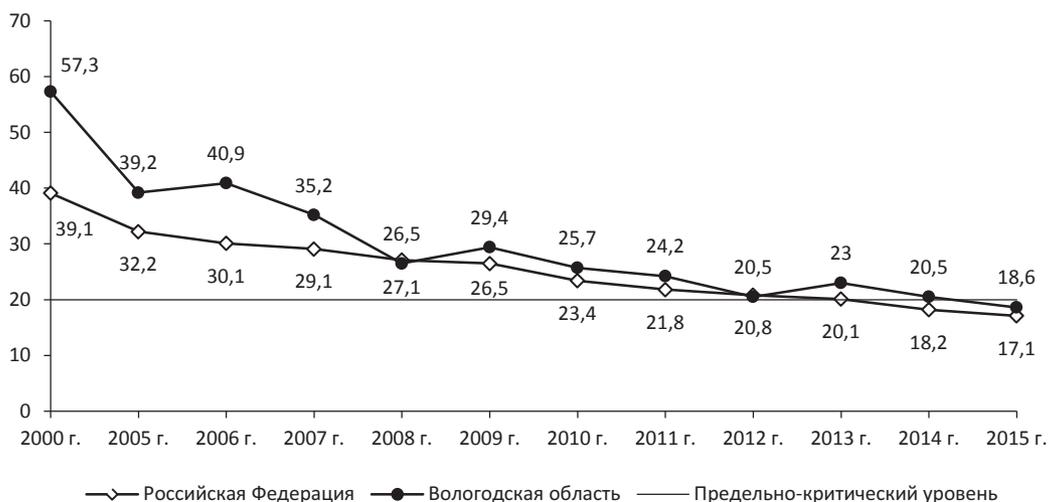
уровню преступлений против жизни и здоровья человека. Так, в период с 2008 по 2016 г. количество потерпевших, которым причинен тяжкий вред здоровью, увеличилось как на территории Российской Федерации, так и Вологодской области (табл. 3.3). Следует отметить пик преступлений на территории области в 2010 г. (45 потерпевших на 100 тыс. нас.). На протяжении всего периода областной показатель был выше общероссийского.

Таблица 3.3. **Характеристика преступлений против жизни и здоровья**

Субъект	Год											
	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015 +/- к 2014	2015 +/- к 2000
<i>Число зарегистрированных убийств и покушений на убийство (на 100 тыс. нас.)</i>												
Вологодская область	18,6	21,5	13,1	14,9	12,1	10,7	9,0	8,3	8,4	7,9	-0,5	-10,7
Российская Федерация	21,8	21,6	14,0	12,4	10,9	10,0	9,3	8,6	8,3	7,8	-0,5	-11,0
<i>Количество потерпевших, которым причинен тяжкий вред здоровью (на 100 тыс. нас.)</i>												
Вологодская область	-	-	31,1	38,6	44,8	35,3	32,4	32,1	36,7	39,0	+2,3	-
Российская Федерация	-	-	26,1	28,6	27,8	27,5	29,2	29,3	30,3	31,1	+0,8	-
Источник: База данных Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru).												

С 2000 г. по настоящее время смертность от самоубийств в стране и регионе постепенно снижается. За 2000–2015 гг. уровень суицидов в России уменьшился в 2,3 раза, в Вологодской области – в 3 раза (рис. 3.1). Развитию позитивных тенденций способствовала стабилизация политической и социально-экономической ситуации после 2000 г., однако в 2009 году отмечался небольшой всплеск суицидальной активности, а после 2009 г. темпы снижения смертности от суицидов незначительно замедлились, что было связано с негативными последствиями мирового финансового кризиса.

Аналогичные тенденции характерны и для Вологодской области, причем на региональном уровне в большей степени проявилось негативное влияние мирового финансового кризиса.

Рис. 3.1. Уровень смертности от самоубийств в России и Вологодской области (на 100 тыс. нас.)

Источник: База данных Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru).

Таким образом, анализ динамики уровня самоубийств на федеральном и региональном уровнях позволяет сделать вывод о наблюдаемой в России с 2000 г. относительно устойчивой тенденции снижения уровня суицидальной смертности, что свидетельствует об адаптации населения к изменившейся политической и социально-экономической ситуации. В 2015 г. общероссийский и региональный показатели уровня смертности от самоубийств впервые опустились ниже предельно критического уровня. Однако, несмотря на устойчивую положительную тенденцию сокращения официально зарегистрированных случаев суицида, остается высокой степень вероятности их недоучета официальной статистикой.

В 2015 г. уровень самоубийств среди жителей Вологодской области уменьшился среди лиц старше 60 лет и остался на прежнем уровне в возрастной группе от 10 до 19 лет и (табл. 3.4). Следует отметить, что изменения социально-экономической ситуации обуславливают нестабильность динамики смертности от суицидов. В период кризиса 2009 г. наиболее подверглись его воздействию на психику представители возрастных групп от 20 до 30 лет (возможно, по причине снижения возможностей трудоустройства) и старше 60 лет (это может быть связано с выходом на пенсию, резким ухудшением материального положения и возрастанием неопределенности финансового благополучия в период кризиса). В 2015 г. растет число суицидов среди трудоспособного населения, причем этот процесс более затрагивает людей в возрасте от 40 до 59 лет.

Таблица 3.4. **Возрастная структура смертности населения Вологодской области от самоубийств** (умерших на 100 тыс. населения)

Возрастная группа	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Среднее, 2000–2015 гг.	+/- к 2014	+/- к 2000
10–19 лет	8,8	12,0	15,2	12,1	12,8	11,9	8,8	11,9	7,2	7,0	9,7	12,1	5,3	4,5	6,2	6,2	9,4	0	-2,6
20–39 лет	61,0	56,4	57,0	69,6	55,6	40,9	43,2	37,5	25,3	33,7	27,8	23,7	19,9	25,8	19,8	21,9	38,7	+2,1	-39,1
40–59 лет	84,5	80,6	74,7	67,8	64,3	58,2	56,0	46,8	37,8	38,6	33,8	16,8	29,5	30,1	19,0	24,1	47,7	+5,1	-60,4
60 и более лет	71,4	69,4	63,0	55,0	62,0	46,7	57,8	47,3	36,7	45,3	38,1	26,9	27,2	30,0	27,3	23,6	45,5	-4,3	-47,8

Источник: рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru).

Мужчины традиционно чаще совершают самоубийства по сравнению с женщинами. Это является не только российской, но и общемировой тенденцией. На территории региона суицидальная активность мужской части населения на протяжении рассматриваемого периода значительно превышала предельно критический уровень, установленный ВОЗ (рис. 3.2).

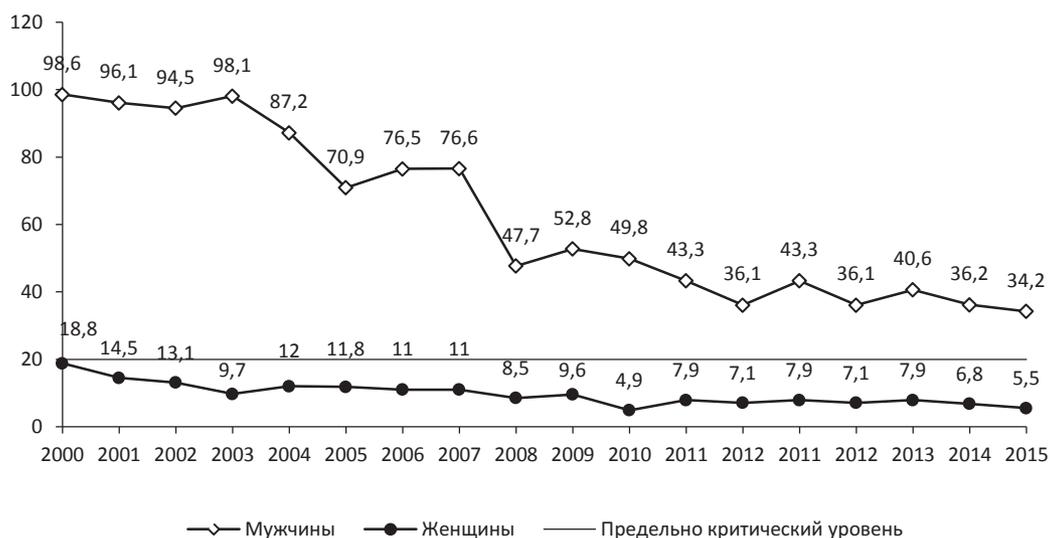

Рис. 3.2. **Уровень завершённых самоубийств среди мужчин и женщин Вологодской области** (умерших на 100 тыс. населения)

Источник: База данных Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru).

Среди жителей сельской местности самоубийства совершаются значительно чаще, чем среди горожан (рис. 3.3). Причина этого состоит в более тяжелых социально-экономических условиях.

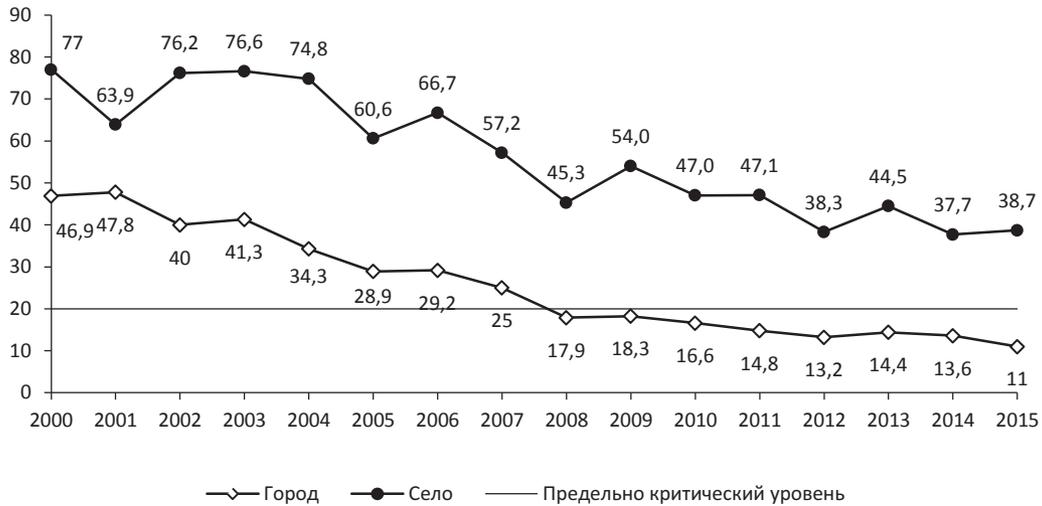

Рис. 3.3. **Смертность сельского и городского населения Вологодской области от самоубийств** (умерших на 100 тыс. населения)

Источник: База данных Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru).

Исследование латентного уровня самоубийств на территории Вологодской области показало, что по степени распространенности отобранные причины смертности располагаются в следующем порядке: случайные отравления, случайные удушения, падения с высоты, огнестрельные ранения [Морев, 2008].

За период 2006–2015 гг. число латентных самоубийств по отношению к официально регистрируемым увеличилось с 86 до 151%. При исследовании латентного уровня самоубийств на территории Вологодской области следует отметить, что в 2008–2009 гг., то есть в период наибольшего негативного влияния мирового финансового кризиса, в области фиксировался рост смертности по отобранным причинам (в 2006 году – 433 случая, в 2007 гоу – 370, в 2008 году – 441, в 2009 году – 467, в 2010 году – 460; табл. 3.5). После 2011 года смертность по указанным причинам идет на спад (до 336 случаев в 2015 году).

Таблица 3.5. Латентный уровень самоубийств в Вологодской области

Причины смерти (абс.)	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015 +/- к 2014 г.	2015 +/- к 2006 г.
Случайное удушение	88	83	76	87	83	84	78	67	58	34	-24	-54
Прочие случайные отравления	268	212	298	315	316	294	251	235	253	248	-5	-20
Падение, прыжок или столкновение с высоты с неопределенными намерениями	77	71	65	65	59	57	51	38	39	46	+7	-31
Несчастный случай, вызванный огнестрельным оружием	0	4	2	0	2	2	0	2	0	8	+8	+8
Итого	433	370	441	467	460	437	380	342	350	336	-14	-97
Самоубийства	504	431	323	357	309	144	121	275	243	223	-20	-281
Латентный уровень суицидальной смертности	433	370	441	467	460	437	380	342	350	336	-14	-97
Реальный уровень суицидальной смертности	937	801	764	824	769	577	501	617	593	559	-34	-378
Латентный уровень самоубийств в % к официально регистрируемому	86	86	137	131	149	304	314	124	144	151	+7	+65
Реальный уровень самоубийств в % к официально регистрируемому	186	186	237	231	249	401	414	224	244	251	+7	+65
Источник: рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru).												

Таким образом, предполагая, что среди эпизодов смертности от случайных удушений, отравлений, падений с высоты и огнестрельных ранений велика доля суицидов, можно утверждать, что уровень латентной суицидальной смертности снижается значительно меньшими темпами, чем официально зарегистрированной. За период с 2006 по 2015 г. латентная смертность от суицидов снизилась в 1,3 раза, уровень официально зарегистрированных самоубийств – в 1,7 раза (рис. 3.4).

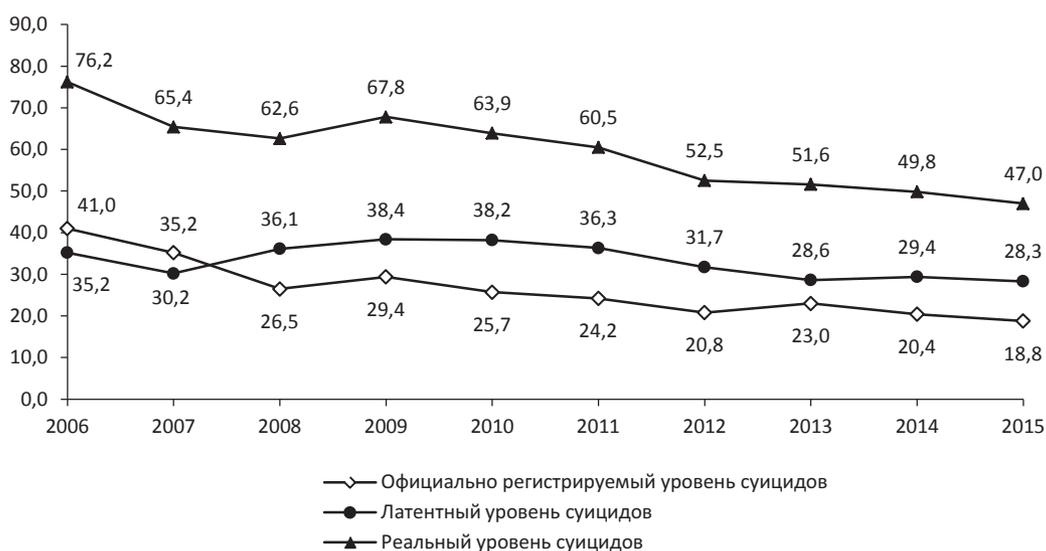

Рис. 3.4. **Официально регистрируемый, латентный и реальный уровень суицидальной смертности в Вологодской области** (на 100 тыс. нас.)

Источник: рассчитано авторами по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области.

За указанный период количество латентных самоубийств уменьшилось среди мужчин (с 350 до 268 случаев) и женщин (с 83 до 68 случаев; табл. 3.6). Индекс сверхсуицидальности мужчин на самом деле составляет не 5,4 (среднее значение за 2000–2015 гг.), как это утверждает официальная статистика, а 4,4 раза (среднее значение за 2000–2015 гг.), что в целом несколько ближе к общемировым тенденциям (по различным данным на одно женское самоубийство приходится от 3 до 4 суицидов среди мужчин) [139; 140, с. 27]. При этом следует отметить всплеск латентных самоубийств среди женщин в 2009–2010 и 2013 гг.

Таблица 3.6. **Латентный уровень самоубийств среди мужчин и женщин Вологодской области** (абс.; мужчины / женщины)

Причины смерти	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015 +/- к 2014 г.	2015 +/- к 2006 г.
Случайное удушение	75/ 13	64/ 19	58/ 18	67/ 20	67/ 16	63/ 21	62/ 16	54/ 13	40/ 18	28/ 6	-12/ -12	-47/ -7
Прочие случайные отравления	208/ 60	155/ 57	225/ 73	248/ 67	240/ 76	224/ 70	177/ 74	161/ 74	192/ 61	199/ 49	+7/ +12	-9/ -11

Окончание таблицы 3.6

Причины смерти	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015 +/- к 2014 г.	2015 +/- к 2006 г.
Падение, прыжок или столкновение с высоты с неопределенными намерениями	67/ 10	59/ 12	54/ 11	42/ 23	40/ 19	39/ 7	30/ 17	25/ 13	26/ 13	33/ 13	+7/ 0	-34/ +3
Несчастный случай, вызванный огнестрельным оружием	0/0	4/0	2/0	0/0	2/0	1/1	0/0	2/0	0/0	8/0	+8/ 0	+8/ 0
Итого	350 /83	282/ 88	339/ 102	357/ 110	349 /111	327/ 99	269/ 107	242/ 100	258/ 92	268/ 68	+10/ -24	-82/ -15
Самоубийства	431/ 73	370/ 61	267/ 56	294/ 63	277/ 32	239/ 51	199/ 46	224/ 51	199/ 44	188/ 35	-11/ -9	-243/ -38
Индекс сверх-суицидальности мужчин	5,9	6,1	4,8	4,7	8,7	4,7	4,3	4,4	4,5	5,4	0,9	-0,6
Латентный уровень суицидальной смертности	350/ 83	282/ 88	339/ 102	357/ 110	349/ 111	327/ 99	269/ 107	242/ 100	258/ 92	268/ 68	+10/ +24	-82/ -15
Реальный уровень суицидальной смертности	781/ 156	652/ 149	606/ 158	651/ 173	626/ 143	566/ 150	468/ 153	466/ 151	457/ 136	486/ 103	+29/ -33	-295/ -53
Латентный уровень самоубийств к официально регистрируемому (%)	81/ 114	76/ 144	127/ 182	121/ 175	126/ 347	137/ 194	135/ 233	108/ 196	130/ 209	143/ 194	+13/ -15	+61/ +81
Реальный уровень самоубийств к официально регистрируемому (%)	181/ 214	176/ 244	227/ 282	221/ 275	226/ 447	237/ 294	235/ 333	208/ 296	230/ 309	243/ 294	+13/ -15	+61/ +81
Источник: рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru).												

Динамика латентного и официально регистрируемого уровня суицидов среди мужчин в целом аналогична (рис. 3.5). Среди женщин наблюдается иная картина: каждый год положительные или отрицательные изменения в официально регистрируемом уровне самоубийств сопровождаются противоположными изменениями в уровне смертности от случайных падений, удушений, отравлений и огнестрельных ранений (рис. 3.6). На наш взгляд, это говорит о том, что особенно актуальна именно проблема «замалчивания» женской суицидальной статистики.

В этом случае уровень женских суицидов на территории региона существенно занижен, хотя, как показывает практика зарубежных и отечественных исследований, он не может быть выше уровня смертности от самоубийств среди мужчин.

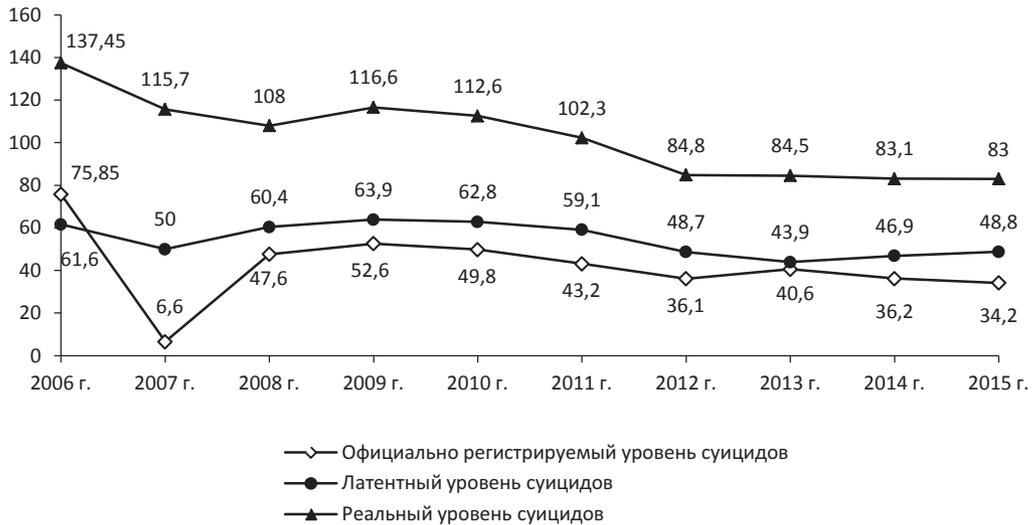

Рис. 3.5. **Официально регистрируемый, латентный и реальный уровень суицидальной смертности мужчин в Вологодской области (на 100 тыс. нас.)**

Источник: рассчитано авторами по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области.

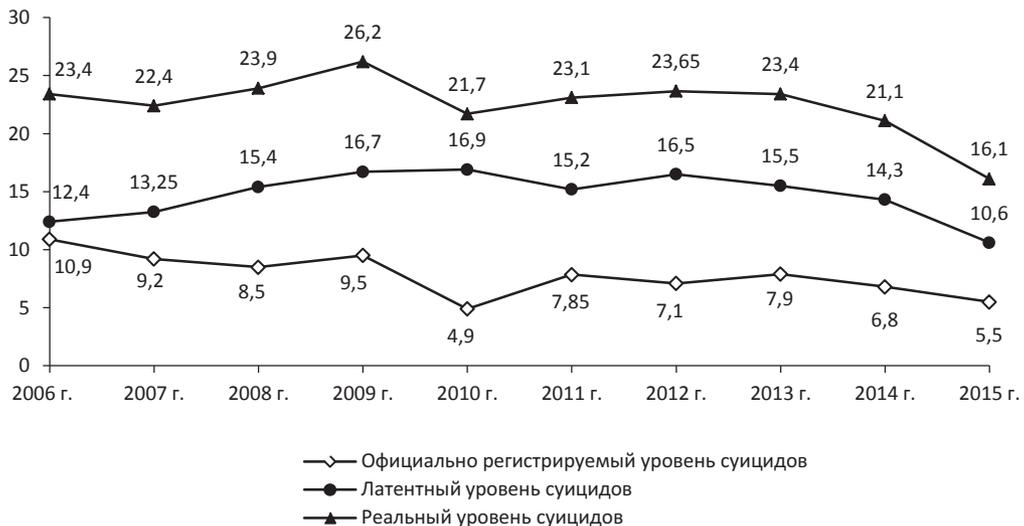

Рис. 3.6. **Официально регистрируемый, латентный и реальный уровень суицидальной смертности женщин в Вологодской области (на 100 тыс. нас.)**

Источник: рассчитано авторами по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области.

В распределении по городским и сельским территориям динамика латентного уровня самоубийств в целом совпадает с теми тенденциями, которые зафиксированы в официальной статистике (рис. 3.7 и 3.8).

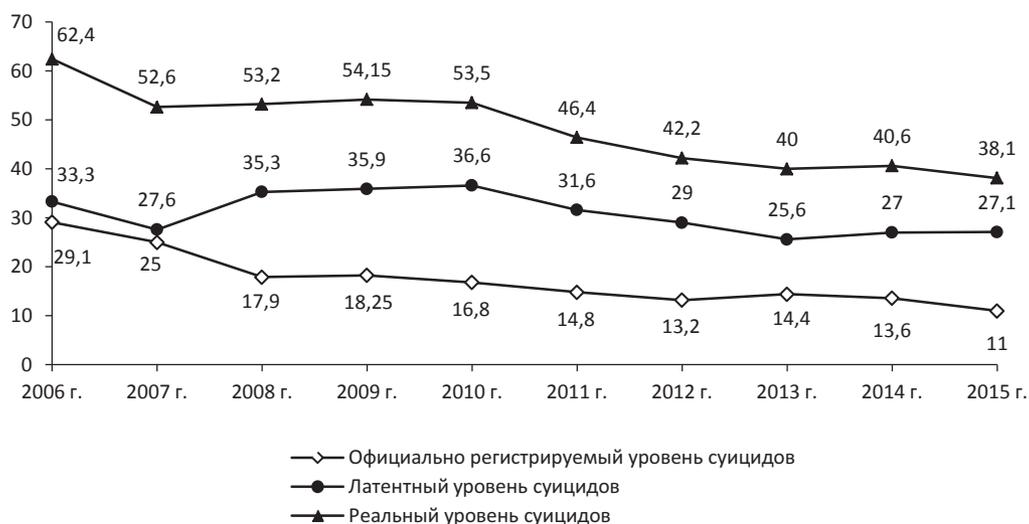

Рис. 3.7. **Официально регистрируемый, латентный и реальный уровень суицидальной смертности жителей городской местности в Вологодской области** (на 100 тыс. нас.)

Источник: рассчитано авторами по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области.

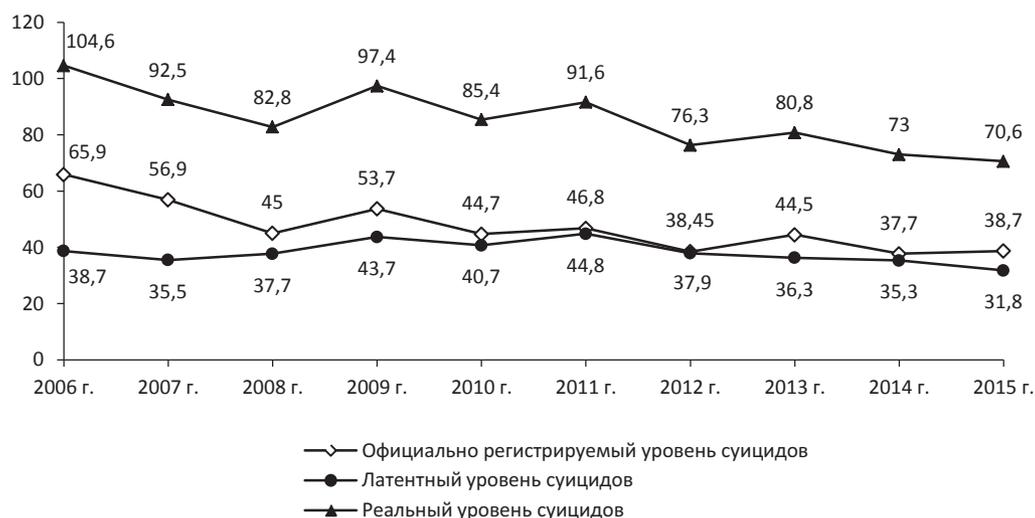

Рис. 3.8. **Официально регистрируемый латентный и реальный уровень суицидальной смертности жителей сельской местности в Вологодской области** (на 100 тыс. нас.)

Источник: рассчитано авторами по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области.

Следует отметить, что с 2010 г. количество смертей от случайных удушений остается стабильным среди жителей города (табл. 3.7). Этот способ ухода из жизни отличается повышенной степенью вероятности летального исхода (в отличие, например, от отравлений и вскрытия вен). Это является важным социально-психологическим показателем, свидетельствующим о стабильности так называемых «истинных» случаев суицида на фоне уменьшения «демонстративных» эпизодов сведения счетов с жизнью. При всех положительных тенденциях снижения как официально регистрируемого, так и латентного уровня самоубийств остается стабильным число людей, для которых суицид является продуманным, подготовленным решением, а не актом демонстративного характера.

Таблица 3.7. **Латентный уровень самоубийств среди жителей городских и сельских территорий Вологодской области** (абс.; город / село)

Причины смерти	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2015 +/- к 2014 г.	2015 +/- к 2006 г.
Случайное удушение	39/ 49	52/ 31	40/ 36	47/ 40	42/ 41	41/ 43	38/ 40	40/ 27	41/ 17	22/ 12	-19/ -5	-17/ -37
Прочие случайные отравления	184/ 84	125/ 87	209/ 89	211/ 104	222/ 94	191/ 103	166/ 85	145/ 90	155/ 98	168/ 80	13/ -18	-16/ -4
Падение, прыжок или столкновение с высоты с неопределенными намерениями	58/ 19	53/ 18	46/ 19	43/ 22	43/ 16	35/ 11	43/ 5	32/ 6	35/ 4	36/ 10	+1/ +6	-22/ -9
Несчастный случай, вызванный огнестрельным оружием	0/0	2/2	1/1	0/0	0/2	2/0	0/0	1/1	0/0	6/2	+6/ +2	+6/+2
Итого	281/ 152	232/ 138	296/ 145	301/ 72	307/ 153	269/ 157	247/ 130	218/ 124	231/ 119	232/ 104	+1/ -15	-49/ -48
Самоубийства	245/ 259	210/ 221	150/ 173	153/ 204	141/ 168	126/ 164	113/ 132	123/ 152	116/ 127	94/ 129	-22/ +2	-151/ -130
Индекс сверхсуицидальности жителей сельских территорий	1,06	1,05	1,15	1,33	1,19	1,3	1,17	1,24	1,06	1,37	+0,31	+0,31
Латентный уровень суицидальной смертности	281/ 152	232/ 138	296/ 145	301/ 166	307/ 153	269/ 157	247/ 130	218/ 124	231/ 119	232/ 104	+1/ +15	-49/+ 48
Реальный уровень суицидальной смертности	526/ 411	442/ 359	446/ 318	454/ 370	448/ 321	395/ 321	360/ 262	341/ 276	347/ 246	326/ 233	-21/ -13	-200/ -178
Латентный уровень самоубийств к официально регистрируемому, %	115/ 59	111/ 62	197/ 84	197/ 81	218/ 91	214/ 96	219/ 99	177/ 82	199/ 94	247/ 81	+48/ -7	+132/ +22
Реальный уровень самоубийств к официально регистрируемому, %	115/ 159	111/ 162	197/ 184	197/ 181	318/ 191	314/ 196	319/ 199	277/ 182	299/ 194	347/ 181	+48/ -7	+132/ +22

Источник: рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru).

Таким образом, результаты исследований, проводимых ВолНЦ РАН, свидетельствуют о том, что динамика самоубийств отражает тенденции общественного развития, причем связь психологического состояния общества и суицидальных тенденций прослеживается как на официально регистрируемом, так и на латентном уровне. Важно отметить, что в группу риска входят мужчины, жители сельской местности, наименее обеспеченные слои населения, вдовы и разведенные.

Несмотря на достаточно устойчивую тенденцию снижения числа самоубийств в стране и регионе, в психологическом состоянии общества существуют определенные проблемы, которые проявляют себя преимущественно на латентном уровне – скрытом от официальной статистики. В рамках регулярного мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН определяется доля жителей, испытывающих симптомы тревоги, депрессии, невроза, что позволяет зафиксировать тонкую грань, когда состояние неудовлетворённости жизнью переходит на уровень патологических нарушений психического здоровья, которые, в свою очередь, могут инициировать такие аутодеструктивные социальные явления, как самоубийства.

Судя по результатам исследования, проведенного в 2002–2015 гг., за рассматриваемый период доля жителей Вологодской области, отмечающих у себя признаки тревоги, депрессии и невроза, уменьшилась (рис. 3.9). Тем не менее удельный вес тех, у кого отмечаются симптомы этих патологических состояний, остается достаточно значительным: по данным за 2015 г. у каждого четвертого отмечают признаки тревоги или депрессии, у 12% населения – симптомы невроза.

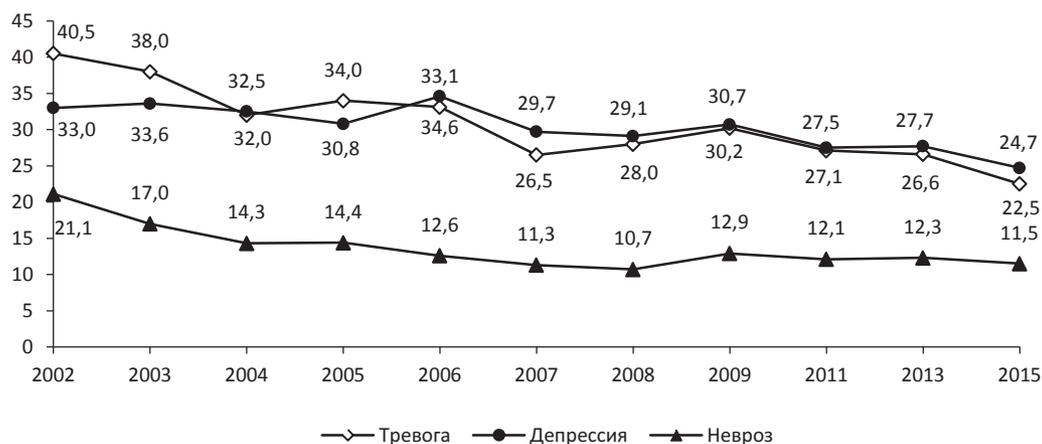

Рис. 3.9. Доля жителей области, проявляющих симптомы тревоги, депрессии, невроза (в % от числа опрошенных)

Источник: данные мониторинга общественного психического здоровья ВолНЦ РАН (с 2009 г. опрос проводится 1 раз в 2 года).

В общественном мнении жителей Вологодской области нашли свое отражение негативные последствия мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. и экономического кризиса 2014–2015 гг.

С 2002 по 2008 г. наблюдается уменьшение доли людей с проявлениями психических расстройств в виде тревоги, депрессии и неврозов (см. рис. 3.9), что можно объяснить стабилизацией к середине 2002 г. общественно-политической и социально-экономической ситуации: в России продолжалось реформирование экономики и социальной сферы, были определены основные направления дальнейшего совершенствования государственного устройства. За эти годы доля людей, негативно характеризующих свое эмоциональное состояние, снизилась на 20%.

Незначительное увеличение в 2005–2006 гг. доли жителей области, испытывающих тревожность, вызвано изменениями социальной политики государства, в частности монетизацией льгот, которая сильнее ударила по благосостоянию пенсионеров, военнослужащих и приравненных к ним категорий населения.

В 2009 г. снова происходит всплеск роста удельного веса тех, кто преимущественно испытывает напряжение, раздражение, страх, тоску; незначительно увеличился удельный вес жителей области, проявляющих признаки депрессии (с 29 до 31%) и тревоги (с 27 до 30%). Скорее всего, таким образом на психологическом самочувствии отражались опасения населения по поводу дальнейшего развития социально-экономической ситуации в стране и регионе. По данным исследований ВолНЦ РАН, в декабре 2008 г. около половины семей Вологодской области (49%) начали сталкиваться с такими последствиями кризиса, как снижение заработной платы и социальных выплат (36%), задержки заработной платы (21%), увольнение с работы (20%), закрытие организации, в которой работали (13%). В феврале 2009 г. ухудшение социально-экономической ситуации ощутили на себе около 83% жителей региона, в июне – уже 93%. В 2015 году отметили, что стали жить хуже, 35% жителей региона; каждый десятый столкнулся с потерей работы, каждый третий – с ухудшением материального положения.

Позитивные изменения произошли после 2009 г.: заметное снижение степени тревожности и депрессии на предпатологическом уровне свидетельствует о психологической адаптации населения к быстро меняющейся политической и социально-экономической ситуации.

Еще одно наглядное отражение влияния кризиса 2008–2009 гг. на психическое здоровье – это выявленное в социологических опросах увеличение распространенности симптомов тревоги и депрессии на клиническом уровне, требующем вмешательства квалифицированного специалиста по охране психического здоровья (табл. 3.8).

Таблица 3.8. **Тревожность и депрессивность среди жителей региона в 2002–2015 гг.**
(в % от числа опрошенных)

Уровень тревоги и депрессии	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2011	2013	2015	2015 +/- к 2013	2015 +/- к 2002
Субклинически выраженная тревога	37,8	35,4	30,6	31,5	31,3	25,1	27,0	27,9	25,3	24,5	21,3	-3,2	-16,5
Клинически выраженная тревога	2,5	2,8	2,7	2,7	1,6	1,6	0,9	2,3	1,8	2,1	1,2	-0,9	-1,3
Субклинически выраженная депрессия	30,3	30,3	29,1	28,5	31,5	26,9	26,1	27,3	24,2	24,6	22,3	-2,3	-8,0
Клинически выраженная депрессия	2,6	3,0	3,1	2,3	2,9	2,7	2,9	3,3	3,3	3,1	2,4	-0,7	-0,2

Источник: результаты мониторинга общественного психического здоровья ВолНЦ РАН. Проводится ежегодно с 2002 г., с 2009 г. – раз в два года.

Субъективное восприятие индивидом окружающей действительности во многом определяется социальными условиями его существования, поэтому состояние его психического здоровья также зависит от таких параметров, как круг общения, уровень материального благополучия, условия проживания, профессиональная деятельность и т.д.

По данным опросов 2015 г., признаки психопатологии чаще всего проявляются следующими категориями населения:

- мужчины старше 60 лет (46%), женщины старше 55 лет (43%);
- жители области, состоящие в зарегистрированном браке, но проживающие раздельно (64%);
- люди без образования (50%) или с неполным средним образованием (42%);
- люди, относящие себя к «бедным» (42%) и «нищим» слоям населения (49%);
- люди с низкой покупательной способностью доходов (73%);
- пенсионеры (51%), инвалиды (75%), безработные (48%).

Симптомы рассматриваемых патологических состояний в 2009 г. значительно чаще проявляли жители области с высоким уровнем благосостояния (табл. 3.9). Согласие с полученными данными высказали и другие российские эксперты. Так, в выступлении на конгрессе «Социальная психиатрия будущего» глава Научного центра социальной и судебной психиатрии Т.Б. Дмитриева отметила: «В условиях финансового кризиса негативное значение имеет стрессовая ситуация у людей, которые еще вчера представляли средний класс, а сегодня много лишились» [Финансовый кризис..., 2009]. Вместе с тем, по мере развития, кризисные явления отразились на широких слоях общества. По сравнению с 2008 г. в 2009 г. симптомы депрессии участились в группе мужчин от 30 до 60 лет, тревоги – среди женщин до 30 лет.

Таблица 3.9. **Доля людей, проявляющих признаки тревоги или депрессии**
(в % от числа опрошенных)

Категория населения	Признаки депрессии				Признаки тревоги			
	2002 г.	2008 г.	2009 г.	2015 г.	2002 г.	2008 г.	2009 г.	2015 г.
<i>Доходные группы</i>								
20 % наименее обеспеченных	54,8	32,9	36,2	39,5	39,6	36,8	34,5	36,9
60 % среднеобеспеченных	46,4	33,8	33,0	23,6	40,9	27,6	31,3	20,8
20 % наиболее обеспеченных	27,4	13,6	20,1	12,2	22,3	15,8	25,8	12,1
<i>Пол / Возраст</i>								
Мужчины до 30 лет	21,8	19,2	20,1	20,7	19,8	18,7	21,7	19,5
Мужчины 30 – 60 лет	33,1	21,3	28,7	21,7	32,5	25,8	22,4	19,4
Мужчины старше 60 лет	50,5	48,6	44,2	39,2	63,2	30,1	30,8	23,2
Женщины до 30 лет	36,1	16,2	19,1	13,1	19,2	22,5	30,3	22,2
Женщины 30 – 55 лет	47,7	27,7	27,0	21,8	28,6	30,7	36,5	22,6
Женщины старше 55 лет	58,4	49,2	47,4	33,4	61,2	36,4	37,9	27,6
Источник: результаты мониторинга общественного психического здоровья ВолНЦ РАН.								

Изменение социально-экономической и политической ситуации в 2014–2015 гг. не повлекло за собой резкого ухудшения эмоционального фона и психического здоровья, как в 2009 г., однако в большей степени отразилось на группе наименее обеспеченных жителей области. В 2015 году проявления симптомов рассмотренных патологических состояний достигли докризисного уровня 2008 г. Но и осознание того, что страна находится в кризисе, пришло позже: по данным исследовательского холдинга «Ромир», в 2015 г. уже большинство опрошенных (71%) уверены, что страна все же погрузилась в кризис. Чаще о наличии кризиса в стране говорили респонденты из старших возрастных групп, а также представи-

тели низко- и среднедоходной групп. Основным признаком кризиса 2014–2015 гг. россияне (79%) называют рост цен и высокую инфляцию, что наиболее остро воспринимается респондентами старше 60 лет. Более трети россиян (35%) видят проявление кризиса в сокращении зарплат. В 2015 г. этот показатель вырос на треть по сравнению с уровнем 2014 года. Еще треть респондентов (34%) упомянули о сокращениях персонала на предприятиях и росте безработицы [Россияне поняли..., 2016].

Сравнение показателей пограничных состояний в 2002 и 2015 гг. также выявляет тенденцию к укреплению психического здоровья населения Вологодской области. По сравнению с 2002 годом в 2015 году проявления психических расстройств снизились в 1,5 раза. При этом произошло сокращение численности респондентов в состоянии тревоги и с признаками невроза в 1,8 раза, с признаками депрессии – в 1,3 раза. В наибольшей степени укрепилось психическое здоровье в старших возрастных группах.

Среди неработающих жителей области распространенность признаков негативных психических состояний выше, однако ухудшение показателей психического здоровья отмечается не только среди безработных, но и среди работающего населения (табл. 3.10).

Таблица 3.10. **Распространение симптомов тревоги, депрессии, невроза в зависимости от рода занятий населения Вологодской области** (в % от числа опрошенных)

Группы населения по роду занятий	Тревога				Депрессия				Невроз			
	2002 г.	2008 г.	2009 г.	2015 г.	2002 г.	2008 г.	2009 г.	2015 г.	2002 г.	2008 г.	2009 г.	2015 г.
Работающие	34,3	25,9	29,8	20,1	27,3	21,7	26,7	21,2	15,9	10,1	11,8	11,2
Безработные, в том числе:	48,6	32,9	30,4	28,3	55,3	45,5	39,4	39,7	27,1	12,6	14,9	12,4
студенты, учащиеся	29,6	17,8	22,1	16,1	17,0	16,8	15,8	10,7	20,2	15,0	10,5	12,5
пенсионеры, инвалиды	58,7	38,6	33,0	28,3	63,4	57,5	48,4	43,8	27,1	12,5	15,7	13,2
безработные (официально зарегистрированные), неработающие	46,9	33,3	30,4	30,1	38,8	40,4	31,9	40,7	22,4	8,8	21,7	10,2

Источник: результаты мониторинга общественного психического здоровья ВолНЦ РАН.

С одной стороны, это связано с опасениями по поводу возможности увольнения: так по данным Департамента занятости населения уровень безработицы на территории Вологодской области в 2009 г. увеличился с 2,4% в январе до 4,2% в сентябре.

С другой стороны, снижение уровня распространенности признаков тревоги и депрессии среди неработающего населения связано с антикризисными мерами государства, направленными на поддержание уровня доходов людей, потерявших работу (увеличение минимального и максимального размеров пособия по безработице с 1 января 2009 г. до 850 и 4900 рублей соответственно – в 1,5 раза).

Экономический кризис 2014–2015 гг. в меньшей степени, чем предыдущий, сказался на росте безработицы. В 2009 г. число безработных по сравнению с докризисным периодом возросло в 2 раза (с 26 до 52 тыс. чел.). В 2015 г. – с 35 до 42 тыс. чел. (в 1,2 раза), а размер пособия по безработице остался на уровне 2009 года.

Часто тревожность и другие проявления психического расстройства вызываются финансовыми и материальными проблемами. Так, среди тех, у кого денег достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать, в 9 раз больше число людей с отсутствием симптомов психических расстройств, чем число лиц с такими симптомами (табл. 3.11). А среди тех, у кого денег хватает только на приобретение продуктов питания, это уже равные по численности категории. Среди населения, у которого денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, преобладают лица, проявляющие признаки психического расстройства (их численность выше в 2,6 раза). Подобная пропорция для последней группы была характерна и в 2002 г.

Таблица 3.11. Распространенность симптомов тревоги, депрессии, невроза в зависимости от материального положения населения (в % от числа опрошенных)

	Жители области, не имеющие симптомов тревоги, депрессии или невроза		Жители области, имеющие симптомы тревоги, депрессии или невроза	
	2002 год	2015 год	2002 год	2015 год
<i>Как Вы считаете, какое из приведенных ниже высказываний наиболее соответствует сложившейся ситуации?</i>				
Все не так плохо и можно жить	43,0	41,6	19,2	11,3
Жить трудно, но можно и терпеть	41,3	37,5	48,3	50,6
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	7,8	10,6	20,4	25,1
<i>Как бы Вы оценили материальное положение своей семьи:</i>				
Очень хорошее	3,0	2,1	1,3	0,7
Хорошее	14,5	12,6	6,0	8,2
Среднее	57,4	59,6	44,3	45,2
Плохое	19,4	18,2	31,4	30,9
Очень плохое	2,0	2,7	10,3	7,8

<i>Какая из приведенных ниже оценок наиболее точно характеризует Ваши денежные доходы?</i>				
Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	66,0	90,0	34,0	10,0
Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна	79,0	82,4	21,0	17,6
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом	53,2	72,6	46,8	27,4
Денег хватает только на приобретение продуктов питания	31,6	51,1	68,4	48,9
Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги	26,7	27,1	73,3	72,9
Источник: результаты мониторинга общественного психического здоровья ВолНЦ РАН.				

При оказании квалифицированной помощи людям с психическими расстройствами остро встает вопрос о доверии и желании со стороны последних обратиться за помощью к специалистам (психологу, психиатру, психотерапевту). В 2015 году население области высказывает меньше доверия в отношении помощи специалистов. Только треть респондентов (30%) готовы сразу обратиться за помощью к квалифицированному специалисту в случае необходимости (отмечается небольшой рост по сравнению с 2002 годом). Практически половина опрошенных (46%) думают, что смогут справиться сами, и эта группа увеличилась по сравнению с показателями 2002 года на 13%.

Резкое изменение произошло и во мнении респондентов относительно доступности услуг квалифицированного специалиста по месту жительства. Если в 2002 году более двух третей населения положительно решали вопрос о необходимости доступной помощи специалистов («Да, это необходимо» – 36%, «Да, наверное, не помешала бы» – 34%), то в 2015 году только треть респондентов (33%) ответили на данный вопрос утвердительно («Да, это необходимо» – 16%, «Да, наверное, не помешала бы» – 17%). Более половины респондентов (53%) не видят необходимости в наличии доступной помощи по месту жительства населению с психическими расстройствами (по сравнению с 13% в 2002 году).

На уровень распространенности симптомов негативных психических состояний влияет субъективная самооценка людьми своей жизни в целом, оптимистический или пессимистический настрой, сквозь призму кото-

рого они воспринимают окружающую реальность. По данным мониторинга ВолНЦ РАН, счастливые люди в 2,5 раза чаще отмечают, что удовлетворены состоянием собственного здоровья (68% против 26% чувствующих себя несчастливыми) и здоровья своих близких (62 и 23% соответственно). Каждый второй счастливый человек оценивает состояние своего здоровья как очень хорошее или довольно хорошее. Среди субъективно неблагополучных людей только каждый шестой дает высокую оценку собственному здоровью, а каждый третий оценивает здоровье как плохое и даже очень плохое (в противовес 5% среди счастливых людей). Подтверждают полученный вывод и данные о взаимосвязи уровня счастья с отдельными показателями здоровья. Так, среди счастливых людей только каждый четвертый (25%) жалуется на то, что редко просыпается отдохнувшим (для сравнения: практически половина (44%) среди тех, кто ощущает себя несчастливым, жалуется на плохой сон). Счастливые люди чаще чувствуют себя бодрыми (61% против 19% несчастливых) и энергичными (67 и 22% соответственно).

В соответствии с госпитальной шкалой тревоги и депрессии HADS среди счастливых людей здоровых практически в 2 раза больше, чем лиц с признаками тревоги, депрессии или невроза (75 и 25% соответственно). Среди недовольных собственной жизнью в 2 раза больше лиц с признаками тревоги, депрессии или невроза, чем здоровых людей (69 и 31% соответственно). У каждого второго из субъективно неблагополучных людей присутствуют признаки субклинически выраженной тревоги (48%) или депрессии (47%); у каждого четвертого (28%) – признаки невротического расстройства (по экспресс-диагностике невроза К. Хека и Х. Хесса). Данные, полученные ВолНЦ РАН, согласуются с результатами исследований, показывающих наличие сильной отрицательной взаимосвязи между показателями счастья и депрессии [Аргайл, 2003; Козырева, 2016: 71].

Жители области, у которых были отмечены признаки негативных психических состояний, значительно чаще высказывали недовольство своими жизненными условиями (табл. 3.12). Это касается основных параметров условий жизни, таких как материальное положение, жилищные условия, удовлетворенность профессиональной деятельностью, обстановкой в обществе. Как следствие, в этой группе респондентов значительно ниже показатель социального запаса терпения: 28% считают, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно», в то время как среди остальных жителей доля разделяющих это мнение составляет всего 4%.

Таблица 3.12. Сравнительный анализ оценок социальной ситуации

Наименование сферы	Доля неудовлетворенных различными условиями жизни, % от числа опрошенных					
	Жители области, имеющие симптомы тревоги, депрессии или невроза			Жители области, не имеющие симптомов тревоги, депрессии или невроза		
	2002 г.	2009 г.	2015 г.	2002 г.	2009 г.	2015 г.
Обстановка в обществе (государстве)	53,9	55,2	49,6	46,0	36,3	33,5
Уровень своего материального положения	58,6	57,5	51,0	45,5	45,2	27,7
Уровень своего образования	30,9	33,7	25,3	23,2	20,6	11,2
Сфера бытового обслуживания	43,8	43,3	32,0	37,2	31,0	23,7
Сфера медицинского обслуживания	50,3	51,2	48,2	43,2	39,0	31,8
Жилищно-бытовые условия	44,1	41,6	28,1	32,3	27,6	14,6
Условия профессиональной деятельности	24,9	23,6	15,4	18,1	13,1	8,6

Источник: результаты мониторинга общественного психического здоровья ВолНЦ РАН.

Чаще всего отмечают неудовлетворенность какими-либо жизненными сферами респонденты с проявлениями невроза. Так, отношениями с супругом (супругой) не удовлетворены 22% респондентов с проявлениями невроза против 6% респондентов без его признаков. В сфере профессиональной деятельности респонденты с признаками невроза не удовлетворены условиями своей деятельности (25% против 9% без проявлений), содержанием работы (28% против 11%), возможностью выбора места работы (40% против 20%). В сфере жизнеобеспечения наибольший разрыв между количеством неудовлетворенных людей без признаков невроза и с его признаками наблюдается в отношении жилищно-бытовых условий (18 и 40% соответственно), сфере медицинского обслуживания (36 и 53%), сфере услуг и бытового обслуживания (25 и 41% соответственно). Что касается социального статуса, то наблюдается одинаковый уровень неудовлетворенности материальным положением респондентов с признаками невроза и депрессии (более половины – 55% – респондентов высказали данное мнение).

По сравнению с 2002 годом в 2015 году рейтинг сфер жизнедеятельности, которыми не удовлетворены лица с проявлениями психических расстройств претерпел небольшие изменения (табл. 3.13).

Таблица 3.13. **Распределение ответов населения Вологодской области на вопрос: «Отметьте, пожалуйста, удовлетворены ли Вы лично...?»** (% от числа опрошенных)*

Вариант ответа «не удовлетворен»	2002 г.			2015 г.			ранг'15 – ранг'02
	псих. расстройства			псих. расстройства			
	нет	есть	ранг	нет	есть	ранг	
Материальным положением	45,5	58,6	1	27,7	51,0	1	0
Обстановкой в обществе (государстве)	46,0	53,9	2	33,5	49,6	2	0
Сферой медицинского обслуживания	43,2	50,3	3	31,8	48,2	3	0
Сферой услуг и бытового обслуживания	37,2	43,8	6	23,7	32,0	4	-2
Возможностью выбора места работы	30,7	34,4	9	18,8	30,1	5	-4
Жилищно-бытовыми условиями	32,3	44,1	5	14,6	28,1	6	1
Своим образом жизни в целом	18,1	38,5	8	10,2	27,7	7	-1
Возможностью проводить отпуск	37,2	46,5	4	18,9	26,4	8	4
Своим образованием	23,2	30,9	10	11,2	25,3	9	-1
Повседневным проведением отдыха, досуга	27,6	39,9	7	15,0	24,7	10	3
Содержанием своей работы в целом	14,2	25,4	12	9,4	18,6	11	-1
Своим положением в обществе	16,2	26,7	11	8,2	18,2	12	1
Условиями своей профессиональной деятельности (учебы)	18,1	24,9	13	8,6	15,4	13	0
Отношениями с администрацией на работе	14,4	19,3	15	6,6	13,0	14	-1
Отношениями с супругом (супругой)	10,4	19,9	14	5,3	12,4	15	1
Отношениями с друзьями, ближайшими знакомыми	4,1	8,7	20	2,9	9,5	16	-4
Отношениями с субъектами своей профессиональной деятельности	7,4	12,6	16	6,2	8,7	17	1
Отношениями с родителями	7,6	12,0	17	3,3	8,1	18	1
Отношениями с коллегами по работе	4,8	9,9	19	3,4	7,6	19	0
Отношениями с ребенком (детьми)	7,0	11,4	18	3,5	5,4	20	2

* Ранжировано по уровню неудовлетворённости среди тех, у кого встречаются признаки депрессии, невроза и/или тревоги (по данным 2015 г.).

Первые три места рейтинга остались без изменения: это материальное положение, обстановка в обществе, сфера медицинского обслуживания. Увеличилась доля людей, неудовлетворенных сферой услуг и бытового обслуживания (поднялась с 6-го на 4-е место в рейтинге), возможностью выбора места работы (с 9-го на 5-е место) и отношениями с друзьями, ближайшими знакомыми (с 20-го на 16-е место). Уменьшилась доля людей, высказавших неудовлетворенность возможностью проводить отпуск (опустилась в рейтинге на 4 пункта – с 4-го на 8-е место) и повседневным проведением отдыха, досуга (опустилась на 3 пункта – с 7-го на 10-е место).

Влияние психического здоровья проявляется и в сфере межличностных отношений. Люди, имеющие симптомы тревоги, депрессии или невроза, значительно чаще отмечают, что не удовлетворены своими отношениями

с членами семьи и коллегами по работе (табл. 3.14). Каждый четвертый (23%) часто попадает в конфликтные ситуации, каждый третий (34%) испытывает дискомфорт при знакомстве с новыми людьми. Для сравнения: среди людей, не имеющих симптомов негативных психических состояний, частые конфликты отметили 18%, возникновение трудностей при новых знакомствах – 12%.

Таблица 3.14. **Оценка сферы межличностных отношений**
(в % от числа опрошенных по Вологодской области), 2015 г.

Вариант ответа	Наличие симптомов тревоги, депрессии или невроза	Отсутствие симптомов тревоги, депрессии или невроза
<i>Отношениями с друзьями, ближайшими знакомыми</i>		
Полностью и скорее удовлетворён	75,5	87,3
Полностью и скорее не удовлетворён	16,7	4,2
<i>Отношениями с ребёнком (детьми)</i>		
Полностью и скорее удовлетворён	67,8	70,7
Полностью и скорее не удовлетворён	19,1	5,7
<i>Отношениями с коллегами по работе</i>		
Полностью и скорее удовлетворён	58,1	73,7
Полностью и скорее не удовлетворён	19,7	5,8
<i>Отношениями с администрацией на работе</i>		
Полностью и скорее удовлетворён	50,0	64,5
Полностью и скорее не удовлетворён	25,5	11,8
<i>Отношениями с субъектами своей профессиональной деятельности (клиентами, пациентами, покупателями, учениками и пр.)</i>		
Полностью и скорее удовлетворён	55,1	66,3
Полностью и скорее не удовлетворён	20,1	5,9
<i>Отношениями с супругом (супругой)</i>		
Полностью и скорее удовлетворён	57,0	65,9
Полностью и скорее не удовлетворён	21,2	6,6
<i>Отношениями с родителями</i>		
Полностью и скорее удовлетворён	59,1	70,0
Полностью и скорее не удовлетворён	14,5	6,5
Источник: результаты мониторинга общественного психического здоровья ВолНЦ РАН.		

Рассмотрение повышенной тревожности или депрессии как результата воздействия стресса позволяет выделить свойства личности, помогающие конструктивно совладать с трудной жизненной ситуацией и поддерживающие тем самым высокий уровень субъективного благополучия. К копинг-ресурсам личности, безусловно, относится оптимизм, способствующий положительной переоценке трудной жизненной ситуации.

Результаты исследований подтверждают факт опосредованной связи оптимизма и субъективного благополучия [Андрееенкова, 2010: 207-208; Козырева, 2016: 71-72]. Счастливые люди чаще смеются (55% против 32% ощущающих себя несчастливыми), а также испытывают радость и энтузиазм (61 и 22% соответственно). Анализ психологического самоощущения людей, проявляющих симптомы психопатологий, свидетельствует о том, что они значительно чаще отмечают признаки заниженной самооценки: такие люди чаще страдают от комплекса неполноценности, неуверенности в себе [Baumeister, 2003]. По данным ВолНЦ РАН, среди счастливых людей 70% считают себя оптимистами и только 10% относятся к пессимистам. Напротив, среди людей, относящих себя к несчастливым, каждый третий причисляет себя к оптимистам, треть – к пессимистам.

Итак, судя по данным исследования психического здоровья, в 2015 году произошло снижение числа лиц с симптомами психических заболеваний, но все равно их доля в численности населения Вологодской области остается достаточно высокой. Среди лиц с симптомами психических расстройств преобладают женщины пожилого возраста, а также лица с неблагоприятной ситуацией в финансовой или семейной сфере. Люди, живущие в условиях психологического дискомфорта, чаще не удовлетворены социальными условиями, при этом они не склонны предпринимать какие-либо реальные шаги по изменению ситуации, создавая таким образом основу для социального напряжения. Негативный аспект пассивной жизненной позиции состоит также в том, что человек реже задумывается о собственной роли в сохранении и укреплении здоровья, в то время как это является основным условием профилактики заболеваний. Об этом говорит изменение отношения населения к оказанию квалифицированной помощи: уменьшились его запросы в отношении доступности услуг специалистов по месту жительства, увеличилась доля лиц, считающих, что смогут самостоятельно справиться с проблемой.

Таким образом, мы видим три тесно взаимосвязанных друг с другом элемента, которые определяют психологическую позицию индивида по отношению к обществу, его восприятие мира и социальную активность: социальные условия, их субъективное восприятие и (как результирующая) наличие или отсутствие признаков негативных психических состояний. Каждая из этих составляющих на первый взгляд имеет положительную динамику, однако (и в этом мы усматриваем специфическую особенность современного российского общества) существуют латентные

процессы, которые становятся видимыми только в результате углубленных мониторинговых исследований. Опыт преодоления психологических, культурных, экономических кризисов не мог пройти для российского общества бесследно. Выработка адаптационных стратегий представителями различных слоев населения сыграла не менее важную роль, чем своевременные действия российских властей по стабилизации экономики. Однако оборотной стороной этой медали оказался негативный психологический потенциал, который в настоящее время не проявляет себя, но создает угрозу этого в случае возникновения отягчающих факторов. И не случайно такую же ситуацию мы наблюдаем в динамике протестного потенциала: неготовность к участию в открытых массовых выступлениях на фоне стабильного уровня социальной напряженности.

Позитивным и комплексным эффектом, как показывают результаты наших исследований, без сомнения, характеризуются крупные мировые события, во время которых Россия оказывается в эпицентре политических или даже военных конфликтов. В таких ситуациях самые разные слои российского общества, представители самых разных точек зрения и политических взглядов консолидируются и готовы идти на жертвы ради национальных интересов. Но что делать, когда страна оказывается один на один со своими внутренними проблемами? Это – главный вопрос настоящего времени. Вопрос, на который предстоит отвечать не только власти, но и ученым, общественным деятелям и каждому гражданину нашей страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная ситуация в России во многом характеризуется высокой степенью деконсолидованности общества, что является фактором, препятствующим не только модернизационному развитию страны, но и поддержанию в ней экономической и политической стабильности. Не случайно в одном из посланий Федеральному Собранию консолидация общества была обозначена Президентом РФ В. Путиным как главное условие эффективного противостояния угрозам государству. Данные официальной статистики и общероссийских социологических исследований свидетельствуют о том, что неравенство и, как следствие, разобщенность населения присутствуют во всех сферах жизни современной России. В экономике это выражается в резком имущественном расслоении, в политике – в росте социальной напряженности, в общественной жизни – в недоверии к деятельности институтов гражданского общества, в том числе по причине скептического отношения к их возможности влиять на социально-экономические и политические процессы в стране.

Многолетняя неудовлетворенность людей решением вопросов социальной справедливости на фоне традиционного для российского менталитета патерналистского отношения к власти создает непреодолимые препятствия для протекания консолидационных процессов. Люди, находящиеся в трудной жизненной ситуации, не удовлетворены социальными условиями и в то же время не склонны предпринимать какие-либо реальные шаги по изменению ситуации, создавая таким образом основу для социального напряжения.

В современном российском обществе одновременно наблюдаются два во многом противоположных процесса: с одной стороны, отмечается улучшение социального настроения и рост удовлетворенности жизнью, с другой стороны, происходит концентрация интересов людей на личных,

семейных проблемах. Эти процессы лежат в основе социальной атомизации, следствием которой становится низкий уровень межличностного доверия, заинтересованности и участия населения в общественно-политической жизни страны. Как отмечают эксперты, «если гражданское общество неактивно, не развито, если его независимость и уровень самосознания невысокие, то и специализированные фрагменты гражданского общества, экспертные сообщества зачастую превращаются в компрадорские структуры, способные в лучшем случае отстаивать собственные групповые или даже индивидуальные интересы» [Барабашев, 2016: 180].

В обществе, характеризующемся высоким уровнем социальной атомизации и деконсолидации, социальное неравенство и социальная справедливость становятся движущей силой, обуславливающей высокий уровень социальной напряженности. Стабильная доля людей, готовых участвовать в акциях протеста (20%), далеко не всегда означает рост массовых выступлений, но говорит о том, что ключевые потребности общества остаются нереализованными и это в любой момент может быть использовано несистемной оппозицией как повод для «раскачивания» социальной стабильности в стране.

Вообще, скрытая форма, латентный характер протекания является ключевой характеристикой различных (в том числе консолидационных) процессов в современном российском обществе. Так, неверие в саму возможность возникновения массовых акций протеста против роста цен и падения уровня жизни сопровождается стабильной долей людей, готовых их поддержать; позитивным тенденциям, отмечаемым в динамике социального здоровья по данным официальной статистики, на самом деле сопутствует концентрация психологических проблем на латентном уровне, который не выходит «за рамки» нормы и нигде не фиксируется как уровень какого-либо патологического заболевания; высокая распространенность (можно сказать, «расцвет») институтов гражданского общества, отмечаемая в 2000-х гг., сопровождается крайне низкой гражданской активностью самих людей, их неготовностью и нежеланием принимать участие в различных общественно-политических мероприятиях.

Перечисление этих негативных явлений, которые «всплыли» на поверхность в ходе изучения процессов социальной консолидации, можно было бы продолжать и далее, но главное здесь – именно их латентная, скрытая от глаз исследователей и управленцев, форма протекания, затрудняющая как возможности их научного анализа, так и разработки эффективных законодательных решений.

Неготовность людей прийти на избирательные участки в день выборов нельзя преодолеть исключительно мерами, направленными на повышение их осведомленности о том, где и как они могут проголосовать. Гражданская ответственность и гражданское самосознание не будут перманентными внутренними характеристиками человека, если они будут «прививаться» исключительно на уроках патриотизма в школе или (для взрослого населения) через средства массовой информации. Это должно подкрепляться соответствующими изменениями в динамике уровня и качества жизни; адекватными ответами государства на те надежды, которые возлагает на него население. Точно так же гражданская активность людей зависит не от количества учрежденных (пусть даже и при органах власти) общественных объединений, а от того, насколько люди будут чувствовать, что своими действиями они могут достичь определенных результатов в решении наиболее острых социальных проблем.

Однако было бы неправильно говорить, что российское общество состоит исключительно из отдельных индивидов и групп, беспросветно погрязших в своем стремлении обеспечивать личную выгоду и личную безопасность. «Крымская весна» 2014 г. наглядно показала, что консолидационный потенциал в России огромен и для его реализации не нужны десятилетия. Перед общими угрозами готовы прийти к негласному консенсусу представители любых социальных слоев, доходных групп и политических воззрений. Всё, что для этого нужно, – объединяющий фактор, которым на сегодняшний день выступает Президент РФ. Именно глава государства является той фигурой, от которой зависит и кадровый состав (а следовательно, эффективность) управленческой вертикали, и характер общественных настроений, подчиненных ожиданиям и надеждам жить в стабильном процветающем государстве, без войн и терактов, под защитой сильной и справедливой власти.

Консолидационный потенциал российского общества пока остается нереализованным. Этому препятствует множество внешних и внутренних барьеров: от турбулентного развития экономических и политических процессов на мировой арене до застоявшихся проблем эффективности управления социально-экономическими процессами внутри страны. Однако актуальность реализации данной задачи растет в геометрической прогрессии по мере того, как геополитический статус России становится всё более высоким в глазах мировой общественности и политического истеблишмента. Социально-экономические и социально-психологические характеристики жизни россиян должны соответствовать той заявке

России на роль одного из центров многополярного мира, которую озвучил Президент РФ 10 лет назад на Мюнхенской конференции по вопросам национальной безопасности и которую он планомерно реализовывал на протяжении всех последующих лет своей деятельности. Другими словами, устранение барьеров, препятствующих социальной консолидации, – это не столько вопрос внутренней безопасности и поддержания социальной стабильности в стране, сколько одна из ключевых задач по обеспечению участия России в геополитической конкуренции и, следовательно, по обеспечению ее жизнеспособности.

Будет ли решена эта задача? Потребуется ли для этого вмешательство извне или существующая в нашей стране система государственного управления способна сама найти адекватный ответ на вопросы, которые адресует ей население? Насколько велик запас терпения народа и не будет ли консолидационный потенциал российского общества обращен против действующей власти силами несистемной оппозиции?.. Еще много вопросов остаются открытыми, однако с уверенностью можно говорить о том, что ответы на них необходимо искать уже сегодня; завтра может быть уже слишком поздно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Авторы «Перелома» комментируют валдайскую речь Путина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rodon.org/society-131007122213>
2. Агеева, Е.А. Политические аспекты консолидации современного российского общества (на примере полиэтнического региона) [Текст]: дис. ...канд. полит. наук / Е.А. Агеева. – М., 2004. – 175 с.
3. Акопов, П.Э. Валдай после Мюнхена [Электронный ресурс] / П.Э. Акопов // Взгляд: газета. – 2013. – 20 сент. – Режим доступа: <http://vz.ru/politics/2013/9/20/651345.html>
4. Александровский, Ю.А. Социальные катаклизмы и психическое здоровье [Текст] / Ю.А. Александровский // Социологические исследования. – 2010. – № 4. – С. 99-104.
5. Анисимов, Р. И. Социально-экономические реалии жизненного мира россиян в условиях либеральных реформ / Р.И. Анисимов // Социологические исследования. – 2015. – № 8. – С. 42-49.
6. Аргунова, В.Н. Социальная справедливость: ценностно-институциональный анализ [Текст] / В.Н. Аргунова. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. – 312 с.
7. Аузан, А.А. Общественный договор и гражданское общество [Электронный ресурс] / А.А. Аузан. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2005/01/11/auzan/>
8. Бабинцев, В.П. Проблема формирования категориального аппарата понятия «Социальное здоровье» [Текст] / В.П. Бабинцев, Л.В. Колпина // Научные ведомости. – 2008. – № 12. – С. 49-67.
9. Байкова, Л.А. Исследование социального здоровья детей и учащейся молодежи: теоретико-методологические основы [Текст] / Л.А. Байкова // Педагогическое образование и наука. – 2006. – № 3. – С. 59-63.
10. Балацкий, Е.В. Экономические детерминанты психологического состояния общества [Текст] / Е.В. Балацкий, Н.А. Екимова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2008. – № 2. – С. 18-25.
11. Барабашев, А.Г. Кризис государственного управления и его влияние на основные административные парадигмы государства и бюрократии [Текст] / А.Г. Барабашев // Вопросы государственного и муниципального управления.– 2016. – № 3. – С. 163-195.

12. Бараш, Р.Э. Гражданское общество как пространство свободы [Электронный ресурс] / Р.Э. Бараш. – Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Barash_g_o.pdf
13. Барциц, И.Н. Конституционная демократия – это свободные выборы плюс интернетизация всей страны [Текст] / И.Н. Барциц // Социологические исследования. – 2013. – № 9. – С. 112-119.
14. Белёвский, О.А. Современный социальный конфликт как угроза национальной безопасности [Электронный ресурс] / О.А. Белёвский // Гуманитарные научные исследования. – 2014. – № 1. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2014/01/5517>
15. Белехова, Г.В. Уровень жизни в оценках населения / Г.В. Белехова, А.И. Россошанский // Проблемы развития территории. – 2015. – № 5 (79). – С. 77-96.
16. Беляева, Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития / Л.А. Беляева. – М.: Academia, 2001. – 183 с.
17. Берендеева, А.Б. Социальное благополучие (неблагополучие) региона: показатели оценки (по материалам Ивановской области) [Электронный ресурс] / А.Б. Берендеева. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2003. – Режим доступа: w3.ivanovo.ac.ru/alumni/bab/blagopol.doc
18. Бойко, О.В. Охрана психического здоровья: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений [Текст] / О.В. Бойко. – М.: Академия, 2004. – 268 с.
19. Бойцова, О.Ю. Доверие к государству как теоретическая проблема [Текст] / О.Ю. Бойцова // Власть. – 2012. – № 4. – С. 103-106.
20. Большой энциклопедический словарь: в 2-х т. [Текст] / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – Т. 1. – 863 с.
21. Бурдяк, А. Доходы населения и потребительское кредитование в отрицательной зоне / А. Бурдяк, Е. Гришина // Оперативный мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. – 2015. – № 18. – С. 20-24.
22. Валиахметов, Р. Российские самоубийства: случай Башкортостана [Электронный ресурс] / Р. Валиахметов, Р. Мухамедиева, Г. Хилажева // Демоскоп Weekly. – 2012. – № 523-524. – 17-30 сентября. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0523/tema05.php>
23. Васильева, Т.А. Взаимодействие государственных органов власти негосударственных некоммерческих организаций как институтов гражданского общества в России [Текст]: дис. ...д-ра полит. наук (23.00.02) / Т.А. Васильева. – М., 2009. – 428 с.
24. Вахтина, М.А. Доверие к государству как фактор повышения его эффективности [Текст] / М.А. Вахтина // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). – 2011. – Т. 3. – № 3. – С. 57-65.
25. Великая, Н.М. Проблема консолидации общества и власти [Текст] / Н.М. Великая // Социологические исследования. – 2005. – № 5. – С. 60-71.

26. Веселов, Ю.В. Доверие и справедливость: Моральные основания современного экономического общества [Текст] / Ю.В. Веселов. – М.: Аспект-Пресс, 2011. – 32 с.

27. Воеводина, Т.В. Чего «совкам» в «совке» не хватало? [Электронный ресурс] / Т.В. Воеводина // Литературная газета. – 2015. – № 33 (6521). – Август. – Режим доступа: <http://lgz.ru/article/-33-6521-26-08-2015/chego-sovкам-v-sovke-ne-khvatalo/>

28. Волков, Ю.Г. Манифест гуманизма (Идеология и гуманистическое будущее России) [Текст] / Ю.Г. Волков. – М.: АНО РЖ «Социально-гуманитарные знания», 2000. – 137 с.

29. Воробьева, И.В. Противоречия и парадоксы политических ориентаций в структуре жизненного мира россиян [Текст] / И.В. Воробьева // Социологические исследования. – 2016. – № 1. – С. 17-26.

30. Все больше россиян положительно относятся к Сталину [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2015. – 30 мар. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/03/31/vse-bolshe-rossiyan-polozhitelno-otnosyatsya-k-stalinu-levada-tsentr>

31. Галкина, Е.В. Гражданское общество в политическом пространстве современной России [Текст]: автореф. дис. ... д-ра полит. наук / Е.В. Галкина. – Краснодар, 2010. – 55 с.

32. Глазьев, С.Ю. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием / С.Ю. Глазьев, В.В. Локосов // Вестник РАН. – 2012. – Т. 82. – № 7. – С. 587-614.

33. Горшков, М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения [Текст] / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 3-11.

34. Горшков, М.К. Мечты россиян и реальность демоскопии [Текст] / М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова // Политические исследования. – 2013. – № 5. – С. 7-26.

35. Горшков, М.К. Российская социология в постсоветской России: состояние и проблемы развития [Текст] / М.К. Горшков // Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Общество и социология в современной России», посвященной XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации, г. Вологда, 13-15 ноября 2014 года: в 3 т. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – Т. 1. – С. 10-17.

36. Горшков, М.К. Российская социология и вызовы современного общества: вместо предисловия [Текст] / М.К. Горшков // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2010. – Выпуск 9. – М.: Новый Хронограф, 2010. – С. 3-18.

37. Горшков, М.К. Актуальные проблемы современного российского общества: научные подходы и практика: публичная лекция (стенограмма), г. Вологда, 20 июня 2014 г. / М.К. Горшков.

38. Гражданское общество – ресурс развития России. Аналитический доклад ЦПТ [Электронный ресурс]. – М., 2013. – Режим доступа: <http://komitetgi.ru/analytics/863/>

39. Гражданское общество в модернизирующейся России: аналитический доклад Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества – CIVICUS» [Текст] / Л. И. Якобсон, И. В. Мерсиянова, О. Н. Кононыхина и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2011. – 60 с.
40. Гражданское общество перед выбором [Электронный ресурс] // Экспертный сайт Высшей школы экономики. – Режим доступа:// <http://oprec.ru/1469385.html>
41. Гринберг, Р.С. Материалы выступлений на Московском экономическом форуме – 2015: стенограмма пленарной дискуссии «Старая модель исчерпана. Куда движется мир?» Московского экономического форума – 2015 [Текст] / Р.С. Гринберг // Мир перемен. – 2015. – № 2. – С. 8-21.
42. Данные Центральной избирательной комиссии Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>
43. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): Аналитический доклад Института социологии РАН в сотрудничестве с представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf
44. Дмитриева, Т.Б. Психическое здоровье россиян [Текст] / Т.Б. Дмитриева, Б.С. Положий // Человек. – 2002. – № 6. – С. 24-29.
45. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2013 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oprf.ru/documents/1151/2013/>
46. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2014 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.oprf.ru/files/oprf_dokladsociety_a4_12-2014_184p_rus_blok_corr_4_preview_postr.pdf
47. Дугин, А.Г. Эхо «мюнхенской речи». Президент Путин вступил на путь геополитической революции [Электронный ресурс] / А.Г. Дугин. – Режим доступа: <http://oko-planet.su/politik/politikrus/230532-aleksandr-dugin-eho-myunhenskoj-rechi-prezident-putin-vstupil-na-put-geopoliticheskoy-revoljucii.html>
48. Дюркгейм, Э. Метод социологии [Текст] / Э. Дюркгейм // Западноевропейская социология XIX – начала XX века. – М., 1996. – С. 256-309.
49. Дюркгейм, Э. Самоубийство: социологический этюд [Текст] / Э. Дюркгейм; пер. с нем. под ред. В. А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
50. Еньков, И. Исследования гражданского общества и НКО в Европе и США (краткий обзор) [Электронный ресурс] / И. Еньков. – Режим доступа: <http://www.law-ngo.ru/library/detail/1109/>
51. Жбанков, А.Б. Доверие как фактор безопасности [Текст] / А.Б. Жбанков // Власть. – 2010. – № 8. – С. 19-21.

52. Жуков, В.И. Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз [Текст] : доклад на II съезде Союза социологов России / В.И. Жуков. – М.: Изд-во РГСУ, 2008. – 105 с.
53. Жуков, В.И. Социология в современной России : доклад на Учредительном съезде Союза социологов России [Текст] / В.И. Жуков // Социологические исследования. – 2007. – № 12. – С. 1-18.
54. Забелина, Н. Население привыкает к бедности [Электронный ресурс] / Н. Забелина // Независимая газета. – 2016. – 13 января. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2016-01-13/4_prices_2.html (Дата обращения 24.03.2016).
55. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/news/19146>
56. Заславская, Т.И. Вперегонки со временем [Текст] / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. – 1993. – № 3. – С. 5-16.
57. Зуйков, А.В. Институт президентства в России: конституционная модель, современные реалии и перспективы развития [Текст] / А.В. Зуйков // Конституционный вестник. – 2008. – № 1(19). – С. 171-179.
58. Иванов, О.И. Социальные проблемы концепции и структура [Электронный ресурс] / О.И. Иванов // Социальные проблемы. – 2008. – № 1 / Открытая библиотека публикаций по социальным наукам. – Режим доступа: http://www.socprob.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=52:2012-01-19-15-24-43&catid=34:-q-q-2008-1
59. Иванов, О.И. Социологическое объяснение: к характеристике современных практик [Текст] / О.И. Иванов // Социологические исследования. – 2014. – № 3. – С. 3-9.
60. Ильин, В.А. Новый этап российской истории: тенденции, особенности, перспективы [Текст] / В.А. Ильин, М.В. Морев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 2. – С. 42-71.
61. Ильин, В.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления [Текст] / В.А. Ильин, А.А. Шабунова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 2. – С. 18-35.
62. Иманалиев, К.К. Национальная идея как фактор политической консолидации общества переходного периода: на примере России и Кыргызстана [Текст]: автореф. дис. ...канд. полит. наук (23.00.02) / К.К. Иманалиев. – М., 2002. – 221 с.
63. Индексы социального самочувствия [Электронный ресурс]: база данных ВЦИОМ. – Режим доступа: <http://wciom.ru/178/>
64. Иностранцы агенты [Электронный ресурс] // Актуальные комментарии: информационный портал. – 2012. – 6 июля. – Режим доступа: http://actualcomment.ru/inostrannye_agenty.html
65. Институт социологии Российской академии наук. Российское общество: год в условиях кризиса и санкций // Общество и экономика. – 2015. – № 11-12. – С. 5-56.

66. Калабеков, И.Г. Российские реформы в цифрах и фактах [Электронный ресурс] / И.Г. Калабеков. – Режим доступа: <http://refru.ru/income16.pdf>
67. Калина, Ф.В. Социология законодательства и правотворческий процесс [Электронный ресурс] / Ф.В. Калина, Г.Ю. Курскова // Юриспруденция. – 2003. – № 1. – Режим доступа: http://pravorggu.ru/2004_2/15kalina-kurskova-sotsiologiya_zakonodatelstva_13.shtml
68. Каминский, В.С. Мнение жителей Вологодской области о принятии Крыма в состав Российской Федерации / В.С. Каминский // Интеграция мировых научных процессов как основа общественного прогресса: Материалы международных научно-практических конференций Общества науки и творчества. – Казань, 2015. – С. 133-139.
69. Клименко, А.В. Десятилетие административной реформы: результаты и новые вызовы [Текст] / А.В. Клименко // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2014. – № 1. – С. 8-51.
70. Климова, С.Г. Опыт изучения территориального контекста гражданского участия [Текст] / С.Г. Климова, И.В. Щербакова // Мониторинг общественного мнения. – 2015. – № 3. – С. 12-27.
71. Козырева, П.М. Счастье и его детерминанты (статья 2) [Текст] / П.М. Козырева, А.Э. Низамова, А.И. Смирнов // Социологические исследования. – 2016. – № 1. – С. 66-76.
72. Козырева, П.М. Социальная адаптация населения в постсоветский период [Текст] / П.М. Козырева // Социологические исследования. – 2011. – № 6. – С. 24-36.
73. Коргунюк, Ю.Г. Структура электоральных размежеваний в постсоветской России и перспективы политического развития страны [Текст] / Ю.Г. Коргунюк // Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра / под ред. Ю.Г. Коргунюка и Г.М. Михалевой. – М.: КМК, 2012. – 164 с.
74. Кошкина, Е.А. Мировые тенденции распространенности наркоманий на современном этапе [Электронный ресурс]: доклад на совещании главных наркологов органов управления здравоохранением субъектов РФ, 2014 г. / Е.А. Кошкина. – Режим доступа: http://www.nncn.ru/2_657.html
75. Красильникова, М. О методике расчета Индекса социальных настроений [Текст] / М. Красильникова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2003. – № 2(64). – С. 51-59.
76. Кривоусков, В.В. Доверие в консолидации российского общества: социологическая концептуализация и институциональная оптимизация [Текст]: автореф. дис. ... д-ра соц. наук (22.00.04) / В.В. Кривоусков. – Ростов-на-Дону, 2013. – 51 с.
77. Кривоусков, В.В. Теоретические проблемы социологического исследования консолидации российского общества [Электронный ресурс] / В.В. Кривоусков // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 5(15). – Режим доступа: <http://www.hist-edu.ru/hist/article/view/1014/1002>

78. Кузнецов, В.Н. О социологическом смысле идеологии консолидации: геокультурный аспект [Текст] / В.Н. Кузнецов // Безопасность Евразии. – 2003. – № 3(13). – С. 7-47.
79. Кулешов, А. Сегодня наша главная задача – это создание «инновационного» человека [Текст] / А. Кулешов // Проблемы теории и практики управления. – 2016. – № 4. – С. 8-17.
80. Лапкин, В. Ценностное размежевание и социально-политическая дифференциация в России [Текст] / В. Лапкин, В. Пантин // МЭиМО. – 2000. – № 4. – С. 54-63.
81. Левашов, В.К. Морально-психологическая консолидация российского общества в условиях нелиберальных трансформаций [Текст] / В.К. Левашов // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – С. 27-45.
82. Левашов, В.К. Россия на развилке социополитических траекторий развития [Текст] / В.К. Левашов // Мониторинг общественного мнения. – 2011. – № 3(103). – С. 5-23.
83. Левинсон, А.Г. Российское общество до и после 2012 года [Текст] / А.Г. Левинсон // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2013. – № 1(114). – С. 22-35.
84. Локосов, В.В. Метод предельно критических показателей и оценка человеческого потенциала [Текст] / В.В. Локосов // Экономика. Налоги. Право. – 2012. – № 5. – С. 71-75.
85. Локосов, В.В. Основания консолидации российского общества (социологические аспекты) [Текст] / В.В. Локосов, В.Л. Шульц. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2008. – 168 с.
86. Малинецкий, Г.Г. Междисциплинарные идеи в социологии и вызовы будущего [Текст] / Г.Г. Малинецкий // Социологические исследования. – 2015. – № 4(372). – С. 152-161.
87. Мамфорд, М. Миф машины. Техника и развитие человечества [Текст] / М. Мамфорд. – М.: Логос, 2001. – 416 с.
88. Мареева, С.В. Динамика норм и ценностей россиян [Текст] / С.В. Мареева // Социологические исследования. – 2013. – № 7. – С. 120-130.
89. Мареева, С.В. Ценности и установки российского среднего класса в период экономического кризиса [Текст] / С.В. Мареева // Общественные науки и современность. – 2016. – №4. – С. 65-77.
90. Матвеев, Ю.И. Политическая модернизация как фактор консолидации современного российского общества [Текст]: дис. ...д-ра полит. наук (23.00.02) / Ю.И. Матвеев. – М., 2002. – 367 с.
91. Махмудов, Р. Валдайская речь Владимира Путина: критический анализ [Электронный ресурс] / Р. Махмудов // Информационный портал <http://www.12news.uz/>. – Режим доступа: <http://www.12news.uz/news/2013/09/30/валдайская-речь-владимира-путина-кри/>

92. Меморандум III Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: проблемы и пути взаимодействия» (Москва, 21–24 октября 2008 г.) [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. – 2011. – № 467–468. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0467/nauka02.php>
93. Мерзлякова, И.М. Социальная структура и социальное настроение среднего города в современном российском обществе (на примере города Чайковский) [Электронный ресурс]: дис. на соиск. уч. ст. канд. соц. наук / И.М. Мерзлякова. – Пермь, 2006. – Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/208313.html>
94. Мерсиянова, И.В. Мониторинг состояния гражданского общества в России: возможности реализации и перспективы развития [Текст] / И.В. Мерсиянова // Эмпирические исследования гражданского общества. – 2011. – № 1. – С. 43-47.
95. Мигранян, А.М. Народ и лидер нашли друг друга [Электронный ресурс] / А.М. Мигранян // Известия. – 2013. – 12 июня. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/551898>
96. Молодов, О.Б. Доверие как фактор консолидации общества (на примере Вологодской области) [Электронный ресурс] / О.Б. Молодов // Вопросы территориального развития. – 2013. – № 5(5). – Режим доступа: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/1336>
97. Морев, М.В. Анализ факторов и причин суицидальных попыток / К.А. Гулин, М.В. Морев // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2008. – № 42. – С. 69-76.
98. Морев, М.В. Социальное настроение: территориальные особенности и факторы формирования [Текст] / М.В. Морев, В.С. Каминский // Проблемы развития территории. – 2014. – № 72. – С. 48-66.
99. Нагимова, А.М. Государственное управление качеством жизни регионального социума: методология оценки эффективности [Текст]: автореф. дис. ... д.с.н. (22.00.08) / А.М. Нагимова. – Уфа, 2011. – 432 с.
100. Николаев, И.А. Какой в России кризис и как долго он продлится? [Текст] / И.А. Николаев // Общество и экономика. – 2015. – № 8–9. – С. 5-44.
101. Нугаев, М.А. Общественная идеология как фактор становления гражданского общества [Текст] / М.А. Нугаев, Р.М. Нугаев // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 4. – С. 120-129.
102. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: указ Президента РФ // Информационно-правовой портал «Гарант» от 7 мая 2012 г. № 601 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70170942/#ixzz3YDD9ERG3>
103. Обращение Президента Российской Федерации к депутатам Государственной Думы, членам Совета Федерации, руководителям регионов России и представителям гражданского общества [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/20603>

104. Осипов, Г.В. Возрождение социологии в России: доклад на Юбилейной научной сессии РАН 26 марта 2008 г. [Электронный ресурс] / Г.В. Осипов // Официальный сайт Института социологии Российской академии наук. – Режим доступа: http://www.isras.ru/?page_id=699

105. Осипов, Г.В. Историческая миссия российской социологии: проблемы и перспективы [Текст] / Г.В. Осипов // Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Общество и социология в современной России», посвященной XX годовщине празднования Дня социолога в Российской Федерации, г. Вологда, 13–15 ноября 2014 года: в 3 т. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – Т. 1. – С. 18-26.

106. Осипов, Г.В. Не упустить представившийся шанс! [Текст] / Г.В. Осипов // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. – М.: ИСПИ РАН. – С. 6-18.

107. Осипов, Г.В. О роли научного знания в управлении современной социальной реальностью [Текст]: доклад «Современная социальная реальность России и государственное управление. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году» / Г.В. Осипов. – Т. 1. – М.: ИСПИ РАН, 2014. – С. 6-11.

108. Официальный перечень социально значимых заболеваний: утвержден Постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 15 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ. – Режим доступа <http://base.garant.ru/12137881/#ixzz2yprLxNkf>

109. Парыгин, Б.Д. Общественное настроение [Текст] / Б.Д. Парыгин. – М., 1966. – 327 с.

110. Персональный сайт Владимира Путина. – Режим доступа: <http://interespol.ru/programm/consolid/>

111. Петухов, В.В. Российская трансформация и общественная мораль [Текст] / В.В. Петухов // Социологические исследования. – 2015. – № 12. – С. 28-40.

112. Поланьи, К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени [Текст] / К. Поланьи. – СПб.: Алетейя, 2002. – 314 с.

113. Политики и общественные деятели одобрили решение Москвы вмешаться в ситуацию на Украине [Электронный ресурс] // Деловая газета «Взгляд». – 2014. – 2 марта. – Режим доступа <http://vz.ru/news/2014/3/2/675092.html>

114. Поршнев, Б.Д. Социальная психология и история [Текст] / Б.Д. Поршнев. – М., 1979. – 232 с.

115. Привалов, А. О разделении властей [Текст] / А. Привалов // Эксперт. – 2016. – № 36. – С. 10.

116. Привычка к нищете: россияне справляются с кризисом, понемногу привыкая к бедности // Lenta.ru. – URL: <https://lenta.ru/articles/2016/03/09/poverty/>

117. Путин, В.В. Речь на встрече с членами фракций политических партий в Государственной Думе (Ялта, 15 августа 2014 г.) [Электронный ресурс] / В.В. Путин

// Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/46451>

118. Путин, В.В. Выступление на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. [Электронный ресурс] / В.В. Путин // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>

119. Путин, В.В. Речь на совещании о ходе исполнения указов Президента от 7 мая 2012 года [Электронный ресурс] / В.В. Путин // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/18039>

120. Путин, В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить [Электронный ресурс] / В.В. Путин // Известия. – 2012. – 16 янв. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/511884>

121. Рассадина, Т.А. Доверие власти в условиях «общества риска» (на примере российских провинциальных городов) [Текст] / Т.А. Рассадина, Н.А. Миронова // Власть. – 2011. – № 7. – С. 105-108.

122. Редько, А.Н. Социально опасная патология как проблема общественного здоровья и здравоохранения / автореф. дис. на соиск. уч. степ. д.м.н.: 14.00.33 [Электронный ресурс] / А.Н. Редько. – М., 2006. – Режим доступа <http://www.mednet.ru/images/stories/files/abstracts/redkoan.pdf>

123. Рейтинг президентов мира (март 2013 г.) [Электронный ресурс] // Мировой экономический журнал (World Economic Journal). – Режим доступа: http://world-economic.com/ru/articles_wej-234.html

124. Ресурсы российского добровольческого движения. Аналитический доклад по результатам исследований «Фонда общественного мнения», 2012 – 2013 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://corp.fom.ru/posts/184-broshjura-fom-resursy-rossijskogo-dobrovolcheskogo-dvizhenija> 18

125. Римашевская, Н.М. Качество человеческого потенциала в современной России [Электронный ресурс] / Н.М. Римашевская. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/Rimash1.htm>

126. Римашевская, Н.М. Русский крест [Электронный ресурс] / Н.М. Римашевская // Природа. – 1999. – № 6. – Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/>

127. Романовский, Н.В. Будущее как проблема современной социологии [Текст] / Н.В. Романовский // Социологические исследования. – 2015. – № 11. – С. 13-22.

128. Российское общество в контексте новых реалий (тезисы о главном) [Текст]: информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования / ИС РАН. – М., 2015. – 58 с.

129. Российское общество и вызовы времени. Книга первая [Текст] / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова; Институт социологии РАН. – М., 2015. – 336 с.

130. Россияне поняли, что они в кризисе: аналитические материалы [Электронный ресурс] // Исследовательский холдинг «Ромир». – Режим доступа: http://romir.ru/studies/764_1456952400/

131. Рукавишников, В.О. Межличностное доверие: измерения и межстрановые сравнения [Текст] / В.О. Рукавишников // Социологические исследования. – 2008. – № 2. – С. 17-25.

132. Руткевич, М.Н. Консолидация общества и социальные противоречия [Текст] / М.Н. Руткевич // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 24-35.

133. Рывкина, И.В. Социальное нездоровье современной России как предмет изучения социальной науки [Электронный ресурс] / И.В. Рывкина. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0351/nauka02.php>

134. Савченко, П. О системном подходе к анализу моделей социальной политики [Текст] / П. Савченко, М. Фёдорова // Общество и экономика. – 2015. – № 7. – С. 35-44.

135. Самушкин, А.И. Социальная напряжённость как общественно-политическое явление [Текст] / А.И. Самушкин // Проблема социальной напряжённости: международная научно-практическая конференция, 5-6 июня 2010 года. – Пенза: Ереван: Прага, 2010. – С. 10-13.

136. Саскудаева, С.О. Социальное настроение молодежи в условиях трансформации российского общества [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. соц. наук / С.О. Саскудаева. – Улан-Уде, 2009. – Режим доступа: http://www.ceninauku.ru/page_11391.htm;

137. Селигмен, А. Проблема доверия [Текст] / А. Селигмен. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 200 с.

138. Сикевич, З.В. Динамика прошлого и настоящего в представлениях петербуржцев [Текст] / З.В. Сикевич // Социологические исследования. – 2016. – № 3. – С. 88-97.

139. Сильвестров, С.Н. Доклад на круглом столе «Институт президентства в России: правовые основы и роль в модернизации общества» 8 июня 2011 г. [Электронный ресурс] / С.Н. Сильверстов. – Режим доступа: <http://education.law-books.ru/index.php?page=kruglyj-stol>

140. Симонян, Р.Х. Есть ли особый «русский путь»? (полемические заметки) [Текст] / Р.Х. Симонян // Социологические исследования. – 2013. – № 7. – С. 137-148.

141. Смолева, Е.О. Тенденции психического здоровья населения Вологодской области [Текст] / Е.О. Смолева // VI социологическая Грушинская конференция «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными»: материалы Международной научной конференции, Москва, 16-17 марта 2016 г. – М.: ВЦИОМ, 2016. – С. 1402-1406.

142. Смолин, О.Н. Не надоело врать? Шокирующие признания специалиста по российской статистике [Электронный ресурс] / О.Н. Смолин // Советская Россия. –

2011. – 12 нояб. – Режим доступа: <http://www.sovross.ru/modules.php?file=article&name=News&sid=589425>

143. Современная западная социология: словарь [Текст]. – М.: Политиздат, 1990. – 432 с.

144. Соколова, Т.Б. Здоровье населения в социальном контексте: на примере работников ДВЖД [Текст]: автореф. дис. ... канд. соц. наук (22.00.04) / Т.Б. Соколова – Хабаровск, 2005. – 169 с.

145. Соловьев, А.М. Сравнительный уровень потребления алкогольной продукции в странах Европы / А.М. Соловьев // Проблемы прогнозирования. – 2016. – № 1. – С. 126-133.

146. Социальная философия [Текст]: словарь / под общ. ред. В.Е. Керимова, Т.Х. Керимова. – М.: Академический Проект, 2003. – 557 с.

147. Социально-структурные факторы консолидации российского общества: монография [Текст] / отв. ред. И.И. Елисеева, Г.В. Еремичева. – СПб.: Нестор-История, 2012. – 204 с.

148. Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение [Текст] / под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. – М.: Новый хронограф, 2010. – 256 с.

149. Сравнительный анализ доверия в различных странах / М. Сасаки, В.А. Давыденко, Г.Ф. Ромашкина, В.В. Воронов // Социологические исследования. – 2013. – № 3. – С. 60-73.

150. Стариков, Н.В. Лекция на Всероссийском молодежном форуме «Территория смыслов», Клязьма, 26 июля 2015 г. [Электронный ресурс] / Н.В. Стариков // Блог Н. Старикова. – Режим доступа: <http://nstarikov.ru/blog/53726>

151. Стенограмма «Прямой линии» с Президентом РФ В.В. Путиным от 17.04.2014 [Электронный ресурс] // Российская газета. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/04/17/liniya-site.html>

152. Стенограмма «Прямой линии» с Президентом РФ В.В. Путиным от 25.04.2013 [Электронный ресурс] // Российская газета. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/04/25/stenogramma-site.html>

153. Степанов, А.Д. Россия и мир вступают в новую эпоху, в которой от нашей страны будет зависеть многое [Электронный ресурс] / А.Д. Степанов // Информационно-аналитическая служба «Русская народная линия». – Режим доступа: http://ruskline.ru/news_rl/2013/09/20/valdajskaya_rech_putina

154. Столяр, В.Ю. Доверие как инструмент управления глобальным риском [Текст] / В.Ю. Столяр // Известия РГСУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 38(79). – С. 330-336.

155. Сулакшин, С.С. Государство: на пороге грядущего [Текст] / С.С. Сулакшин // Материалы круглого стола «Футурологическая модель государства». – М.: Научный эксперт, 2013. – С. 8-23.

156. Сулакшин, С.С. На пороге нравственного государства [Текст] / С.С. Сулакшин // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – М., 2011. – Т. 4. – С. 98-103.
157. Сунгуров, А. Ю. Гражданское общество и его развитие в России : учебное пособие [Электронный ресурс] / А.Ю. Сунгуров. – СПб.: Ютас, 2008. – Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_gr_ob.pdf
158. Тарасенко, Т.Н. Здоровьеразвивающие и здоровьесберегающие технологии в социально-педагогической практике [Электронный ресурс] / Т.Н. Тарасенко // Информационный портал rusnauka.com. – Режим доступа: <http://www.rusnauka.com/>
159. Татарко, А.Н. Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе [Текст]: дис. ... д-ра псих.н. (19.00.05) / А.Н. Татарко. – М., 2015. – 42 с.
160. Тихонова, Н.Е. Явные и неявные последствия экономических кризисов / Н.Е. Тихонова // Социологические исследования. – 2015. – № 12. – С. 16-27.
161. Тощенко, Ж.Т. Социология жизни как концепция исследования [Текст] / Ж.Т. Тощенко // Философские науки. – 2011. – № 4. – С. 26-41.
162. Тощенко, Ж.Т. Время Акме – социологическим исследованиям 40 лет [Текст] / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования.– 2014. – № 7(363). – С. 3-7.
163. Тощенко, Ж.Т. Новые лики деятельности: имитация [Текст] / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2012. – № 12. – С. 23-36.
164. Тощенко, Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс [Текст] / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2015. – № 6. – С. 3-12.
165. Тощенко, Ж.Т. Социальное настроение – феномен социологической теории и практики [Текст] / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 1998. – № 1. – С. 21-34.
166. Тощенко, Ж.Т. Социальное настроение [Текст] / Ж.Т. Тощенко, С.В. Харченко. – М.: Academia, 1996. – 196 с.
167. Третьяков, В.Т. Доклад на круглом столе «Институт президентства в России: правовые основы и роль в модернизации общества» 8 июня 2011 г. [Электронный ресурс] / В.Т. Третьяков. – Режим доступа: <http://education.law-books.ru/index.php?page=kruglyj-stol>
168. Ускова, Т.В. Закон о стратегическом планировании в Российской Федерации: достоинства и нерешенные вопросы (экспертная оценка) [Текст] / Т.В. Ускова, А.Н. Чекавинский // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 4(34). – С. 63-67.
169. Устав (конституция) Всемирной организации здравоохранения (Нью-Йорк, 22 июля 1946 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf>

170. Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/409556/#ixzz31UYmvYQa> 19

171. Федоркин, Н.С. Лидирующая роль государства в формировании гражданского общества в переходных странах [Текст] / Н.С. Федоркин // Пространство и время. – 2012. – № 1. – С. 27-36.

172. Финансовый кризис может нанести вред здоровью россиян // Новости РИА Primamedia. 2009 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.primamedia.ru/news/show/?id=86079

173. Форум «Государство и гражданское общество» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47480>

174. Ховард, М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе / М. Ховард. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 192 с.

175. Холмогоров, Е.С. Мюнхенская речь Путина была оборонительной. Сегодня мы услышали речь наступательную [Электронный ресурс] / Е.С. Холмогоров. – Режим доступа: <http://politikus.ru/v-rossii/15008-eholmogorov-myunhenskaya-rech-putina-byla-oboronitelnoy-segodnya-my-uslyshali-rech-nastupatelnuyu.html>

176. Холодковский, К.Г. Социальные корни идейно-политической дифференциации российского общества [Электронный ресурс] / К.Г. Холодковский // Гражданское общество в России: Научная электронная библиотека. – Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Kholod_1998_3.pdf

177. Хуснутдинова, З.А. Суицидальное поведение подростков [Текст] / З.А. Хуснутдинова // Социологические исследования. – 2015. – № 11. – С. 161-163.

178. Что Вы можете сказать о своём настроении в последние дни? [Электронный ресурс]: база данных Левада-центр. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/archive/obshchestvennye-nastroeniyaozhidaniya/chto-vy-mozhete-skazat-o-svoem-nastroenii-v-poslednie-dni>

179. Шмиттер, Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии [Текст] / Ф. Шмиттер // Полис. – 1996. – № 5. – С. 16-27.

180. Штомпка, П. Доверие – основа общества [Текст] / П. Штомпка. – М.: Логос, 2012. – 445 с.

181. Штомпка, П. Социология социальных изменений [Текст] / П. Штомпка. – М.: Аспект: Пресс, 1996. – 416 с.

182. Шухов, Ф.Г. Научные представления о правовом государстве и гражданском обществе в зарубежной и отечественной политико-правовой мысли [Текст] / Ф.Г. Шухов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – Том 9. – № 29. – С. 131-136.

183. Экономический кризис: аналитика Левада-центра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/02/24/ekonomicheskij-krizis/>
184. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psychology_pedagogy.academic.ru/
185. Юревич, А.В. Психологическое состояние современного российского общества: новые оценки [Текст] / А.В. Юревич // Вопросы психологии. – 2015. – № 2. – С. 32-44.
186. Ядов, В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности [Текст] / В.А. Ядов – М: Омега-Л, 2007. – 567 с.
187. Яценко, И.Н. Социальное настроение и самочувствие населения малого северного города [Электронный ресурс] : дис. на соиск. уч. ст. канд. соц. наук / И.Н. Яценко. – Екатеринбург, 2006. – Режим доступа : <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/191625.html>;
188. State of civil society 2013: Creating an enabling environment / CIVICUS, World Alliance for Citizen Participation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://socs.civicus.org/wp-content/uploads/2013/04/2013StateofCivilSocietyReport_full.pdf
189. Strack F, Martin L. L. Thinking, judging, and communicating: A process account of context effects in attitude surveys // Social information processing and survey methodology. – 1987. – P. 123-148.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ГЛАВА 1. ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ	
1.1. Понятие консолидации в различных сферах общественной жизни	6
1.2. Общество и власть: специфика взаимодействия на современном историческом этапе	18
1.3. Роль социологии в повышении эффективности консолидационных процессов	34
ГЛАВА 2. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ	
2.1. Исследование гражданского общества в зарубежной и отечественной науке	43
2.2. Социальное восприятие ключевых аспектов жизни общества	55
2.3. Гражданское общество в современной России: опыт мониторинговых измерений на региональном уровне	82
ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК ИНДИКАТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ КОНСОЛИДАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ОБЩЕСТВЕ	
3.1. Теоретическо-методологические подходы к изучению социального здоровья	106
3.2. Динамика показателей социального здоровья в 2000–2015 гг.	117
Заключение	144
Список использованных источников	148

Научное издание

Морев Михаил Владимирович
Смолева Елена Олеговна
Дементьева Ирина Николаевна
Каминский Вадим Сергеевич
Молодов Олег Павлович
Кожина Татьяна Павловна

Проблемы эффективности государственного управления

**СОЦИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ
РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА**

**Под научным руководством
д.э.н. Шабуновой Александры Анатольевны**

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.В. Степанова

Подписано в печать 26.12.2017.

Формат 70×108/16. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 14,4. Тираж 500 экз. Заказ № 360.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

«Вологодский научный центр Российской академии наук»

(ФГБУН ВолНЦ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а

Телефон: 59-78-10, e-mail: common@vscc.ac.ru

ISBN 978-5-93299-387-3

9 785932 993873